РУССКАЯ

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

Н. В. ГОГОЛЯ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СОБРАЛЪ

В. Зелинскій.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1910.

Оглавленіе.

Критика сороковыхъ годовъ.

1842 г.

Стр.

„Похожденія Чичикова, или *Мертвыя Души*. Поэма Н. Гоголя". Статья С. Шевырева. Изъ „Москвитянина". . 1

„Похожденія Чичикова, или *Мертвыя Души*. Поэма Н. Гоголя". Статья Г. (Н. И. Греча?). Изъ „Сѣверной Пчелы" 33

„Чичиковъ, или *Мертвыя Души* Гоголя". Статья С. Ш. (Плетнева). Изъ „Современника" 40

„Похожденія Чичикова, или *Мертвыя Души*. Поэма Н. Гоголя". Статья О. Сенковскаго. Изъ „Библіотеки для Чтенія" 67

„*Литературный разговоръ*, подслушанный въ книжной лавкѣ". Статья В. Бѣлинскаго. Изъ „Отечественныхъ Записокъ". 99

Нѣсколько словъ о поэмѣ: „*Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души*". Статья В. Бѣлинскаго. Изъ „Отечественныхъ Записокъ" 119

„Объясненіе". Статья Константина Аксакова. Изъ Москвитянина" 128

Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „*Мертвыя Души*". Статья В. Бѣлинскаго. Изъ „Отечественныхъ Записокъ". 138

„Библіографическое извѣстіе". Статья В. Бѣлинскаго. Изъ „Отечественныхъ Записокъ". 170

Стр.

Выдержка о Гоголѣ изъ статьи С. Шевырева: „Взглядъ на современную русскую литературу“. Изъ „Москвитянина“ 173

„*Ревизоръ*. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Соч. Н. Гоголя“. Статья Н. Полевого. Изъ „Русскаго Вѣстника“ . . . 175

Выдержка о „Ревизорѣ“ изъ критической статьи В. Бѣлинскаго, подъ заглавіемъ: „*Горе отъ ума*. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Соч. А. С. Грибоѣдова“. Изъ „Отечественныхъ Записокъ“ 177

Алфавитный указатель литературныхъ именъ и предметовъ . 203

КРИТИКА СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

1842 г.

*)—**Похожденія Чичикова**, или *Мертвыя Души*. Поэма Н. Гоголя.

Положимъ, говорятъ намъ возражатели, что эта грубая жизнь, какъ и все въ мірѣ, можетъ быть предметомъ наблюденій практическаго философа или государственнаго человѣка, который ее изучаетъ точно такъ же, какъ естествоиспытатель изучаетъ гадъ и все низкое въ природѣ.

Да какой же интересъ можетъ она предложить Поэту? Какая связь между такою жизнью и искусствомъ?

Сейчасъ, сейчасъ предложимъ отвѣтъ на вашъ вопросъ, который слѣдуетъ въ порядкѣ нашего разсужденія. Но прежде припомнимъ еще одно изъ замѣчаній, напечатлѣвшееся въ нашей памяти по остроумію, съ какимъ было предложено: теперь переходя отъ вопроса о жизни къ вопросу объ искусствѣ и художникѣ, настоящее время отвѣчать на него. Вы спрашивали насъ: „не правда-ли, что странствуя по Россіи, вы согласитесь скорѣе дать 30 верстъ крюку, чѣмъ встрѣтиться съ какимъ-нибудь Собакевичемъ или Ноздревымъ? Какая же охота встрѣчаться съ ними въ поэмѣ, когда и на яву они представляются для насъ страшнымъ кошмаромъ? Можно-ли впустить хотя одно изъ лицъ

*) „Москвитянинъ“ 1842 г., ч. IV, № 8. „Критика“. Статья вторая. С. Шевырева.—Первая статья-критики С. Шевырева напечатана въ концѣ первой части „Русской критической литературы о произведеніяхъ Н. В. Гоголя“. *Примѣч. В. Зеленскаго.*

этой Поэмы далѣе своей передней?“—Но позвольте и намъ предложить вопросы въ свою очередь. Смотрите на улицу: вотъ пьяница шатается по тротуару; вотъ извозчикъ навеселѣ мчится на удалой тройкѣ. Вы, конечно, обойдете за нѣсколько шаговъ этого пьяницу, и не впустите извозчика, особенно же съ его тройкой, въ вашу гостиную; но изобрази вамъ пьяницу Теньеръ своею веселою кистію, нарисуй вамъ Орловскій извозчика-лихача, съ удалою тройкою, безсмертнымъ карандашемъ своимъ,—и пьяница Теньеровъ, и тройка Орловскаго будутъ красоваться въ вашей гостиной на самомъ первомъ, почетномъ мѣстѣ, выше какихъ-нибудь другихъ важныхъ картинъ, рисованныхъ кистію не столько искусною. Такова привилегія художества.

Великъ, просторенъ и чудно разнообразенъ міръ Божій: есть мѣсто въ немъ для всего. Живутъ въ немъ и Собакевичи, и Ноздревы. Таковъ же точно и міръ искусства, создаваемый художникомъ: и въ немъ должно быть мѣсто всему, и ничѣмъ не пренебрегаетъ многообъемлющая фантазія Поэта, которой подвѣдомъ весь міръ отъ звѣздъ до преисподнихъ земли: все свободно воспріемлетъ онъ въ себя и воспроизводитъ своею чудною властію. Не *что* избралъ художникъ, а *какъ* онъ это возсоздалъ и какъ связалъ міръ дѣйствительный съ міромъ своего изящнаго: вотъ то, что собственно касается искусства.

Первый вопросъ о томъ, *что* изобразилъ художникъ, относящійся къ опредѣленію связи, какая находится между произведеніемъ и жизнію, нами уже рѣшенъ. Перейдемъ же теперь ко второму, *какъ* изобразилъ художникъ жизнь имъ избранную. Одно изъ первыхъ условій всякаго изящнаго произведенія искусства есть водвореніе полной блаженной гармоніи во всемъ внутреннемъ существѣ нашемъ, которая не свойственна обыкновенному состоянію жизни. Но изображеніе предметовъ изъ грубой, низкой, животной природы человѣка производило бы совершенно противное тому дѣйствіе и нарушало бы вовсе первое условіе изящнаго впечатлѣнія—водвореніе гармоніи въ нашемъ духѣ,—если бы не помогало здѣсь усиленіе другой стороны, воз-

вышеніе субъективнаго духа въ самомъ Поэтѣ, возсоздающемъ этотъ міръ. Да, чѣмъ ниже, грубѣе, матеріальнѣе, животнѣе предметный міръ, изображаемый Поэтомъ, тѣмъ выше, свободнѣе, плотнѣе, сосредоточеннѣе въ самомъ себѣ долженъ являться его творящій духъ; другими словами, чѣмъ ниже объективность имъ изображаемая, тѣмъ выше должна быть, отрѣшеннѣе и свободнѣе отъ нея, его субъективная личность.

Сія послѣдняя проявляется въ юморѣ, который есть чудное сліяніе смѣха и слезъ, посредствомъ коего Поэтъ соединяетъ всѣ видѣнія своей фантазіи съ своимъ собственнымъ человѣческимъ существомъ. Неистощимъ комическій юморъ Гоголя; всѣ предметы, какъ будто нарочно, по его волѣ становятся передъ нимъ смѣшною ихъ стороною; даже имена, слова, сравненія подвертываются къ нему такія, что возбуждаютъ смѣхъ; конечно, заразительный хохотъ пронесся вмѣстѣ съ Мертвыми Душами по всѣмъ предѣламъ Россіи, гдѣ только его читали. Но тотъ не далеко слышитъ и видитъ, кто въ яркомъ смѣхѣ Гоголя не замѣчаетъ глубокой затаенной грусти. Въ Мертвыхъ Душахъ особенно часто веселость смѣняется задумчивостью и печалью. Смѣхъ принадлежитъ въ Гоголѣ художнику, который не инымъ чѣмъ какъ смѣхомъ можетъ забирать въ свои владѣнія весь грубый скарбъ низменной природы смертнаго; но грусть принадлежитъ въ немъ человѣку. Какъ будто два существа виднѣются намъ изъ его романа: Поэтъ, увлекающій насъ своею ясновидящею и причудливою фантазіею, веселящій неистощимою игрою смѣха, сквозь который онъ видитъ все низкое въ мірѣ,—и человѣкъ, плачущій глубоко и чувствующій иное въ душѣ своей въ то самое время, какъ смѣется художникъ. Такимъ образомъ въ Гоголѣ видимъ мы существо двойное или раздвоившееся; Поэзія его не цѣльная, не единичная, а двойная, распадшаяся. Какъ этотъ разрывъ въ немъ примиряется и доходитъ до полнаго согласія—мы увидимъ ниже.

Яркій смѣхъ Поэта, переливаясь черезъ глубокую думу и печаль, превращается въ немъ такъ часто въ возвышен-

ныя лирическія движенія: тотъ же самый человѣкъ, который теперь только передъ вами такъ беззаботно смѣялся и смѣшилъ васъ, является вдохновеннымъ проницателемъ, съ торжественною думою на важномъ челѣ своемъ. Эта способность такъ легко переходить отъ хохота ко всѣмъ оттѣнкамъ чувства, до самыхъ высокихъ лирическихъ восторговъ, показываетъ, что смѣхъ Поэта проистекаетъ въ немъ не отъ холоднаго разсудка, который все отрицаетъ, и потому надъ всѣмъ смѣется, но отъ глубины чувства, которое въ самой природѣ человѣческой двоится на веселье и горе. Вотъ чѣмъ юмористическій хохотъ Гоголя отличенъ отъ того пустаго пересмѣшничества (persiflage), которое часто встрѣчается во Французской литературѣ и ведетъ свое начало отъ Вольтера. Пересмѣшникъ издѣвается разсудкомъ, а не чувствомъ смѣется: хохотъ перваго утомляетъ подъ конецъ своею пустотою, тогда какъ хохотъ втораго часто заставляетъ задумываться.

Подкрѣпимъ наше мнѣніе о характерѣ юмора Гоголева его собственными словами, въ которыхъ онъ такъ вѣрно и сильно высказываетъ на самого себя и открываетъ тайны души своей. Рѣдко случается встрѣтить въ Поэтѣ сознаніе своего характера и искусства: Гоголь принадлежитъ къ числу сихъ немногихъ исключеній. Разборомъ характера Хлестакова въ Ревизорѣ онъ доказалъ, какъ отчетливо понимаетъ свои созданія. Мертвыя Души исполнены также глубокомысленныхъ замѣтъ о состояніи души Поэта и о томъ, какъ онъ самъ смотритъ на свои произведенія. Въ первой статьѣ мы уже привели одно изъ такихъ мѣстъ: теперь снова повторимъ его кстати и прочтемъ еще далѣе.

„Но то на свѣтѣ дивно устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда Богъ знаетъ, что взбредетъ въ голову“.— И далѣе: „Зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою вдругъ пронесется иная чудная струя: еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей и уже

другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо"... Въ этихъ словахъ не то же ли самое, что мы выше сказали?

Но вотъ еще мѣсто, въ которомъ гораздо яснѣе высказана та же мысль въ отношеніи къ самому Поэту: „И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властію идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, *озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы!*" Слова драгоцѣнныя, глубокія, поднятыя съ самаго дна души и сказавшіяся въ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ свѣтлыхъ минутъ, когда поэтъ и человѣкъ бываютъ ясны самому себѣ!

Сіи-то незримыя, невѣдомыя міру слезы проглядываютъ очень часто въ Поэмѣ Гоголя; для того, кто хочетъ вглядѣться глубже, онѣ очень замѣтны сквозь игривый звонъ комическаго смѣха, и мы нѣсколько разъ испытали на самихъ себѣ переходъ отъ шумнаго веселья къ грустной задумчивости. Подкрѣпимъ это свидѣтельствами изъ самаго произведенія. Главный мотивъ, на которомъ держится все комическое дѣйствіе Поэмы, продажа мертвыхъ душъ, съ перваго раза кажется только забавенъ, и въ самомъ дѣлѣ такъ искусно найденъ комическою фантазіею художника: тутъ нѣтъ ничего никому обиднаго, ни вреднаго—что такое мертвыя души?—такъ ничего, не существуютъ, а между тѣмъ изъ-за нихъ-то поднялась такая тревога. Здѣсь источникъ всѣмъ комическимъ сценамъ между Чичиковымъ и помѣщиками, и кутерьмѣ, какая заварилась во всемъ городѣ. Мотивъ съ виду только-что забавный,—кладъ для комика;—но когда вы прислушаетесь къ сдѣлкамъ Чичикова съ помѣщиками, когда потомъ вмѣстѣ съ нимъ (въ VII главѣ Поэмы), или лучше съ Авторомъ, который здѣсь напрасно уступилъ мѣсто своему герою, вы раздумаетесь надъ участію всѣхъ этихъ неизвѣстныхъ существъ, внезапно оживающихъ передъ вами въ разныхъ типахъ Русскаго мужика,—глубокая ироніа выглянетъ въ мотивѣ, и невольною думою осѣнится ваше свѣтлое чело.

Взгляните на разстановку характеровъ: даромъ ли они выведены въ такой перспективѣ? Сначала вы смѣетесь надъ

Маниловымъ, смѣетесь надъ Коробочкою, нѣсколько серьезнѣе взглянете на Ноздрева и Собакевича, но увидѣвъ Плюшкина, вы уже вовсе задумываетесь: вамъ будетъ грустно при видѣ этой развалины человѣка.

А герой Поэмы? Много смѣшитъ онъ васъ, отважно двигая впередъ свой странный замыселъ и заводя всю эту кутерьму между помѣщиками и въ городѣ; но когда вы прочли всю исторію его жизни и воспитанія, когда Поэтъ разоблачилъ передъ вами всю внутренность человѣка,—не правда ли что вы глубоко задумались?

Наконецъ, представимъ себѣ весь городъ N. Здѣсь, кажется, ужъ до нельзя разыгрался комическій юморъ Поэта, какъ будто къ концу тома сосредоточивъ всѣ свои силы. Толки жителей о душахъ Чичикова и ихъ нравственности, балъ у Губернатора, появленіе Ноздрева, пріѣздъ Коробочки, сцена двухъ дамъ, слухи въ городѣ о мертвыхъ душахъ, о похищеніи губернаторской дочки, вздоръ, тревога, кутерьма, сутолока, вѣсть о новомъ Генералъ-Губернаторѣ и съѣздъ у Полицмейстера, на которомъ разсказывается повѣсть о Капитанѣ Копѣйкинѣ!.. Какъ не изумиться тому, съ какою постепенностью растетъ комическое дѣйствіе и какъ безпрерывно прибываютъ новыя волны въ смѣшливомъ юморѣ Автора, которому здѣсь просторное раздолье. Какъ будто самъ демонъ путаницы и глупости носится надъ всѣмъ городомъ и всѣхъ сливаетъ въ одно: здѣсь, говоря словами Жанъ-Поля, не одинъ какой-нибудь дуракъ, не одна какая-нибудь отдѣльная глупость, но цѣлый міръ безсмыслицы, воплощенной въ полную городскую массу. Въ другой разъ Гоголь выводитъ намъ такой фантастическій Русскій городъ: онъ уже сдѣлалъ это въ Ревизорѣ; здѣсь также мы почти не видимъ отдѣльно ни Городничаго, ни Почмейстера, ни Попечителя Богоугодныхъ заведеній, ни Бобчинскаго, ни Добчинскаго; здѣсь также цѣлый городъ слитъ въ одно лицо, котораго всѣ эти господа только разные члены: одна и та же уѣздная безсмыслица, вызванная комическою фантазіею, одушевляетъ всѣхъ, носится надъ ними и внушаетъ имъ поступки и слова, одно смѣшнѣе другого. Такая же

безсмыслица, возведенная только на степень губернской, олицетворяется и дѣйствуетъ въ городѣ N. Нельзя не удивиться разнообразію въ талантѣ Гоголя, который въ другой разъ вывелъ ту же идею: но не повторился въ формахъ и ни одною чертою не напомнилъ о городѣ своего Ревизора! При этомъ способѣ изображать комически оффиціальную жизнь внутренней Россіи, надобно замѣтить художественный инстинктъ Поэта: всѣ злоупотребленія, всѣ странные обычаи, всѣ предразсудки облекаетъ онъ одною свѣтлою легкою смѣшливою призмою. Такъ и должно быть — Поэзія не доноситъ, не грозное обвиненіе. У нея возможны одни только краски на это: краски смѣшного.

Но и тутъ даже, гдѣ смѣшное достигло своихъ крайнихъ предѣловъ, гдѣ Авторъ, увлеченный своимъ юморомъ, отрѣшилъ мѣстами фантазію отъ существенной жизни и нарушилъ тѣмъ, какъ мы скажемъ послѣ, ея характеръ,—и здѣсь смѣхъ при концѣ смѣняется задумчивостью, когда, среди этой праздной суматохи, внезапно умираетъ Прокуроръ, и всю тревогу заключаютъ похороны. Невольно опять припоминаются слова Автора о томъ, какъ въ жизни веселое мигомъ обращается въ печальное...

Вся поэма усѣяна множествомъ краткихъ эпизодовъ, яркихъ замѣтъ, глубокихъ взглядовъ въ существенную сторону жизни, изъ которыхъ видна внутренняя наклонность къ сердечной задумчивости и къ важному созерцанію жизни человѣческой вообще и Русской въ особенности.

Чтобъ завершить этотъ рядъ сильныхъ примѣровъ, служащихъ подтвержденіемъ нашему воззрѣнію на юморъ Гоголя, мы выпишемъ изъ его Поэмы одну страницу, въ которой съ удивительною полнотою высказывается все теченіе чувства въ самомъ Поэтѣ и какъ будто въ миніатюрѣ отражается характеръ всей его Поэмы не только тою половиною, которую мы теперь читаемъ, но будущею, которую Авторъ намъ обѣщаетъ. Это описаніе Русской дороги:

„...И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкими

бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ, пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ, городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля необозримыя, и по ту сторону и по другую, помѣщичьи рыдваны, скачетъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: такой-то артиллерійской батареи, зеленыя, желтыя и свѣжеразрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны какъ мухи и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу: бѣдна природа въ тебѣ, не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія ея дива, вѣчными дерзкими дивами искусства, города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя церкви и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящійся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто — пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города; ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія

очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что пророчитъ сей необъятный просторъ? здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пронтись ему? и грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь въ глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!“...

Прослѣдите внимательною мыслью эти двѣ страницы, въ которыхъ съ такою полнотою вылилось чувство Автора: вы замѣтите, что сначала комическій юморъ подсказывалъ ему только низкіе предметы русской дороги, версты, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабъ, бородачей, городишки съ лавчонками, лаптями и калачами... Фантазія его, увлеченная въ одну сторону, не замѣтила ни раздолья нашихъ нивъ, несущихъ гибкія волны безконечной и разнообразной жатвы; ни пустыхъ мѣстъ, брошенныхъ пахаремъ отъ избытка земли; ни особенностей нашей природы: роскошной земли, безсмѣнно покрывающей луга все круглое лѣто, болотъ и полянъ, расписанныхъ сплошь то лиловымъ, то синимъ, то желтымъ цвѣтомъ; плотнаго дуба, рябины, убранной коралловыми кудрями; ни нашихъ рѣкъ, которыя внезапно застилаютъ скачущему широкую дорогу: ни физіономіи Русскаго мужика, ни его яркой красной рубашки, ни бѣлокурыхъ мальчишекъ, прыгающихъ по улицамъ, ни древнихъ городовъ, высокоподнимающихся надъ крутыми берегами полноводныхъ рѣкъ своихъ; ни вереницы молельщиковъ, которые Богъ знаетъ изъ какихъ странъ плетутся многія тысячи верстъ по нескончаемой Руси, питаясь молитвою и подаяніемъ; ни Божіихъ храмовъ, которые съ разныхъ точекъ небосклона какъ будто молитвеннымъ хоромъ обнимаютъ васъ, подъемлясь въ небеса, и одни только ярко расписанные и вѣнчанные золотыми крестами, величаются и красуются надъ низменными жилищами, гдѣ влачитъ незамѣтную жизнь свою въ потѣ лица спѣдающій хлѣбъ

свои и кормящій имъ всю Россію Русскій крестьянинъ... Комическій юморъ не могъ замѣтить этого... Къ тому же пышная Италія дивами своего искусства и природы затмила все, что и могло бы на однообразной дорогѣ Русской сказаться сердцу Поэта... Но при имени Русь, сильно и ныли зазвучала ему родная пѣсня... И крѣпко забилось сердце, и мигомъ смѣхъ сбѣжалъ съ лица, и изъ очей выступили слезы, и какимъ-то непонятнымъ желаніемъ вся душа понеслась въ родимую даль, а затѣмъ высокія лирическія движенія стѣснили грудь, и вылились изъ нея полнозвучными, восторженными словами!

То, что видимъ въ этомъ отрывкѣ, что замѣтили мы прежде въ главномъ мотивѣ Поэмы, въ разстановкѣ характеровъ, въ героѣ, въ изображеніи города, то самое не будетъ ли видно и во всемъ произведеніи?.. Да, да, такъ какъ должно быть, судя по духу самого Поэта, такъ ярко воплотившемуся въ его созданіи... Такъ говоритъ и предсказываетъ онъ самъ въ разныхъ мѣстахъ Поэмы, особенно же въ ея заключеніи: „Можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя, струны, предстанетъ несмѣтное богатство Русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или чудная Русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей пышной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся передъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга передъ живымъ словомъ! Подымутся Русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ Славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ“... Или далѣе: „въѣзжаетъ въ какой бы ни было городъ, хоть даже въ столицу, всегда какъ-то блѣднѣешь; сначала все сѣро и однообразно: тянутся безконечные заводы и фабрики, закопченные дымомъ, а потомъ уже выглянутъ углы шестиэтажныхъ домовъ, магазины, вывѣски, громадныя перспективы улицъ, всѣ въ колокольняхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ и всѣмъ, что на-свѣтѣ произвела рука и мысль человѣка. Какъ

произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двинутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся дальше ея горизонтъ, и *вся она приметъ величавое лирическое теченіе*, то увидимъ потомъ“.

Если бы даже Авторъ этими ясными словами самъ не отворилъ намъ дверей въ будущее своей повѣсти, то мы, по требованіямъ изящнаго, по силѣ и полнотѣ его дарованія, объемлющаго всѣ стороны жизни, и по характеру его юмора, могли бы заранѣе отгадать то, что намъ впереди обѣщано. Много, много смѣялись въ первомъ томѣ: трудно загадывать въ такомъ дѣлѣ, но должно быть, что *веселое обратится въ печальное*, и что будемъ мы плакать въ послѣдующихъ. Такъ чувство наше раздвоится на двѣ половины, которыя дополнятъ другъ друга и примирятся, можетъ быть, подъ конецъ въ свѣтлой, успокоительной, возвышенной, всевоспріемлющей фантазіи Поэта.

Когда говоришь о Гоголѣ, и находишься подъ непрерывнымъ вліяніемъ его произведенія—невольно приходятъ на мысль поэтическіе образы—и холодный языкъ критика превращается въ языкъ поэта. Потому, да не покажется читателямъ страннымъ, если мы употребимъ сравненіе для того, чтобы яснѣе изобразить развитіе внутренняго чувства и фантазіи во всей его Поэмѣ. Взгляните на вихорь передъ началомъ бури: легко и низко проносится онъ сперва: взметаетъ пыль и всякую дрянь съ земли: перья, листья, лоскутки летятъ вверхъ и вьются:—и скоро весь воздухъ наполняется его своенравнымъ круженіемъ... Легокъ и незначителенъ кажется онъ сначала, но въ этомъ вихрѣ скрываются слезы природы и страшная буря. Таковъ точно и комическій юморъ Гоголя... Но вотъ налетѣли тучи... Сверкнула молнія. . Громъ раскатился по небу... Дождь хлынулъ потоками. Земля и небо смѣшались вмѣстѣ... Не такова ли будетъ вторая часть его Поэмы, въ которой обѣщаетъ онъ

намъ *лирическое теченіе*, горизонтъ *раздающійся* и *величавый громъ другихъ рѣчей?*

Но мы знаемъ, что надъ этимъ вихремъ, надъ этими молніями, громами и тучами, въ которыхъ небо борется съ землею и очищаетъ ее,—высоко, высоко распростерто ясное, невозмущаемое, лазурное небо съ своимъ неизмѣннымъ солнцемъ: не такъ ли надъ юморомъ Поэта, въ которомъ свободный духъ его раздѣлывается съ существенностью дѣйствительной жизни, носится міръ его свѣтлой фантазіи, гдѣ примиряются его чувства, волнуемыя жизнію въ двѣ противныя стороны, и гдѣ человѣкъ съ своимъ смѣхомъ и слезами успокоивается и преображается въ одного цѣльнаго художника?

Объяснивъ сначала значеніе дѣйствительной жизни въ первой части Поэмы Гоголя, и показавъ, какимъ образомъ онъ связуется съ міромъ искусства, мы перейдемъ теперь въ чистый элементъ художественный, въ область его фантазіи, и предложимъ ея характеристику. Талантъ Гоголя былъ бы весьма одностороненъ, если бы ограничивался однимъ комическимъ юморомъ, если бы обнималъ только одну низкую сферу дѣйствительной жизни, если бы личное (субъективное) чувство его не переливалось изъ яркаго хохота въ высокую бурю восторженной страсти, и если бы потомъ обѣ половины чувства не мирились въ его свѣтлой, творящей, многообъемлющей фантазіи. Вспомнимъ, что одно и то же перо изобразило намъ ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ, Старосвѣтскихъ помѣщиковъ и Тараса Бульбу. Художественный талантъ Гоголя совершилъ такіе замѣчательные переходы, когда жилъ и дѣйствовалъ въ сферѣ своей родной Малороссіи. По всѣмъ даннымъ и по всѣмъ вѣроятностямъ должно предполагать, что тѣ же самые переходы совершитъ онъ и въ новой огромной сферѣ своей дѣятельности, въ жизни Русской, куда теперь, какъ видно, переселилась его фантазія. Если Ревизоръ и первая часть Мертвыхъ Душъ соотвѣтствуетъ Шпонькѣ и знаменитой ссорѣ двухъ Малороссовъ, то мы въ правѣ ожидать

еще высокихъ созданій, въ родѣ Тараса Бульбы, взятыхъ уже изъ Русскаго міра.

Но и теперь, когда все возсоздаваемое Гоголемъ изъ этого міра носитъ на себѣ рѣзкую печать его комическаго юмора, и теперь замѣчаемъ мы въ немъ присутствіе свѣтлой творческой фантазіи, которая предводитъ согласнымъ хоромъ его способностей, возвышается надъ всѣми субъективными чувствами, и готова бы была совершенно перенестись въ чистый идеальный міръ искусства, если бы слишкомъ низкіе предметы земной жизни не сковали ея могучихъ крыльевъ и если бы комическій юморъ не препятствовалъ ея свободному, полному и спокойному созерцанію жизни. Постараемся теперь обозначить черты ея и короче ознакомиться съ физіономіею Поэта, ярко отразившеюся въ его новомъ произведеніи.

Первая черта фантазіи Гоголя есть живое *ясновидѣніе* міра, имъ переносимаго изъ бытія существеннаго въ бытіе идеальное искусства. По всѣмъ правамъ и въ высшемъ смыслѣ фантазія Гоголя можетъ быть названа ясновидящею, потому что въ каждомъ предметѣ, ею воспроизводимомъ, она видитъ ясно и внѣшнюю и внутреннюю его сторону, и взаимное ихъ между собой отношеніе. Безъ особеннаго призванія, безъ дара Божія, Гоголь не могъ бы развить въ себѣ этой способности, которая не пріобрѣтается никакимъ навыкомъ; но нельзя не замѣтить, что два славные учителя воспитали ее: Италія своею поэзіею, живописью и природою раскрыла въ фантазіи Гоголя всю внѣшнюю ея сторону; Шекспиръ и В. Скоттъ раскрыли внутреннюю и довершили развитіе.

Какой читатель могъ не замѣтить въ Мертвыхъ Душахъ всей богатой живописи внѣшняго міра, — въ теплыхъ картинахъ Русской природы, въ изображеніяхъ всѣхъ мелочей городского и сельскаго быта, въ наружной физіономіи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, изъ которыхъ каждое со всѣми его движеніями видишь передъ собою, и наконецъ въ этихъ сравненіяхъ яркихъ, пластическихъ, всегда окруженныхъ и съ художественною заботливостію доведенныхъ до конца?

Много бы надо было выписывать изъ Поэмы, если бы мы захотѣли знакомить съ нею читателей въ этомъ отношеніи; но предполагаемъ, что многіе изъ нихъ уже почти наизусть съ нею знакомы, и что въ ихъ воображеніи живо начертлѣны картины, начертанныя кистію Гоголя. Все, къ чему во внѣшнемъ мірѣ не прикасается его волшебная фантазія, все то чудно, свѣтится своею краскою и сквозитъ въ его яркомъ, вѣрномъ, полномъ и широкомъ словѣ.

Мы видѣли эту сторону фантазіи Гоголя еще въ Вечерахъ Диканьки, въ Старосвѣтскихъ помѣщикахъ и въ Тарасѣ Бульбѣ. Кто не помнитъ Малороссійской степи и плодовитаго сала? Но надобно сказать, что въ Мертвыхъ Душахъ эта сторона выступаетъ еще ярче. Здѣсь только близорукій не замѣтитъ, что небо Италіи, прозрачный ея воздухъ, ясность каждаго очерка въ предметѣ, картинныя галлереи, мастерскія художниковъ, частое общеніе съ ними, наконецъ, поэзія Италіи — воспитали въ Гоголѣ фантазію тою стороною, которою обращена она ко всему внѣшнему міру, и дали ей такое живописное направленіе, такую полноту и окончанность.

Говоря объ этомъ, нельзя не обратить вниманія на симпатію Гоголя къ Италіи, на душевное влеченіе его къ странѣ изящнаго. Откуда объяснить это? Изъ того только, что онъ истинный художникъ, что искусство — его призваніе. Въ самомъ дѣлѣ, Гоголь у насъ единственный писатель, который остается вѣренъ своему назначенію, не отвлекается ничѣмъ посторонннимъ, твердо и постоянно служитъ искусству и живетъ только для него. Благородное, прекрасное, достойное служеніе! Слава ему, что онъ не промѣнялъ его ни на какое иное! Если такъ, то какая же другая сфера могла удовлетворить ему, кромѣ Италіи, гдѣ все дышитъ міромъ близкимъ душѣ его, и въ самой Италіи какой городъ могъ онъ избрать, если не Римъ, гдѣ минувшее величіе, природа и искусство сочетались въ одно и образовали для всякаго современнаго художника чудный пріютъ, волшебное окруженіе? Здѣсь, *изъ своего прекраснаго далека*, благодаря прозрачному небу полудня, ясньѣе и

полнѣе созерцаетъ онъ Россію, и въ то время какъ въ сихъ фантазіи являются ему кошмары съ фигурами Собакевичей и Поздревыхъ; необходимо, чтобы взоры его отдыхали на стройныхъ очертаніяхъ Колосссея и храма Петра, на картинахъ Перуджино и Рафаэля, на воздушныхъ горныхъ линіяхъ и на чудной лазури небесъ Италіянскихъ! Таковъ художникъ истинный. Да будетъ же свѣтло его пребываніе тамъ, и чаще, какъ можно чаще, да сходятъ на него минуты вдохновенія!

Яркій отпечатокъ природы, живописи и Поэзіи изящнаго полудня Европы лежитъ на колоритѣ Мертвыхъ Душъ и на всемъ, что составляетъ внѣшнюю сторону изображаемаго въ нихъ міра. При этомъ замѣчаніи прошу читателей не смѣшать содержанія съ искусствомъ: содержаніе разумѣется дано Россіею, и Поэтъ всегда ему вѣренъ, но ясновидѣніе и сила фантазіи, съ какими возсоздаетъ онъ далекій міръ отчизны, воспитанный въ Гоголѣ Италіянскимъ окруженіемъ. Въ одномъ мѣстѣ видно даже, что Италія невольно бросила нѣсколько жаркихъ красокъ на самое содержаніе картины, а именно — въ описаніи сада Плюшкина, гдѣ зеленыя облака и трепетолистные куполы деревъ, лежащихъ на небесномъ горизонтѣ, напоминаютъ ландшафты Юга.

Говоря объ этой полудневной стихіи въ Поэмѣ Гоголя, какъ забываешь чудныя сравненія, встрѣчающіяся нерѣдко въ Мертвыхъ Душахъ! Ихъ полную художественную красоту можетъ постигнуть только тотъ, кто изучалъ сравненія Гомера и Италіянскихъ Эпиковъ, Ариоста и особенно Данта, который, одинъ изъ Поэтовъ новаго міра, постигъ всю простоту сравненія гомерическаго и возвратилъ ему круглую полноту и окончанность, въ какихъ оно являлось въ Эпосѣ Греческомъ. Гоголь въ этомъ отношеніи пошелъ по слѣдамъ своихъ великихъ учителей. Сравненіе образуетъ у него по большей части отдѣльную полную картинку, которою онъ увлекается, какъ Эпикъ, и которую искусно вставляетъ въ цѣлое Поэмы, не нарушая нисколько единства, и не прерывая нити разсказа. Много такихъ срав-

нeній у Гоголя, но мы особенно приведемъ одно, которое полнотою и простотою образа напоминаетъ сравненія Гомеровы.

„Черные фраки мелькали и носились врозь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору жаркаго Іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубитъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ; дѣти всѣ глядятъ собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ *) рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и пользуясь подслѣповатостію старухи и солнцемъ, безпокоющимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ вразбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую задніе или передніе ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя подъ головою, повернуться и опять улетѣть и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами“.

Всмотритесь въ этихъ мухъ: какъ онѣ граціозны и какъ тонко замѣтилъ Поэтъ всѣ ихъ маленькія движенія! Приведемъ нѣсколько подобныхъ сравненій изъ Гомера:

*) При этомъ словѣ нельзя не вспомнить безъ негодованія *пробѣла* одного Петербургскаго журнала, который искажаетъ текстъ Гоголевой Поэмы и сравнить потомъ свое же искаженіе. Прочтите въ литературной лѣтописи Библіотеки для чтенія 29 страницу. Издатель напечаталъ: а движеніями женскихъ рукъ ея (ключницы), вмѣсто жесткихъ, и прибавилъ въ скобкахъ: то-есть, старой ключницы, у которой, вѣроятно, другихъ рукъ и не было кромѣ женскихъ. Право не вѣришь глазамъ своимъ, до какой степени можетъ дойти недобросовѣстность критика, ослѣпленнаго какою-то странною злобою на талантъ.. Давно ужъ ни одна статья не возбуждала въ насъ такого жалкаго отвращенія, какъ весь этотъ разборъ Мертвыхъ Душъ, гдѣ все произведеніе Гоголя умышленно искажено въ текстѣ и содержаніи. Мы это докажемъ и считаемъ обязанностью выставить на глаза публики все непріличіе такого дѣйствія.

С. Ш.

„... Сбѣгалися народы: такъ точно племени пчелъ густыми роями вылетаютъ все больше и больше изъ скалы глубокой, и въ видѣ грозди несутся на весенніе цвѣты, однѣ летятъ въ одну, другія въ другую сторону... Такъ высыпалъ народъ изъ кораблей и шатровъ... (Пѣснь 1, ст. 86—91)“. —„Какъ оселъ забравшись въ ниву, споритъ съ дѣтьми упрямый: много палокъ объ него изломали, а онъ забрался и жретъ себѣ глубокую пашню; мальчишки бьютъ его палками, но глупа еще ихъ сила,—и тогда только съ трудомъ выгоняютъ его, когда онъ насытился нивой: такъ Аякса великаго изгоняли Трояне“ (п. XVI, ст. 257—266).—„Они толпились около мертваго, какъ мухи въ хлѣву жужжатъ вокругъ подойниковъ, переполненныхъ молокомъ, въ весеннюю пору, когда оно льется черезъ край въ сосуды“... (п. XVI, ст. 641—643).

Вотъ сравненіе изъ Данта: „Какъ овечки выходятъ изъ затвора по одной, по двѣ, по три, а другія стоятъ робкенькія (timidette), опустивъ къ землѣ глаза и рыльце, и что дѣлаетъ первая, за нею дѣлаютъ и другія, прислоняясь къ ней сзади, если она остановится, просты и тихи, а почему такъ дѣлаютъ, не знаютъ... Такъ двигались души“... (Чист., п. 3).—„Подобно тому, какъ слетаются на ниву голуби и клюютъ ячмень или просо, тихіе безъ обычнаго своего воркованія, а если что-нибудь вдругъ ихъ испугаетъ, внезапно покидаютъ они свою приправу, потому что постигла ихъ важнѣйшая забота: такъ и эта свѣжая толпа оставляла берегъ“...

Пріемы славныхъ учителей видны очень въ сравненіяхъ Гоголя. Мы припомнимъ лучшія: сравненіе Манилова съ котомъ, у котораго пощекотали за ушами пальцемъ, овальнаго лица съ прозрачнымъ яичкомъ, радостнаго чувства среди печалей—съ блестящимъ экипажемъ, который проносится по бѣдной деревушкѣ, глазъ Плюшкина съ мышами, вниманія нетерпѣливой дамы съ Русскимъ бариномъ-охотникомъ, ожидающимъ зайца, городскихъ дамъ съ ученымъ, пускающимъ въ свѣтъ смѣлую гипотезу, жителей города со школьникомъ, которому товарищи засунули въ носъ

гусара. Нельзя не привести однако цѣликомъ чудной картины лающихъ собакъ и сравненія ихъ съ хоромъ пѣвчихъ:

„Между тѣмъ псы залились всѣми возможными голосами: одинъ забросивши въ верхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ Богъ знаетъ какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, промежъ ихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно, молодого щенка, и все это наконецъ повернулъ басъ, можетъ быть, старикъ, надѣленный дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ нѣвческій контробасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ, тенора подымаются на цыпочки отъ сильнаго желанія вывести высокую ноту, и все что ни есть порывается къ верху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ, приѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла“.

Мы не приводимъ множества другихъ маленькихъ сравненій, коими усѣяно произведеніе: вспомнимъ эти дороги, которыя расползаются во всѣ стороны, какъ раки, выброшенные изъ кулька,- или у Плюшкина въ домѣ, люстру, которая въ мѣшкѣ своемъ похожа на червяка, заключеннаго въ коконъ. Все, къ чему ни прикасается волшебная кисть Гоголя, все живетъ въ его яркомъ словѣ, и каждый предметъ сквозитъ изъ него и вылается своимъ видомъ и цвѣтомъ. И это свойство своей фантазіи Русскій Поэтъ могъ возвести на такую степень искусства только тамъ, гдѣ творилъ Данть, гдѣ Аріостъ дружился съ Рафаэлемъ и въ его мастерской, созерцая безсмертную кисть, переносилъ живыя ея краски въ Итальянское жаркое слово. Кто не понимаетъ сочувствія Гоголя къ Италіи, тотъ не пойметъ и всей красоты въ пластическомъ внѣшнемъ элементѣ его фантазіи.

Но предметы внѣшней природы получаютъ у Гоголя еще другую, особенную жизнь, потому что тѣсно сопрягаются съ человѣкомъ, приводятся не только для самихъ себя, не

для эпическаго описанія, а чаще для того, чтобы рисовать намъ насъ же самихъ, служитъ символомъ отдѣльнаго характера, лица или цѣлаго народа, чтобъ выражать собою внутреннюю жизнь и дѣйствія человѣка. Припомните всѣ деревни помѣщиковъ, курятникъ Коробочки, мебель и обѣдъ Собакевича, домъ или лучше кладовую Плюшкина, псарню Ноздрева, лошадей Селифана... Здѣсь во всякомъ мертвомъ, бездушномъ предметѣ живетъ самъ человѣкъ, отражается его личное свойство и характеръ. Поэтъ разсказываетъ намъ, какъ еще съ дѣтства раскрылось въ немъ это покорное наблюденіе предметовъ, какъ въ городахъ и деревняхъ *ничто не ускользало* отъ его *свѣжаго тонкаго вниманія*; какъ слѣдилъ онъ движенія, высматривалъ одежду и всю наружность людей, проходившихъ мимо его, *и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ*; какъ смотря на дома и сады помѣщиковъ, старался угадать, кто таковъ самъ помѣщикъ... Всѣ запасы этихъ впечатлѣній отдаленнаго дѣтства пошли въ прокъ, какъ видно, и послужили матеріаломъ для его поэзіи.

Мы объяснили внѣшнюю сторону ясновидящей фантазіи Поэта, показали ея воспитаніе и отношеніе къ сторонѣ внутренней: перейдемъ теперь къ сей послѣдней. Поэтъ именемъ ея мы разумѣемъ ясное созерцаніе всего внутренняго человѣка въ различныхъ его видахъ. Въ этомъ отношеніи Гоголь является достойнымъ ученикомъ поэзіи сѣвера, и особенно Шекспира и В. Скотта. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ созданіе характеровъ цѣльныхъ. Гоголь способенъ видѣть ясно каждое лицо, имъ создаваемое, и прослѣдить его во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ жизни, во всѣхъ изгибахъ и движеніяхъ какъ души такъ и тѣла. Здѣсь-то особенно проявляется сила творческая въ Поэтѣ.

Въ характерахъ, создаваемыхъ Гоголемъ, должно замѣтить, что это не какіе-нибудь частные случаи, не отдѣльныя явленія, подмѣченныя умомъ наблюдательнымъ.—нѣтъ, художникъ возводитъ каждый изъ нихъ на степень общаго типа и самъ на то намекаетъ. Припомнимъ то, что говоритъ о Ноздревѣ и Собакевичѣ. Въ самомъ дѣлѣ, сжав-

шуюся въ самой себѣ крѣпкую натуру Собакевича, этого человѣка-кулака, найдете вы во многихъ людяхъ по частямъ и въ разныхъ слояхъ общества, восходя до самыхъ высшихъ. Нѣкоторые брезгливали этимъ лицомъ, особенно видя его за пляской и послѣ обѣда: страшно!—брезгаютъ въ Носомъ, а какъ будто не безпрерывно видятъ около себя, какъ будто не часто обѣдаютъ съ Собакевичами, которые обѣдаются не пляши, не пищока, не ветрушекъ, а громадныхъ котлетъ съ трюфелями, чванятся образованіемъ, потому что говорятъ по французски, а нравственно еще гаже Собакевича. Знаете ли, что Собакевичи есть даже и въ литературѣ? вотъ, напримѣръ, всѣ тѣ писатели, которые смотрятъ на словесность какъ на легчайшее средство къ добыванію денегъ, всѣ литераторы-кулаки, которые обо всемъ даровитохъ въ литературѣ выражаются точно также, какъ Собакевичъ о губернаторѣ и прочихъ чиновникахъ, а въ своей критикѣ безпрерывно разыгрываютъ въ дѣйствіи извѣстную басню Крылова—всѣ эти молодцы развѣ не тѣ же Собакевичи, взятые нумеромъ съ виду повыше? А потрудитесь, сличите-ка съ подлинникомъ текстъ ихъ книги, приводимыя ими со вносными знаками, какъ будто они ни въ чемъ не виноваты,—вы найдете не на одного Елизавету Воробья, котораго умѣютъ они ввертывать искусно для своихъ собственныхъ скрытыхъ цѣлей! А Маниловъ? О, Маниловыхъ много и въ столицахъ: этого народу досужихъ мечтателей не оберешься у насъ въ Россіи, къ сожалѣнію; люди съ виду пустые, а если приглядѣться пристальнѣе, такъ очень вредные своимъ безлѣпствіемъ. А Коробочка? Коробочекъ пропасть во всей Москвѣ, во всѣхъ закоулкахъ нашей необозримой столицы; онѣ ходятъ толпами по рынкамъ, только болѣе покупаютъ, чѣмъ продаютъ. А Ноздревъ? отъ взбалмошныхъ Ноздревыхъ также у насъ нѣтъ. И они, вмѣстѣ съ Собакевичами, вторглись въ литературу. Этотъ писака, который вчера посылалъ къ вамъ учтивыя, комплиментныя письма, печатно хвалилъ васъ, а теперь печатно же ругаетъ безъ причины; или выбѣжавъ изъ-подъ своей подворотни, лаетъ безъ умолку на всѣхъ

проходящихъ, какъ будто получаетъ за это Богъ знаетъ какое жалованье; или вдругъ разругаетъ всѣ возможныя славы міра, славы Италіи, Франціи и Россіи, и преклонится передъ кѣмъ-нибудь, не просящимъ похвалъ его, и закричитъ ему во все горло: да ты выше Шекспира!—въ родѣ того, какъ Ноздревъ увѣряетъ Чичикова, что онъ для него лучше отца родного;—или, наконецъ, наглое самохвальство и хвастовство свое доводитъ до какого-то усовершенствованнаго ремесла: скажите, такой писака-дрянь не тотъ же ли Ноздревъ, принявшійся за перо и словесность, Богъ знаетъ какимъ случаемъ? Онъ едва ли не хуже его, потому что Ноздревъ ругаетъ и хвалитъ, лаетъ и лижетъ, лжетъ и хвастаетъ по одному инстинкту, а писака-дрянь то же дѣлаетъ при совершенномъ сознаніи своихъ дѣйствій. —Да ужъ полно, и былъ ли и Чичиковскаго подвига въ нашей литературѣ? Вотъ, напримѣръ, собрать подписку на книгу, которая существовала только въ воображеніи сочинителя, точно также какъ мертвыя души, купленныя Чичиковымъ... развѣ не то же?... Ну да, впрочемъ, довольно и этого...

Великъ талантъ Гоголя въ созданіи характеровъ, но мы искренно выскажемъ и тотъ недостатокъ, который замѣчаемъ въ отношеніи къ полнотѣ ихъ изображенія или произведенія въ дѣйствіе. Комическій юморъ, поставленный условіемъ всего Поэта созерцаетъ всѣ эти лица, и комизмъ самаго событія, куда они замѣшаны, препятствуетъ тому, чтобы они предстали всѣми своими сторонами и раскрыли всю полноту жизни въ своихъ дѣйствіяхъ. Мы догадываемся, что кромѣ свойствъ, въ нихъ теперь видимыхъ, должны быть еще другія добрыя черты, которыя раскрылись бы при иныхъ обстоятельствахъ: такъ, напримѣръ, Маниловъ, при всей своей пустой мечтательности, долженъ быть весьма добрымъ человѣкомъ, милостивымъ и кроткимъ господиномъ съ своими людьми и честнымъ въ житейскомъ отношеніи: Коробочка съ виду только крохоборка и погружена въ одни матеріальные интересы своего хозяйства, но она непремѣнно будетъ набожна и милостива къ нищимъ; въ Ноздревѣ и Собакевичѣ трудно приискать что-нибудь доброе, но все-таки

должны же быть и въ нихъ какія-нибудь движенія болѣе человѣческія. Въ Плюшкинѣ, особенно прежнемъ, раскрыта глубже и полнѣе эта общая человѣческая сторона: потому что Поэтъ вглянулъ на этотъ характеръ гораздо важнѣе и строже. Здѣсь на-время какъ будто покинулъ его комическій демонъ и иронія, и фантазія получила болѣе простора и свободы, чтобъ осмотрѣть лицо со всѣхъ сторонъ. Также поступилъ онъ и съ Чичиковымъ, когда раскрылъ его воспитаніе и всю біографію.

Комическій демонъ шутки иногда увлекаетъ за тотъ фантазію Поэта, что характеры выходятъ изъ границъ своей истины: правда, что это бываетъ очень рѣдко. Такъ, напримѣръ, неестественно намъ кажется, чтобы Собакевичъ, человѣкъ положительный и солидный, сталъ выхваливать свои мертвыя души и пустился въ такую фантазію. Скорѣе могъ бы ею увлечься Ноздревъ, если бы съ нимъ сдѣлалось такое дѣло. Оно чрезвычайно смѣшно, если хотите, и мы отъ души хохотали всему оригинальному наросту Собакевича, но въ отношеніи къ истинѣ и отчетливости фантазіи намъ кажется это не вѣрно. Даже самое краснорѣчіе, этотъ даръ слова, который онъ внезапно по какому-то особливому таланту обнаружилъ въ своемъ панегирикѣ каретнику Михееву, плотнику Пробкѣ и другимъ мертвымъ душамъ, кажутся противны его обыкновенному слову, которое кратко и все рубитъ топоромъ, какъ его самого обрубила природа. Нарушеніе одной стороны повлекло за собою нарушеніе и другой. Авторъ самъ это чувствовалъ и оговорился словами: „откуда взялись рысь и даръ слова въ „Собакевичѣ". То же самое можно замѣтить и объ Чичиковѣ: въ главѣ VII прекрасны его думы обо всѣхъ мертвыхъ душахъ, имъ купленныхъ, но напрасно приписаны онѣ самому Чичикову, которому, какъ человѣку положительному, едва ли могли бы придти въ голову такія чудныя поэтическія были о Степанѣ Пробкѣ, о Макеемѣ Телятниковѣ сапожникѣ, и особенно о грамотѣ Поповъ безпашпортномъ, да объ Оѣ въ Абакумѣ, гуляющемъ съ бурлаками... Мы не понимаемъ, почему всѣ эти размышленія Поэтъ не предло-

жилъ отъ себя. Неестественно намъ также показалось, чтобы Чичиковъ ужъ до того напился пьянъ, что Селифану велѣлъ сдѣлать всѣмъ мертвымъ душамъ лично поголовную перекличку. Чичиковъ—человѣкъ солидный и едва ли напьется до того, чтобъ впасть въ подобное мечтаніе.

То, что сказали мы о характерахъ, должно повторить и о воссозданіи всей Русской жизни въ Поэмѣ Гоголя. Его фантазія съ чудной ясностію созерцаетъ всю невидимую для простого ока ткань ея, со всѣми запутанными нитями и узлами. Чѣмъ болѣе вглядываемся въ подробности изобрѣтенія, тѣмъ болѣе удивляемся тому, какъ онѣ мастерски прилажены къ цѣлому и между собою, и убѣждаемся, что достигнуть этого можно только цѣльнымъ творческимъ ясновидѣніемъ жизни, а не искусственною какою-нибудь механикою, которая какъ бы ни слаживала, ужъ не сладить такъ, не подѣлается подъ жизнь, какъ сама фантазія, самовластно управляющая всѣми способностями Поэта, приносящими ей дары свои, плоды опытовъ, наблюденій, и всѣ орудія на готовое служеніе. Въ изложеніи содержанія мы ужъ на то намекали: здѣсь приведемъ нѣкоторыя мелкія подробности, служащія однако тайными нитями въ ткани всего дѣйствія повѣсти.

Какъ вѣрно то, что кучеръ Селифанъ напился пьянъ въ гостяхъ у дворни Манилова! Отъ Коробочки выѣзжаетъ онъ совершенно другимъ кучеромъ: тутъ ужъ замѣтны въ немъ порядокъ и стараніе. Отъ Ноздрева выѣхалъ онъ въ дурномъ расположеніи духа и такимъ же взбалмошнымъ, какъ и самъ хозяинъ, у котораго они съ барином гостили: вотъ почему въ первый разъ спьяну онъ сбился съ дороги и опрокинулъ бричку; во второй ѣхалъ очень порядочно; въ третій безъ толку пускалъ на экипажъ, совершенно по Ноздревски. Все это кажется мелочами съ перваго раза, а оно чрезвычайно важно въ общей ткани событій, въ которыхъ слагается канва дѣйствія. Прослѣдите всѣ выходки Ноздрева; онѣ вытекутъ изъ его характера. Съ нимъ нельзя было никакъ сладить дѣла, онъ одинъ могъ всполошить городъ на балъ у Губернатора и разорить все предпріятіе

Чичикова, онъ же потомъ своимъ визитомъ и откровенностью могъ надоумить его на скорый отъѣздъ. А Коробочка не такъе ли везде вѣрна самой себѣ? — кто же другой могъ бы такъ поспѣшно прискакать въ городъ и ударить тревогу? — не изъ тучи громъ, а всегда такъ на свѣтѣ бываетъ. Коробочки очень важны и значительны въ подобныхъ предпріятіяхъ.

Но и здѣсь будетъ та же самая оговорка со стороны нашей, что комическій юморъ Автора мѣшаетъ иногда ему обхватывать жизнь во всей ея полнотѣ и широкомъ объемѣ. Это особенно ясно въ тѣхъ яркихъ замѣткахъ о Русскомъ человѣкѣ, которыми усѣяна Поэма. По большей части мы видимъ въ нихъ одну отрицательную, смѣшную сторону, подобхвата, а не весь обхватъ Русскаго міра. Всякая глупость и безсмыслица ложится ярко подъ мѣткую кисть Поэта-юмориста. Кучеръ Селифанъ похвалился, что не опрокинетъ, и тотчасъ же опрокинулъ. Дѣвочка умѣетъ показать дорогу, а не знаетъ, что право и что лѣво. Дяди Миняи и дяди Митяи хлопотали, хлопотали около брички и коляски, и безтолковые, ровно ничего не сдѣлали, но только что лошадей измучили. Здѣсь, съ одной стороны, видна добрая черта Русскаго народа его радушіе, безкорыстная готовность помочь ближнему въ бѣдѣ, что не всегда найдете вы въ образованномъ запалѣ: — но съ другой стороны жаль, что все это радушіе примыкаетъ къ безтолковщинѣ, которая очень смѣшна, но не полна: ибо вообще-то говоря, ужъ конечно не безтолковъ Русскій мужикъ, и въ дѣлѣ требующемъ здраваго смысла, за поясъ заткнетъ любого ученаго иностранца. Правда, живетъ и на него бѣда, какъ на Селифана, прихвастнетъ и опрокинетъ сивуху, но часто бываетъ и такъ, что проскачетъ чортъ знаетъ гдѣ, выѣдетъ просто на авось по соломенному мосту, и ужъ пока держитъ возжи въ рукахъ, конечно не усмирится какъ иной Нѣмецъ въ томъ, что справитъ лошадей, не дастъ выпрыгнуть изъ коляски своему барину. Вотъ еще и такого кучера представьте намъ. Бываютъ и такія бѣды съ мужичками Русскими, какъ было съ дядею Митяемъ и Ми-

няемъ, что работаютъ, работаютъ, и прогонятъ ихъ прочь, не сказавши имъ добраго слова: но вѣдь коль въ суммѣ-то взять, такъ въ дорогѣ случись бѣда, кто же лучше поможетъ противъ нашего мужика, кто смышленѣе его и расторопнѣе?—И какъ ему въ томъ и не смышлену быть, когда, кромѣ природы, которая надѣлила его здравымъ смысломъ, помогла ему сама дорога своимъ горькимъ опытомъ, своими ухабами, канавами, рытвинами, грязью коло по брюхо, театральными мостами и пріятностями, отъ которыхъ такъ горько бываетъ образованному путешественнику внутри Россіи и еще было бы горше, когда бы не Русскій мужикъ съ своимъ терпѣніемъ, безкорыстнымъ радушіемъ и смышленостью!

Да не подумаютъ читатели, чтобъ мы въ чемъ-нибудь обвиняли Гоголя! Избави насъ Боже отъ такой мысли, или лучше такого чувства! Гоголь любитъ Русь; знаетъ и отгадываетъ ее творческимъ чувствомъ лучше многихъ: на всякомъ шагу мы это видимъ. Изображеніе самыхъ недостатковъ народа, если взять его даже въ нравственномъ и практическомъ отношеніяхъ, наводитъ у него на глубокія размышленія о натурѣ Русскаго человѣка, о его способностяхъ и особенно воспитаніи, отъ котораго зависитъ все его счастіе и могущество. Прочтите размышленія Чичикова о бѣглыхъ душахъ (на стр. 261—264): насмѣявшись, вы глубоко раздумаетесь о томъ, какъ растетъ, развивается, воспитывается и живетъ на бѣломъ свѣтѣ Русскій человѣкъ, стоящій на самой низшей ступени жизни общественной.

Да не подумаютъ также читатели, чтобъ мы признавали талантъ Гоголя односторонимъ, способнымъ созерцать только отрицательную половину человѣческой и Русской жизни: о! конечно мы такъ не думаемъ, и все, что говорено прежде, противорѣчило бы такому утвержденію. Если въ этомъ первомъ томѣ его Поэмы комическій юморъ возобладалъ, и мы видимъ Русскую жизнь и Русскаго человѣка *по большой части* отрицательною ихъ стороною, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы фантазія Гоголя не могла вознестись до полнаго объема всѣхъ сторонъ Русской жизни. Онъ самъ

обѣщаетъ намъ далѣе представить все *несмѣтное богатство Русскаго духа*. и мы увѣрены заранѣе, что онъ славно сдержитъ свое слово. Къ тому же и въ этой части, гдѣ самое содержаніе, герои и предметъ дѣйствія увлекли его въ хохотъ и иронію, онъ чувствовалъ необходимость восполнить недостатокъ другой половины жизни, и потому въ частыхъ отступленіяхъ, въ яркихъ замѣтахъ, брошенныхъ эпизодически, далъ намъ предчувствовать и другую сторону Русской жизни, которую со временемъ раскроетъ во всей полнотѣ ея. Кто же не помнитъ эпизодовъ о мѣткомъ словѣ Русскаго человѣка и прозвищѣ, какое даетъ онъ, о безконечной Русской пѣсни, несущейся отъ моря до моря по широкому раздолью нашей земли, и наконецъ объ ухарской тройкѣ, объ этой птицѣ-тройкѣ, которую могъ выдумать только Русскій человѣкъ и которая внушила Гоголю жаркую страницу и чудный образъ для быстраго полета нашей славной Руси? Всѣ эти лирическіе эпизоды, особенно послѣдніе, представляютъ намъ какъ будто взгляды, брошенные впередъ, или предчувствія будущаго, которое должно огромно развиться въ произведеніи и изобразить намъ всю полноту нашего духа и нашей жизни.

Мы не можемъ не выписать чуднаго эпизода о Русскомъ прозвищѣ и словѣ:

„Выражается сильно Россійскій народъ! и если наградитъ кого словомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ потомъ ни хитри и ни облагораживай свое поприще, ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище во все воронье горло, и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куда бываетъ мѣтко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни Нѣмецкихъ, ни Чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ,—самородокъ, живой и бойкій Русскій умъ, что не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ наседка цыплятъ, а вылупливаетъ сразу, какъ пашпортъ на вѣчную поску, и

нечего прибавить уже потомъ, какой у тебя носъ, или губы — одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

„Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами, главами, крестами, разсыпано на Святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ, выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженіи его часть собственнаго своего характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаніемъ жизни отзовется слово Британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово Француза; затѣйливо придумаетъ свое, не всякому доступное, умнохудожливое слово Нѣмца; но пѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, сошло, такъ вырвалось бы изъ подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло и живо трепетало, какъ мѣтко сказанное Русское слово“.

Замѣчательно, что Полъ въ числѣ языковъ не отмѣтилъ рѣзкимъ карандашемъ своимъ Италіянскаго слога, хотя конечно имѣлъ всѣ данныя передъ собою, для того чтобы судить объ немъ: это не потому ли, что Русскій народъ въ мѣткости и живучести слова сходится съ художникомъ Италіянцемъ, такъ какъ и во многомъ другомъ, несмотря на то, что жаръ и морозъ разъѣлили оба народа?

Заключимъ же: учители юга и сѣвера, Италія и Шекеспиръ, положили печать свою на внѣшнюю и внутреннюю сторонѣ фантазіи Поэта въ отношеніи къ ясновидѣнію жизни. Такое сочетаніе двухъ элементовъ, замѣтное у насъ и въ другихъ Поэтахъ, особенно же въ Пушкинѣ, обѣщаетъ въ будущемъ для Русской фантазіи и для Русскаго искусства развитіе многостороннее и совершенно полное. О если бы могли совмѣстить въ себѣ внѣшній югъ съ внутреннимъ сѣверомъ, изящную пластику и форму перваго и глубокую идею втораго — мы достигли бы идеала въ искусствѣ! Пріятно мечтать о томъ и еще пріятнѣе видѣть, что наша

мечта начала осуществляться въ избранныхъ представителяхъ Русскаго искусства, и видимое на дѣлѣ предсказываетъ многое въ грядущемъ, особливо если мы не захотимъ ограничиваться какимъ-нибудь односторонним направленіемъ и не будемъ искажать просторныхъ Русскихъ дарованій исключительнымъ чужимъ вліяніемъ, Французскимъ какъ то было прежде, Нѣмецкимъ какъ бываетъ иногда теперь. — Комическій юморъ, увлекая фантазію Поэта и представляя ей одну только половину жизни, препятствуетъ полнотѣ внѣшняго и внутренняго ясновидѣнія. Мы никакъ не скажемъ, чтобы это былъ недостатокъ въ фантазіи Гоголя: это ея свойство, но думаемъ также, что Поэтъ способенъ имѣть ее полетъ самый свободный и обширный, котораго достало бы на обхватъ всей жизни, и предполагаемъ, что развиваясь далѣе и далѣе, его фантазія будетъ богатѣть полнотою и обниметъ жизнь не только Руси, но и другихъ народовъ, возможность къ чему мы уже видѣли ясно въ Римѣ Гоголя.

Отношеніе юмора къ фантазіи есть дѣло первой важности въ поэтическомъ его талантѣ. — Оба въ немъ — дары Божіи и необходимые: поставить ихъ въ надлежащее равновѣсное отношеніе другъ ко другу — великая задача во всемъ развитіи Поэта!

Это отношеніе само собою прекрасно опредѣляется второю чертою фантазіи Гоголя, которая состоитъ въ тѣсномъ ея согласіи съ существенностію жизни, имъ возсоздаваемой. Какъ въ этомъ произведеніи, такъ и въ прежнихъ лучшихъ его созданіяхъ, фантазіи не исчезаетъ въ мечтаніи произвольномъ, а упирается всѣмъ содержаніемъ поэзіи въ глубокія основы жизни человѣческой и природы, ею одушевляемой. Его поэзія не облака, безъ образа и значенія носящіяся надъ землею, но Фата Моргана, идеально отражающая въ небѣ все то, что на землѣ дѣйствительно происходитъ. Какова фантазія Гоголя, таковъ его и юморъ, крѣпкою силою привязанный къ корню самой жизни.

Эта черта въ фантазіи и юморѣ Гоголя есть черта собственно Русская. Поэзія наша, какъ и философія, не спо-

собна отрѣшиться отъ жизни и перенти въ какое-то бытіе отвлеченное, произвольное, чуждое значенія. Гофманъ былъ бы у насъ невозможенъ. Вся отвлеченная сторона поэзіи Гете, вся ея неопредѣленность, также не въ нашемъ характерѣ и принята къ намъ быть не можетъ. Великъ юморъ Жанъ-Поля, но онъ тѣмъ отличается отъ Гоголевскаго, что слишкомъ праздепъ и отрѣшенъ отъ существеннаго въ жизни.

Гоголь самъ это чувствовалъ въ новомъ своемъ произведеніи и на послѣднихъ страницахъ его (467. 468) самъ указываетъ на глубокую связь между Поэмою его и жизнію.

Самыя неудачныя созданія Гоголя изъ прежнихъ были Вій и тѣ повѣсти въ Арабескахъ, въ которыхъ онъ подчинялся Нѣмецкому вліянію. Сюда же мы отнесемъ и Носъ, напечатанный въ Современникѣ.

Фантазія и юморъ Гоголя чѣмъ глубже проникаютъ въ существенную жизнь, тѣмъ больше крѣпнутъ, тѣмъ выше восходятъ; тѣмъ богаче становится содержаніемъ и поэзія, ими созиваемая. Каждый поэтъ, какъ титанъ Антей, долженъ касаться земли: чѣмъ глубже забираетъ онъ ее, тѣмъ могучѣе становится и тѣмъ свободнѣе возносится къ небу: отрѣшаясь отъ земли совершенно, онъ теряетъ силу. Таковъ поэтъ вообще, таковъ долженъ быть еще болѣе поэтъ Русскій, судя по характеру народа; и таковъ нашъ Гоголь.

Повторимъ опять: ошибаются тѣ, которые не обращаютъ вниманія на содержаніе поэзіи Гоголя и видятъ въ ней одну лишь отвлеченную художественную сторону. Это совсѣмъ не похвала ему, а кромѣ того и незнаніе характера Русской поэзіи.

Потому-то скажемъ искренно Поэту: его фантазія и юморъ должны непремѣнно всегда касаться существенной жизни, хотя и не вовсе жить въ ней, либо искусство свободно; но чѣмъ глубже будутъ проникать въ дѣйствительность, тѣмъ сильнѣе будетъ ихъ дѣйствіе и тѣмъ правильнѣе опредѣлится ихъ взаимное между собою отношеніе, отъ котораго много зависитъ въ грядущемъ развитіе нашего Поэта. Вся сила и всѣ красоты его новаго произведенія отсюда берутъ

свое начало, и всѣ недостатки его, всѣ слабыя стороны проистекаютъ изъ противнаго, являются тамъ, гдѣ Поэтъ измѣняетъ своему коренному характеру. Когда онъ слишкомъ отрѣшается отъ дѣйствительнаго жизни, —юморъ его пустѣетъ, лишенный содержанія, пускаетъ мыльные пузыри, и смѣхъ безъ глубокаго своего значенія теряется праздными пустозвономъ. Это бываетъ рѣдко, но бываетъ вездѣ тамъ, гдѣ Поэтъ увлекся своимъ комическимъ демономъ, *замечтался* и слишкомъ отрѣшился отъ дѣйствительнаго жизни. Чаще же всего случается это въ городѣ, и здѣсь особенно на балѣ у Губернатора и въ обществѣ дамскомъ, когда онъ неистовствуетъ около Чичикова. Намъ кажется, что тутъ матеріалы измѣнили Поэту, и онъ по неволѣ отрѣшился отъ жизни и предался произволу своего комическаго юмора, который увлекъ его и нарушилъ характеръ его истиполюбивой фантазіи.

Мы назвали фантазію Гоголя *ясновидящею, истиполюбивою*, но есть еще третья черта въ художественномъ ея характерѣ, черта равно Русская, какъ и вторая: мы назвали бы ее *хлѣбосольною*. Да, въ фантазіи нашего Поэта есть Русская щедрость или чивость, доходящая до расточительности, свойство, выражаемое у насъ старинною пословицей: все что ни есть въ печи, то на столъ мечи. Объяснимся. Читая Мертвыя Души, вы могли замѣтить, сколько чудныхъ полныхъ картинокъ, яркихъ сравненій, замѣтъ, эпизодовъ, а иногда и характеровъ, легко, но мѣтко очерченныхъ, даритъ вамъ Гоголь, такъ, просто, даромъ въ придачу ко всей Поэмѣ, сверхъ того, что необходимо входитъ въ ея содержаніе. У Собакевича помните помѣщика за столомъ, а при Ноздревѣ его бѣлокураго зятя, который снаружи кажется упругъ, а внутри мягокъ: онъ пошелъ за-даромъ и даже безъ имени, въ придачу къ характеру Ноздрева. Заговорили Поэтъ о тыквахъ-горлянкахъ, и пришли ему въ голову балалайки и двадцатилѣтній парень, мигачъ и щеголь, посвистывающій на бѣлогрудыхъ улицъ (стр. 178). Забрелъ онъ воображеніемъ на рабочій дворъ Плюшкина —и ярко представилась ему картина щен-

наго двора въ Москвѣ (стр. 224). Плюшкинъ контрастомъ напомнилъ чиваго помѣщика, кутящаго во всю ширину Русской удали и барства, и тутъ явилась иллюминація сада и вѣтви, чудно озаренныя снизу, и вверху темное, грозное небо, и сумрачныя вершины деревъ. Все уснуло въ трактирѣ, гдѣ остановился Чичиковъ, лишь въ одномъ окошечкѣ видѣнъ свѣтъ, и вотъ вамъ въ придачу шуточка на поручика, пріѣхавшаго изъ Рязани, большого охотника до сапоговъ, который примѣриваетъ пятую пару и никакъ не нагляцится на нее.—Гоголя можно сравнить съ богатымъ Русскимъ хлѣбосоломъ, который за роскошнымъ столомъ своимъ, кромѣ двухъ-аршинной стерляди, Архангельской телятины и прочихъ солидныхъ блюдъ, предлагаетъ вамъ множество закусокъ, прикусокъ, подливокъ и дорогихъ соусовъ, которые всѣ идутъ въ придачу къ непстощимому пиру и непремѣнно съѣдаются, заслоненные главными сокровищами щедраго Русскаго хлѣбосольства. Эти придачи фантазіи Гоголя имѣютъ иногда характеръ высокій, иногда же напротивъ переходятъ въ шуточку: такъ бываетъ и въ Русской пѣсни, и сказкѣ, которыя дарятъ васъ также присловьями то высокими, въ родѣ слѣдующаго:

Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота-ли глубота—Окіянъ море,
Широта раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

то шутливыми, какъ извѣстныя прибаутки нашихъ сказокъ.

Главныя свойства фантазіи Гоголя отражаются и въ его словѣ. Мы намѣрены посвятить особенную статью языку и слогу Мертвыхъ Душъ, и теперь обозначимъ только нѣкоторыя черты, связанныя съ предыдущимъ. Ясновидѣніе фантазіи его отражается и въ слогѣ необыкновенною очевидностью. Внѣшняя ея сторона придаетъ ему живопись: слогъ Гоголя яркая кисть со всѣми оттѣнками колорита. мы имѣли уже случай говорить объ этомъ. Внутренняя сторона выражается чуднымъ разнообразіемъ въ разговорѣ выводимыхъ лицъ, всегда изображающемъ живо особенныя

характеръ каждаго.—Согласіе фантазіи съ существенностью жизни отразилось и въ слогѣ чѣмъ-то *истиннымъ*, безъискусственнымъ: намъ только замѣтны отступленія, гдѣ Поэтъ измѣняетъ главному характеру своей фантазіи. Наконецъ, третья черта сей послѣдней—Русское хлѣбосольство, даетъ печать свою и слогу: слово Гоголя — слово широкое, полное, разъемистое, плодовитое. Рѣчь его разсыпчата, какъ сдобное тѣсто, на которое не пожалѣли масла: она льется черезъ край, какъ переполненный стаканъ, налитый рукою чиваго хозяина, у котораго вино и скатерть ни по чемъ: отъ того-то и періодъ его бываетъ слишкомъ грузно начиненъ, какъ пирогъ у затѣйливаго гастронома, который купилъ безъ разсчета припасовъ и не щадитъ никакой начинки. Словомъ, полная рука расточительнаго богача видна вездѣ: всего вдоволь; приходитъ нерѣдко на умъ хорошо бы поумѣреннѣе и поразборчивѣе, да боишься оскорбить благородную щедрость хозяина и лишить себя многихъ чудныхъ лакомствъ, которыя онъ даромъ сыплетъ на своей трапезѣ.

Въ заключеніе эстетическаго разбора Мертвыхъ Душъ, потребуютъ можетъ быть отъ насъ объясненія слову: Поэма?- Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать только тогда, когда будетъ окончено все произведеніе. Теперь же значеніе слова: Поэма—кажется намъ двоякимъ: если взглянуть на произведеніе со стороны фантазіи, которая въ немъ участвуетъ, то можно принять его въ настоящемъ поэтическомъ, даже высокомъ смыслѣ, но если взглянуть на комическій юморъ, преобладающій въ содержаніи первой части, то невольно изъ-за слова: Поэма выглянетъ глубокая значительная иронія, и скажешь внутренно: „неприбавить ли ужъ къ заглавію: Поэма нашего времени?“

С. Шевыревъ.

*)—**Похожденія Чичикова**, или *Мертвыя души*. Поэма Н. Гоголя. Москва, 1842 г.

Parturiunt montes.

Нѣсколько лѣтъ толковали намъ, что Г. Гоголь написалъ романъ: *Мертвыя души*, который превзойдетъ всѣ прочія его сочиненія, въ которомъ раскроется весь необыкновенный талантъ его. Наконецъ, въ пятой книжкѣ Москвитянина, объявили, что романъ отпечатанъ. Мы бросились въ книжную лавку, и имѣли счастіе купить одинъ изъ первыхъ экземпляровъ, полученныхъ въ С.-Петербургѣ, книжку довольно толстую, напечатанную четко, на хорошей бумагѣ, въ желтой оберткѣ съ странными и уродливыми арабесками. Прочитали ее разъ, прочитали другой, и сообщаемъ читателямъ нашимъ чистосердечное выраженіе нашего о ней мнѣнія, съ которымъ, вѣроятно, согласятся всѣ безпристрастные и благонамѣренные читатели талантовъ г. Гоголя.

Содержаніе этого романа, вкратцѣ, слѣдующее. Одинъ чиновникъ, выгнанный изъ службы за воровство и злоупотребленія, вздумалъ поправить свое состояніе тѣмъ, что сталъ скупать у помѣщиковъ души крестьянъ ихъ, умершихъ послѣ ревизіи, съ тѣмъ, вѣроятно, чтобъ заложить сіи существующія только на бумагѣ души, въ Кредитныхъ Установленіяхъ. Онъ пріѣхалъ съ этою цѣлію въ какой-то губернскій городъ, познакомился тамъ съ чиновниками и помѣщиками, и накупилъ искомаго товару порядочное количество, но не разбирая людей, къ которымъ обращался, вскорѣ увидѣлъ, что его плутни обнаружены, и поспѣшилъ выбраться изъ города, встревоженнаго слухами сначала о мнимомъ его богатствѣ, а потомъ о вредныхъ и небывалыхъ его замыслахъ. Вотъ и все. Чичиковъ жестоко смахиваетъ на Хлестакова въ Ревизорѣ: тамъ вздорный мальчишка всполошилъ всѣхъ дураковъ и негодяевъ въ го-

*) „Сѣверная Пчела“ 1842 г. № 137. „Русская Литература“. Статья подписана буквой Г. (Н. И. Гречъ?).

Рыбинско-центральная библиотека Тюмень

родѣ, здѣсь отъявленный негодяй привелъ въ недоумѣніе цѣлую губернію. Тотъ безъ разбору занимаетъ у всѣхъ деньги; этотъ у всякаго спрашиваетъ, не имѣетъ-ли на продажу мертвыхъ душъ. Оба они во время уѣзжаютъ съ поприща своихъ подвиговъ, и освобождаютъ автора отъ необходимости распутывать узелъ, впрочемъ, очень неискусно завязанный.

Чѣмъ же наполнены четыреста семьдесятъ пять большихъ страницъ этого тощаго содержаніемъ романа? Описаніемъ мѣстности разныхъ сценъ его, изображеніемъ наружности дѣйствующихъ лицъ и ихъ разговорами, разными эпизодами, вставками, шуточками и прибауточками. Тутъ очень много забавнаго, смѣшного, зорко подмѣченнаго и счастливо переданнаго, много характернаго изъ низшихъ слоевъ нашей публики; много острыхъ словъ и мѣткихъ выстрѣловъ въ невѣжество, глупость и пороки. Попадаются умныя сужденія, вѣрныя и разительныя замѣчанія, но все это утопаетъ въ какой-то странной смѣси вздору, пошлостей и пустяковъ. Всѣ лица, выведенные авторомъ на сцену, болѣе или менѣе карикатурны; всѣ, какъ говоритъ Простакова въ Недорослѣ, дураки или воры. Нѣтъ ни одного порядочнаго, не говоримъ уже честнаго и благороднаго человѣка. Это какой-то особый міръ негодяевъ, который никогда не существовалъ и не могъ существовать.

Въ оправданіе автору можно сказать, что онъ и не хотѣлъ представлять дѣйствительнаго міра, въ которомъ смѣшано доброе и злое, истинное и ложное, умное и глупое; онъ хотѣлъ написать карикатуру и внести въ нее все смѣшное, что только успѣлъ замѣтить въ свѣтѣ. Но не все то, что случается и говорится, годно для романа, для поэзіи, не все то можетъ интересовать и быть пріятнымъ въ книгѣ, что заставляетъ насъ улыбнуться на улицѣ или на извощичьемъ дворѣ.

Удивляемся безвкусію и дурному тону, господствующимъ въ этомъ романѣ. Выраженія: *подлецъ*, *свинья*, *свинтусъ*, *бестія*, *каналья* (стр. 196: „въ театрѣ одна актриса ка-

палья, такъ пѣла какъ канарейка"), *ракалья*, *Фетюкъ* *) *скалдырникъ*, *мошенникъ батюшка*, *чертовъ кулакъ*, *напакостишь*, *скотина*, *подстега*, *Вшивая Спесь* (названіе селенія) составляютъ еще не самую темную часть книги. Многія картины въ ней просто отвратительны; таковы, напримѣръ, изображеніе лакея (стр. 33, который „спалъ не раздѣваясь, такъ какъ есть, въ томъ же самомъ сюртукѣ, и носилъ всегда съ собою свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха!"), утираніе мальчику носа за столомъ, стр. 33 (иначе бы, говоритъ авторъ, капнула въ супъ препорядочная посторонняя капля); разсказъ о поручикѣ (стр. 56), (который не выпускалъ изо рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ); описаніе подвиговъ Поручика Кувшинникова (стр. 125). исторія блохъ (стр. 156 и 157) преотвратительная; выраженія на верху 165 страницы, еще на стр. 189 вверху и внизу; на стр. 219: („Идите въ комнаты!—сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже"); портретъ Плюшкина, (стр. 235); бесѣда на улицѣ (стр. 250); одно мѣсто на стр. 260; еще на стр. 303; описаніе замысловъ при дамскомъ нарядѣ (стр. 314); на стр. 333, внизу; и проч. и проч. Не понимаемъ, для кого авторъ малевалъ эти картинки! Похвалы людей, которымъ онѣ могутъ нравиться, его не утѣшатъ!

Языкъ и слогъ самые неправильные и варварскіе. Не говоримъ о вводныхъ рѣчахъ героевъ и героинь автора: они говорятъ какъ должно, или какъ не должно. Но въ собственныхъ его рѣчахъ, господствуетъ самое дерзновенное возстаніе противъ правилъ грамматики и логики. Напримѣръ: (стр. 8). „Молодой человѣкъ *оборотился назадъ*"; (стр. 14). „Скромно *темнѣла* (вм. темнѣлась) сѣрая краска", (стр. 16). „Отправился домой прямо въ свой *нумеръ*, *поддерживаемый* слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою",

*) Авторъ замѣчаетъ въ выноскѣ, (стр. 145) объ этомъ словѣ: „Фетюкъ слово обидное для мужчины, происходитъ отъ буквы Ѳ, буквы почитаемой нѣкоторыми неприличною буквою". Это что?

(стр. 23). „Собакевичъ съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши: прошу прощенія“. Нѣтъ! *наступивши* на ногу, *сказалъ*: и проч. (стр. 35). „Не безъ радости былъ вдали *узрѣтъ* полосатый шлагбаумъ“. Узрѣтъ! (стр. 41). „Если коснешься *запрещаго его* предмета“. Мы очень любимъ употребленіе причастій, и отнюдь не согласны съ тѣми, которые хотятъ замѣнять ихъ безпрерывнымъ *который*, но есть случаи, въ которыхъ причастіе неумѣстно, напримѣръ, и въ слѣдующемъ (стр. 230): „помѣщикъ, *хватящій* во всю ширину Русской удали и барства“. (Стр. 51). „При (?) нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою“. Нѣтъ! Стоящіи при нихъ учитель поклонился, и проч. На стр. 62 и 87 авторъ употребляетъ выраженія *носовыя позыри*. Любопытно знать, есть ли въ свѣтѣ какія-нибудь не носовыя позыри. (Стр. 69). „М. долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно *стала невидна*“. Это не по-Русски. Должно сказать: пропала изъ виду, скрылась, и т. п. (Стр. 79). „Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно были очень пріятны, ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки“. Не постигаемъ! (Стр. 80). „Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и достигнулъ туманною струею до забора, *указавши* нашимъ дорожнымъ ворота“. Прежняя ошибка! (Стр. 85). „У тебя вся спина и бокъ въ грязи! Гдѣ такъ изволилъ *засалиться*? — Еще слава Богу, — отвѣчаетъ онъ, что только *засалился*“. Нѣтъ, не засалился, а вымачкался. Засалиться не значитъ просто se salir, а замачкаться саломъ. (Стр. 98). „Вы ихъ не *сыщите* на улицѣ“. Нѣтъ, не *сыщете*. (Стр. 99). „*Открыла* ротъ“. Нѣтъ, разинула ротъ. (Стр. 102). „*Довѣренное* письмо“. Нѣтъ, вѣрющее письмо. (Тамъ же). Перины вынесены вонъ“. А мы думаемъ, что просто вынесены. (Стр. 111). „Колеса брички, захватывая ее (грязь), сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ волокомъ“. По-Русски, просто говорятъ *покрылись ею*“. (Стр 117). Запыливѣвшій самоваръ“. Удивительно: самоваръ, покрытый пылью! (Стр. 163). „Ч. *сталъ бывать*,

какъ полотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но *чувствовалъ*, что губы его шевелились безъ звука“. Сталъ блѣденъ вмѣсто поблѣднѣлъ. Слово *чувствовалъ* лишнее. (Стр. 173). „Лошади понятились *назадъ*“. А почему не впередъ? (Стр. 173). Мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами. (Стр. 297). „Кто-то вбѣжалъ *въ попыхахъ*“. Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать: запыхавшись. *Въ попыхахъ* значитъ совсѣмъ иное: надменъ въ счастіи. (См. Словарь Россійской Академіи. (Стр 228). „Тутъ онъ *произвелъ* небольшое молчаніе“. (Стр. 252). Потребовавши *самый легкій ужинъ*, состоявшій только въ поросенкѣ“. (Стр. 405). Много *совершилось* въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы казалось теперь *не сдѣлать* и ребенокъ“. „Совершились заблужденія, сдѣлать заблужденія“, то и другое невозможно. Въ заключеніе выписываемъ мѣсто, которое можетъ итти въ образецъ торжественной высокопарности: (стр. 230). „Чего нѣтъ у него? Театры, балы: всю ночь сіяетъ убранными (?) огнями и плошками (безъ огней?), пламенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе являетъ чрезъ то ночное небо, и далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій ихъ корни“.

Довольно для исполненія тяжкой обязанности рецензента указывать ошибки и недостатки. Обратимъ теперь вниманіе читателя и на хорошія стороны книги, которую авторъ, для шутки, назвалъ поэмою: это просто положенный на бумагу разсказъ замысловатаго, мимо простодушнаго Малороссіянина, въ кругу добрыхъ пріятелей, которые отнюдь не погнѣваются за смѣлыя выраженія, нестерпимыя въ чопорныхъ гостиныхъ, въ кругу разодѣтыхъ барынь, не требуютъ ни плана, ни единства, ни слога, только было бы

чему посмѣяться. Никто изъ нихъ не скажетъ: *мове жанръ* и *мове гу!*

Авторъ, какъ мы выше сказали, мастерски рисуетъ сцены изъ простонароднаго быта, изъ круга сельскихъ помѣщиковъ, подъячихъ, ямщиковъ, крѣпостныхъ людей, и т. п. Укажемъ на самыя удачныя: картина дерзости надъ нижними и подлости предъ старшими (стр. 91); похмѣлье кучера (стр. 109); рѣчи буяна Ноздрева (стр. 121 и слѣд.); характеръ его (стр. 134); бесѣда играющихъ въ шашки (стр 159); происхожденіе грубой рожи (стр. 179); изображеніе скряги Плюшкина (стр. 223) и далѣе, общіе сапоги для всей дворни (стр. 227); допросъ безпашпортнаго (удивительная вѣрностью картина! (стр. 264); портретъ полиціймейстера (стр. 287); любовное письмецо провинціялки (стр. 309); болтовня двухъ дамъ, длинноватая, но презабавная (стр. 439); деликатный взяточникъ (стр. 445); картина лихой тройки, оканчивающая поэму.

Еще должны мы упомянуть объ умныхъ, рѣзкихъ замѣчаніяхъ автора на счетъ слабостей и глупостей людскихъ. Таковы, напримѣръ: объ обманчивой съ перваго взгляда фигурѣ добрыхъ людей (стр. 41); какъ на свѣтѣ измѣряютъ умъ и любезность человѣка (стр. 18); слабость мнимоупрямыхъ (стр. 130); объ измѣнчивости дѣвицъ въ обществѣ (стр. 176); удалыя выраженія Русскаго народа (стр. 206); мысли путешественника по приближенію къ городу или селенію (стр. 211 и слѣд.); проявленіе чувства на деревянномъ лицѣ скряги (стр. 241); молодость и старость (стр. 244); радость возвращенія домой (стр. 255); раздражительность читателей (стр. 345); тактика ученыхъ диссертацій (стр. 363); засѣданія разныхъ нашихъ обществъ (стр. 383) и многія другія.

Не можемъ отказаться отъ удовольствія выписать нѣкоторыя изъ указанныхъ нами мѣстъ.

Стр. 206. „Выражается сильно Россійскій народъ! и если пожалуетъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ

погомъ не хитри и не облагораживай свое поприще, ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя произвище во все свое воронье горло, и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куды бываетъ мѣтко все то, что вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни Нѣмецкихъ, ни Чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ— самородокъ, живой и бойкій Русскій умъ, что не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ наседка цыплятъ, а влѣпливаетъ съ разу, какъ паспортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ, или губы — одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!“

Стр. 345. „Теперь у насъ всѣ такъ раздражены, что все, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имѣ личностью: таково ужъ видно расположеніе въ воздухѣ. „Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ, это уже и личность: вдругъ выскочитъ господинъ почтенной наружности и закричитъ: вѣдь я тоже человѣкъ, стало-быть я тоже глупъ, словомъ, вмигъ смекнетъ въ чемъ дѣло“.

Стр. 383. „Вообще мы какъ-то не сцалились для представительныхъ засѣданій. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ непорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то клубы и всякіе вокзалы на Нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть пожалуй на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и ни вѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ, и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное

общество для бѣдныхъ, и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя нанимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира, съ отопленіемъ и сторожами, а за тѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму“.

Выписавъ эти строки, которыя въ книгѣ имѣютъ еще много себѣ подобныхъ, не можемъ еще не подосадовать на автора за равнодушіе его къ своему таланту. Онъ добровольно отказался отъ мѣста подлѣ образцовыхъ писателей романовъ, чтобъ стать ниже Поль-де-Кока! Жаль! Очень жаль!

Г. (*Н. И. Гречъ?*).

* * *

*) **Чичиковъ**, или *Мертвыя души Гоголя*.

Къ вамъ, г. Редакторъ „Современника“, я обращаюсь съ моими замѣчаніями о новомъ сочиненіи Гоголя и о другихъ предметахъ, прикосновенныхъ къ дѣлу критики—потому къ вамъ, что сами вы не любите говорить много, и еще болѣе потому, что, кажется, не занимаетесь сужденіями другихъ журналистовъ. Слѣдовательно вы, какъ говорится, человѣкъ свѣжій.

Я прочиталъ въ „Сѣверной Пчелѣ“, что у Гоголя, судя по Чичикову, нѣтъ таланта, что книга написана безъ вкуса, и что даже она наполнена литературными непристойностями. Обвиненія, взведенныя на писателя, давно извѣстнаго съ хорошей стороны публикѣ, естественно заставили меня поскорѣе приняться за чтеніе поэмы. По моему выходитъ, что Гоголь едва ли не настолько же поднялся выше

*) „Современникъ“ 1842 г., т. 27. Статья подписана буквами С. Ш. (Плетнева).

въ искусствѣ, сравнительно съ прежними его произведеніями, сколько онъ своимъ талантомъ вообще превосходитъ теперешнихъ Русскихъ писателей. Скажу болѣе: мнѣ кажется странно, говоря о немъ, входить въ объясненіе, чѣмъ сочиненіе его лучше той или другой книги изъ напечатанныхъ съ нимъ въ одно время. У него въ искусствѣ не видно уже авторскаго усилія приблизиться къ опредѣленной цѣли, какъ, напримѣръ, навести читателя на любимую идею, развеселить его забавною сценою, растрогать идеальною картиною горестнаго положенія, красивымъ описаніемъ природы приготовить воображеніе къ поразительной нечаянности, и тому подобное. Онъ самъ весь проникнутъ жизнію—и вмѣсто того, чтобы сочинять, онъ воплощаетъ въ дѣйствительность свою внутреннюю жизнь, это чудное вмѣстилище всего внѣшняго. Вышедши изъ своего уединенія мысли на поприще явленій жизни, онъ обязанность созерцателя перемѣняетъ на ощущеніе дѣйствующихъ, и мы видимъ только рядъ поразительныхъ сценъ, не подозрѣвая, что дѣло состоитъ въ искусствѣ автора. Таково было всегда разстояніе отъ великихъ, впрочемъ столь рѣдко проявляющихся художниковъ, до самыхъ умныхъ, разборчивыхъ и всякой похвалы достойныхъ ихъ учениковъ или послѣдователей. То, что говорили у васъ въ Петербургѣ объ игрѣ Листа, меня наводитъ на эту же мысль. Состояніе души его во время исполненія музыки, и то, чѣмъ сила его чуднаго постиженія наполняетъ, проникаетъ, такъ сказать, бродящіеся у другого звуки, и то, что онъ дѣйствительностію сочувствія съ идеею автора вноситъ въ сердце слушателей, развѣ это все усиліе искусства, а не страданіе или радость жизни? Развѣ можно при этомъ говорить о чистотѣ, вкусѣ и бѣлости игры другого артиста, чтобы каждому отдать ему принадлежащее?

Вы не думаете, конечно, что поэма Гоголя начата безъ основанной идеи, что искусство ему не покаряется и что онъ влечется за мимолетящими ощущеніями. Но дѣло въ томъ, что у писателя всякаго разряда, какъ въ самой природѣ, явленія просты, доступны постиженію всякаго,

а зарождаемыя ими мысли разнообразны, обширны и томятся въ душѣ во всѣхъ видахъ, какіе только созерцающая душа воспринимать способна. Сколько людей разсматриваетъ, напримѣръ, захожденіе солнца. Всѣмъ знакомы явленія, его сопровождающія, между тѣмъ какъ у каждаго изъ размышляющихъ почти всякій разъ возникаетъ новая идея при этомъ зрѣлищѣ. На книгу Гоголя нельзя иначе смотрѣть, какъ только на вступленіе къ великой идеѣ о жизни человѣка, увлекаемаго страстями жалкими, но неотступно дѣйствующими въ мелкомъ кругу общества. Мы еще не знаемъ, куда вынесетъ его этотъ потокъ, а между тѣмъ видимъ развитіе первыхъ склонностей души, и уже прожили съ героемъ періодъ замѣчательный, не по дѣйствіямъ его, но по впечатлѣніямъ. То еще впереди, что въ поэмѣ называется дѣйствіемъ: передъ нами только поднята завѣса для объясненія первыхъ странныхъ его шаговъ. Неизвѣстный никому человѣкъ прибылъ въ губернскій городъ. Исполнивъ извѣстные обряды общежитія, онъ втирается въ тамошній кругъ. Это представляетъ ему возможность завести по одиночкѣ съ каждымъ изъ владѣльцевъ неожиданный и неслыханный дотолѣ торгъ. Онъ видитъ уже исполнившимся намѣреніе свое. Но тайна его полуоткрыта — и онъ едва успѣваетъ укрыться изъ города.

Вотъ какъ еще немного развито дѣйствіе, если говорить о сочиненіи, измѣряя достоинство его тѣмъ, чѣмъ питается праздное и несмыслящее любопытство. Но въ существѣ искусствъ не вымыселъ важенъ, а жизнь. Ея полное поэтическое развитіе есть прямая цѣль великихъ художниковъ. Накопленіе разнообразныхъ періодовъ жизни безъ глубокаго и вѣрнаго ихъ обозначенія во власти каждаго писателя, хотя бы онъ былъ безъ таланта и призванія. Конечно, есть правило въ критикѣ, не останавливать движенія дѣйствія. Но какъ понимать его? Значитъ ли это безпрестанно прибавлять что-нибудь новое къ общему ходу исторіи? Совсѣмъ нѣтъ. Какъ въ дѣйствительной жизни наружное движеніе не доказываетъ еще внутренней дѣятельности, которая одна по справедливости называется на-

шею жизнію; такъ и въ произведеніи искусства развитіе дѣятельности каждаго момента есть истинно-художническое движеніе. Впрочемъ, критика, на теоріи основанная, и критика, раздающаяся въ минуту созерцанія самыхъ явленій, часто не соглашаются между собою по причинамъ, очень понятнымъ каждому опытному судьѣ. Всѣ правила сами по себѣ, конечно, должны быть хороши, потому что рождаются отъ долговременныхъ наблюденій. Но примѣненіе правилъ есть опытъ, зависящій отъ силъ каждаго. Кто ихъ условія узнаетъ самъ собою, тотъ и дѣйствуетъ успѣшно; а кто ловитъ ихъ и безсознательно примѣняетъ, тотъ производитъ одну механическую работу, ничего не творя художнически.

Для того, что теперь напечаталъ Гоголь, онъ взялъ планъ до такой степени простой и не заманчивый, что автора можно упрекать въ отсутствіи разнообразія хода поэмы. У него одиннадцать главъ. Первая содержитъ описаніе прибытія Чичикова, а послѣдняя отъѣздъ. Средина заключаетъ сцены то у помѣщиковъ, продающихъ ему не только безполезное, но и тягостное имущество свое, то у городскихъ его знакомыхъ. Главное дѣйствующее лицо пока одинъ Чичиковъ, лицо, еще не высказавшееся, не герой по старымъ понятіямъ, не идеалъ, по требованіямъ эстетики, а человѣкъ обыкновенный, съ какою-то неизвѣстною намъ цѣлью, немножко осторожный, впрочемъ, попавшійся уже разъ въ бѣду отъ своей неосмотрительности. При немъ слуга и кучеръ—безъ всякаго отношенія къ его дѣлу. Болѣе высказавшіяся и, каждое въ своемъ мѣстѣ, болѣе дѣйствующія лица найдены авторомъ въ томъ обществѣ, посреди котораго очутился нашъ герой. Они лучше всего доказываютъ, какое неистощимое богатство характеровъ, оттѣнковъ, наблюденій, всѣхъ видимыхъ и сокровенныхъ движеній жизни хранится въ душѣ автора. Я могъ бы вамъ исчислить очень обстоятельно лица, выведенныя въ поэмѣ, и обозначить приблизительно черты каждаго изъ нихъ. Но все это не будетъ ничего доказывать. Можетъ быть, другой сочинитель еще болѣе наберетъ лицъ и представитъ ихъ въ такихъ об-

стоятельствахъ, которыхъ тема многозначительнѣе. Но можно ли уже сказать, судя по одному плану, что произведеніе будетъ совершеннѣе? Все въ немъ зависитъ отъ совершенства исполненія. А этого нельзя иначе почувствовать, какъ читая книгу, или, вѣрнѣе сказать, проживъ съ лицами весь періодъ, обнятый сочинителемъ.

Изображеніе цѣлаго общества, или порознь его членовъ, столько принимаетъ особенностей, что невозможно никакой на это привести классификаціи. По большей части мы замѣчаемъ тутъ особенность самого автора. Но самыя высшія, какъ говорятъ, красоты этого рода уже доказываютъ неуспѣхъ. Краски и тонъ должны выразить жизнь представляемаго, а не представляющаго. Если и замѣтно въ авторѣ стремленіе къ достиженію этой цѣли, сколько видоизмѣненія окажется въ созданіи, въ соотвѣтственность чувству, уму и воображенію писателя! Изучая произведеніе, самый критикъ, безъ сочувствія, безъ равенства эстетическихъ силъ, данныхъ природою художнику, не впадаетъ ли въ собственныя ошибки? Всѣ подобнаго рода соображенія надобно имѣть въ виду, когда мы желаемъ произнести или принять мнѣніе касательно всякой новой книги, и тѣмъ болѣе созданія ума высшаго и необыкновенно оригинальнаго.

Гоголь, какъ я сказалъ, возвелъ характеръ искусства въ поразительное явленіе самой жизни. Онъ, въ этомъ художническомъ отчужденіи собственнаго участія, такъ превосходитъ всѣхъ писателей, что нерѣдко перестаешь подозрѣвать его присутствіе тамъ, гдѣ онъ, какъ разсказчикъ, обязанъ находиться. Онъ весь проникнутъ сферою движущагося около него общества, дѣлитъ его образъ мыслей, говоритъ его языкомъ, признаетъ за истину всякую, самую ложную его идею—и такимъ образомъ ничто васъ не потревожитъ въ очарованіи созданіемъ дѣйствительности. Послушайте, напримѣръ, толки городскихъ жителей, прослышавшихъ, что Чичиковъ накупилъ крестьянъ на выводъ.

„Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, вы-

годно-ли покупать на-выводъ крестьянъ. Изъ преній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета. Конечно, говорили иные, это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ точно хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой". „Это-бы еще ничего, что нѣтъ воды, это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ, но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что мужикъ, на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ, ни избы, ни двора, убѣжитъ какъ дважды-два, навострить такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь". Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу". „Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова? Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ. Я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка, и буйнаго поведенія". „Такъ, такъ, на это я согласенъ. Это правда: никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы, но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а переселившись въ новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было не мало такихъ примѣровъ: просто въ мірѣ, да и по исторіи то-же". „Никогда, никогда, говорилъ управляющій казенными фабриками, повѣрьте, никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага: первый врагъ есть близость губерніи Малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая

необходимо пріобрѣтется крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова, и чтобъ онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другого, а чтобы самъ-таки лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зоботычину и подзатыльника“. „Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя“. „Да, найдете управителя? все мошенники“. „Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ“. „Это правда, подхватили многіе Знай господинъ самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣи различать людей, у него будетъ всегда хорошій управитель. Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5000 нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно и за 3000 сыскать. Но управляющій сказалъ, гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ носу? Но предсѣдатель сказалъ: „нѣтъ не въ носу, а въ вѣдомомъ же уѣздѣ, именно Петръ Петровичъ Самойловъ, вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова“. Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно устрашала. Стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицмейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что въ отвращеніе его существуетъ власть капитанъ-исправника: что капитанъ-исправникъ самъ хоть и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ кафтузъ свой, то одинъ этотъ кафтузъ потушитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія на счетъ того, какъ искоренить бунтовщическій духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезчуръ отзывались военною жестокостью и строгостію, едва ли не излишнею; были однако же и такія, которыя дышали кротостію. Полицмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность; что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго ро-

да отцемъ, по его выраженію: ввести даже въ благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученія.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побуждаемые участіемъ, сообщали даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденія крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не приминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне отмѣнно смирнаго характера, чувствуютъ самое добровольное расположеніе къ переселенію, и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ“.

Приведенный мною отрывокъ есть общій очеркъ значительной части общества, посреди котораго находится Чичиковъ. Я предпочелъ это спокойное изложеніе суждепій рѣзкимъ явленіямъ какого нибудь частнаго случая, именно потому, что онъ менѣе представляетъ успѣха обыкновенному писателю. Въ усиліи набросать, при заготовленной сценѣ, карикатурный или даже высокій характеръ, не мудрено попасть на удачу и сорвать дань улыбки или похвалу читателя; но это я называю искусствомъ, чтобъ не сказать вѣрнѣе ремесломъ. Оно говоритъ много въ пользу труда, и ничего можетъ не доказывать въ пользу таланта. Но отсутствіе усилія, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь и постоянное дѣйствіе комической красоты—вотъ что изумляетъ въ авторѣ, повидимому, безпечномъ и все предоставившемъ самой природѣ.

Вы найдете во многихъ сочиненіяхъ сцены или, по крайней мѣрѣ, отрывки, со всею вѣрностью перенесенные изъ жизни въ область искусства. Между тѣмъ отъ нихъ нисколько не выигрываетъ книга, точно такъ, какъ она остается безъ малѣйшаго достоинства, удовлетворивши всѣмъ требованіямъ теоріи. Какъ владѣть предметомъ: ожидать ли полнаго ея развитія въ самой жизни, возводить ли его въ идеальное состояніе, ограничиваться ли въ его бытіи луч-

шими моментами, подчиниться ли слѣпо его собственной натурѣ? это все вопросы, ежедневно рождающіеся, когда дѣло доходитъ до критики; но вопросы, которыхъ ни судьи, ни подсудимые удовлетворительно рѣшить не могутъ. Противъ каждаго приговора можно поставить множество явленій, которыя торжественно будутъ доказывать то односторонность, то полное заблужденіе судей. Въ душѣ человѣка, одареннаго талантомъ, неизъяснимо, можетъ быть, и безотчетно, но вѣрно и могущественно дѣйствуетъ это чувство, этотъ вкусъ, этотъ тактъ, сколько, гдѣ и когда надобно воплощать природу, а равнымъ образомъ сколько, гдѣ и когда не довѣрять ей и образовать собственное цѣлое, лишь бы оно въ согласіи было съ ея законами.

Если бы успѣхъ искусства постоянно зависѣлъ отъ устроенія, отъ безполезныхъ усилій производящей способности души, много бы у насъ сочиненій достигло того совершенства, которое поражаетъ меня въ Гоголѣ. Итакъ несомнѣнно тутъ сокрыта высочайшая дѣятельность таланта въ соединеніи съ этимъ непостижимымъ, какъ я сказалъ, такомъ, или съ этою врожденною воспріимчивостію однѣхъ художническихъ красокъ всякаго предмета. Отчего, напримѣръ, столько неожиданныхъ перерывовъ въ частяхъ, повидимому, требовавшихъ равной отдѣлки? Есть рѣчи, которыя льются нескончаемо, а другія едва начаты и прерваны. Есть характеры, которые развиты и снова пополняются, а многіе едва намѣченныхъ. Подобныхъ вопросовъ много. Но явленія не случайны. Они постигнуты сочувствіемъ поэта съ таинствомъ не книжной, а его собственной внутренней эстетики, которая, будь она приведена имъ въ науку, привела бы другого къ заблужденіямъ и ошибкамъ, столько разъ повторявшимся отъ теорій.

Въ произведеніяхъ искусствъ, называемыхъ изящными, первое достоинство заключается въ независимости созданія. Она составляетъ самый несомнѣнный признакъ, что художникъ творитъ по призванію природы, и слѣдовательно законно вступаетъ на свое поприще. Независимость не отстраняетъ другихъ совершенствъ, заключающихся въ самой

идеѣ всякаго изящнаго произведенія, которое не отходитъ ни въ чемъ отъ общихъ законовъ природы, то есть, истины. Но исполненіе послѣднихъ еще не доказываетъ самобытности таланта, который долженъ всему въ твореніи сообщить собственное содержаніе, объемъ, части, характеръ, форму, краски и выраженіе. Все это поразительно чувствуешь, читая Мертвыя Души. И прежде Гоголя были писатели съ настроеніемъ чисто комическимъ. И прежде него провинція давала богатый матеріалъ талантамъ. И прежде него смѣсь Европейскихъ нравовъ съ невѣжествомъ и безвкусіемъ рѣзко отражалась то въ романахъ, то въ комедіяхъ, то въ повѣстяхъ. И прежде Гоголя простонародный языкъ игралъ веселую роль на устахъ героевъ, подмѣченныхъ авторами въ глуши, на облучкѣ саней, въ людской избѣ, или даже въ нашей вентѣ. Мы всѣ читали это съ удовольствіемъ, начавъ съ Фонвизина и окончивъ М. Н. Загоскинымъ. Но вслушайтесь повнимательнѣе въ какой угодно разговоръ, помѣщенный въ Чичиковѣ Гоголемъ. Напримѣръ, вотъ старая помѣщица Коробочка. Чичиковъ попалъ къ ней изъ-дороги ночью. Они сошлись утромъ у самовара.

— Здравствуйте, батюшка. Каково почивали?—сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера: въ темномъ платьѣ, и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все также было что то навязано.

„Хорошо, хорошо! говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. Вы какъ матушка?

— Плохо, отецъ мой.

„Какъ такъ?

— Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ.

„Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть.

- Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлѣбнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая.

„Не дурно, матушка; хлѣбнемъ и фруктовой“. Читатель

я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, несмотря на ласковый видъ, говорилъ однако же съ большею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать что у насъ на Руси, если не успались еще кои въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣньи обращаться. Перечитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ и Нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій. Онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ, и съ мелкимъ табачнымъ торгашемъ, хотя конечно, въ душѣ подличаетъ въ мірѣ передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ пятьсотъ душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ у котораго ихъ пятьсотъ, а съ тѣмъ у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго восемьсотъ; словомъ хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки— и проч., и проч.

„У васъ, матушка, хорошенькая деревенька. Сколько въ ней душъ?

— Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго восемьдесятъ, сказала хозяйка, да была: времена плохи; вотъ и прошлый годъ былъ такой не урочной, что Боже храни!

„Однако-жъ мужички на-видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу? Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ почное время...

— Коробочка, коллежская секретарша.

„Покорнѣйше благодарю. А имя и отечество?

— Настасья Петровна.

„Настасья Петровна? хорошее имя Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя какъ? спросила помѣщица Вѣдь вы, я чай, засѣдатель?

„Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ Чичиковъ усмѣхнувшись. Чай не засѣдатель, а такъ ѣздилъ по своимъ дѣлишкамъ.

— А! такъ вы покупщикъ? какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ, такъ дешево; а вотъ ты бы, мой отецъ, у меня вѣрно его купилъ.

„А вотъ меду и не купилъ бы.

— Что-жъ другое? Развѣ пеньку? „Да вотъ и пеньки у меня теперь маловато: полпуда всего.

„Нѣтъ, матушка, другого рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?

— Охъ, батюшка, осмнадцать человѣкъ! сказала старуха вздохнувши. И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да что въ нихъ — все такая мелюзга; а засѣдатель подъѣхалъ: подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати какъ за живого. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ.

„Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?

— Богъ пребережетъ отъ такой бѣды, пожаръ бы еще хуже; самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, черезъ-чуръ вышелъ, только спиѣи огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ и почернѣлъ какъ уголь, а такой былъ прекускный кузнецъ! и теперь мнѣ выѣхать не на чемъ, некому лошадей подковать.

„На все воля Божья, матушка! сказалъ Чичиковъ вздохнувши противъ мудрости Божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!

— Кого, батюшка?

„Да вотъ этихъ-то всѣхъ, что умерли.

— Да какъ же уступить ихъ?

„Да такъ просто. Или пожалуй продайте, я вамъ за нихъ дамъ деньги.

„Да какъ же? я право въ толкъ-то не возьму. Нечто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко, и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или по-

купка будетъ значиться только на бумагѣ, и души будутъ прописаны какъ бы живыя.

— Да на что жъ онѣ тебѣ, сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

„Это ужъ мое дѣло.

— Да вѣдь онѣ же мертвыя?

„Да кто же говоритъ что онѣ живыя! Потому то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите: а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете! да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю, произнесла хозяика съ разстановкой. Вѣдь я мертвыхъ никогда не продавала.

„Еще бы! это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой нибудь прокъ?

Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что жъ въ нихъ за прокъ? проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя.

Ну, баба, кажется крѣпколобая! подумалъ про себя Чичиковъ.

„Послушайте, матушка! да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать какъ за живого...

— Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ! подхватила помѣщица. Еще третьяго пятѣлю внесла больше полутораста. Да засѣдателя подмаслила.

„Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображеніе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ: я, а не вы; я принимаю за себя всѣ повинности. Я совершу даже крѣпость на свои деньги; понимаете ли вы это?

Старуха задумалась. Она видѣла, это дѣло точно какъ будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое; а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; пріѣхалъ же, Богъ знаетъ, откуда, да еще и въ ночное время.

„Такъ что жъ, матушка, по рукамъ что ли? говорилъ Чичиковъ.

– Право, отецъ мой, никогда не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила, вотъ и третьяго года протопопу двухъ дѣвокъ, по сту рублей каждую, и очень благодарилъ -такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ.

„Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними. Я спрашиваю мертвыхъ.

Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а онѣ того... онѣ больше какъ-нибудь стоятъ.

„Послушайте, матушка... эхъ, какія вы! что жъ онѣ могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете-ли? это просто прахъ. Вы возьмите всякую неоцѣнную послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купить на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

– Ужъ это точно правда. Ужъ совсѣмъ ни на что не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь онѣ уже мертвыя.

„Экъ ее, дубинно-головая какая! сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. Поди ты, слалъ съ нею! въ потъ бросила проклятая старуха. Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Отершись потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною. Вы, матушка, сказалъ онъ, или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями. Понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, по чемъ продали медъ?

— По двѣнадцати рублей пудъ.

„Хватили немножко грѣха на душу, матушка: по двѣнадцати не продали.

— Ей-Богу, продала.

Ну, видите ль? Такъ за то это медь. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; топили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму; а мертвыя души дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанья: на то была воля Божія, чтобъ онѣ оставили міръ сей, нанося ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями. Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старушка, наконецъ, поддастся.

— Право, отвѣчала помѣщица, мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше жъ я маненько повременю: авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ.

„Срамъ, срамъ, матушка! просто срамъ! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онѣ можетъ изъ нихъ сдѣлать?

— А можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ случай понадобится... возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что онъ на это скажетъ.

„Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватила! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ что ли?

— Съ нами крестная сила! какія ты страсти говоришь! проворчала старуха крестясь.

„Куда же еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да впрочемъ, вѣдь кости и могилы все вамъ остается; переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что же? Какъ же? Отвѣчайте по крайней мѣрѣ!

Старуха вновь задумалась.

„О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть. Лучше я вамъ пеньку продамъ.

„Да что жъ пенька! помилуйте, я васъ прошу совѣсмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете. Пенька пенькою; въ

другой разъ пріѣду, заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?

— Ей-Богу, товаръ такой страшный, совѣмъ небывалый!

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. — Охъ, не поминайте его, Богъ съ нимъ! воскликнула она, вся побѣлѣвъ. Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный, вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ.

„Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... да пропади и околѣй со всей вашей деревней...

— Ахъ, какія ты забранки пригинаешь! сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

„Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не дастъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я казенные подряды тоже веду... Здѣсь онъ прилгнулъ хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ: да что жъ ты разсердился такъ горячо? Зная я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совѣмъ тебѣ и не прекословила.

„Есть изъ чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ: а я стану изъ-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацій! Только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то, если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ пожалуйста не обмѣнь меня.

„Нѣтъ, матушка, не обижу, говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспросилъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что слѣдуетъ?

„Какъ же: Протопопа, отца Кирилла, сынъ служитъ въ палатѣ, сказала Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо, и чтобы избавить отъ лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить“.

Сцена еще не оканчивается здѣсь. Угощеніе, послѣдовавшее за совершившимся торгомъ, изображено столь же оригинально, какъ и живо. Но мы ограничимся вышеписанными мѣстами. Они достаточно могутъ показать, въ чемъ состоитъ независимость таланта Гоголя. Развитіе идеи въ обоихъ лицахъ, настойчивость съ одной стороны, трусливость и корыстолюбіе съ другой, хитро сплетенныя доказательства обманщика и простодушныя опроверженія глупой старухи, ихъ рѣчи, то сжатыя, то многословныя, но всегда вѣрныя духу нашего неистощимо-разнообразнаго языка, вѣрныя рѣзкимъ особенностямъ народнаго мышленія — все является въ какомъ то чудномъ, поразительномъ образѣ, проникнутомъ и новостію и истиною, безъ малѣйшихъ излишествъ, безъ преувеличенія, въ естественномъ движеніи, въ полнотѣ и въ завидномъ спокойствіи, которое одно сообщаетъ сценѣ высокое значеніе въ художественномъ отношеніи. Я изъяснилъ уже прежде, почему характеры, дѣйствія и положенія лицъ не въ усиленномъ состояніи, въ состояніи жизни безыскусственной, предпочитаю всѣмъ вымысламъ разительнымъ, часто призываемымъ въ художества за недостаткомъ естественнаго могущества красоты. По этой самой причинѣ я здѣсь привелъ примѣръ, который свидѣтельствуетъ, сколько внутренней силы, независящей отъ условныхъ достоинствъ труда, вложила природа въ душу художника. Его собственный, проницательный, вѣрный взглядъ возвелъ въ эстетическую сферу такія обстоятельства, изъ которыхъ обыкновенный писатель не извлекъ

бы ничего, кромѣ натянутыхъ остротъ и скучныхъ шуточекъ. У Гоголя, напротивъ, никто не смѣшонъ, потому что въ жизни и дѣйствіяхъ каждаго есть истина, убѣждающая читателя. Переидешь по всѣмъ отдѣленіямъ вещей и лицъ, не только начиная отъ Селифана, но и отъ самого Чубараго, до легковоздушной Институтки и ея отца, и ни въ чемъ не откроешь тѣни подложнаго или сомнительнаго: все возникаетъ изъ закона внутренней жизни, слѣдовательно все является не для потѣхи, не отъ умыслу на забаву, а по назначенію, по приказанію природы: итакъ все серьезно, все важно, все внушаетъ естественное участіе.

Вы, конечно, не удивитесь, что книгу, которая можетъ служить источникомъ и образцомъ комической красоты, я нахожу серьезною. Въ противоположность серьезному я представляю все, что говорится или дѣлается съ видимымъ сознаніемъ не истины, шутки, и т. п. Въ Чичиковѣ, какъ можно было замѣтить по многимъ мѣстамъ первой моей выписки, не только дѣйствующія лица, но и самъ авторъ такъ проникнуты сочувствіемъ къ малѣйшимъ обстоятельствамъ описываемыхъ предпріятій и жизни, что нерѣдко и читатель перестаетъ быть посторонним лицомъ, нечувствительно увлекаясь въ окружающую его сферу. Нѣтъ сомнѣнія, что все это слѣдствіе искусства: но въ томъ и торжество таланта, что онъ изъ него умѣлъ создать дѣйствительность. По моему вкусу, тѣ только черты выбиваются изъ этой волшебной комедіи, которыя рѣзко наводятъ на умышленную эффектность, какъ, напримѣръ, нѣсколько словъ въ устахъ Манилова и нѣсколько поступковъ въ жизни Плюшкина. Первое лицо, идеалъ приторной вѣжливости, можетъ быть, и подмѣчено авторомъ въ натурѣ, но по своей рѣдкости отзывается *сочиненіемъ*. Плюшкинъ упадаетъ нѣсколько въ толпу подобныхъ себѣ скрягъ, уже выведенныхъ столько разъ на сцену. Вѣроятно, самые недостатки его художественности, т. е. все преувеличенное въ его поступкахъ, и заслужатъ ему похвалы отъ людей, которые неспособны ничѣмъ быть тронуты, кромѣ преувеличенія.

Между тѣмъ въ этомъ же изображеніи Плюшкина находится разсказъ, погружающій читателя въ тѣ невольныя глубокія думы, которыя возникаютъ въ душѣ каждый разъ, когда ее поражаютъ печальныя, но несомнѣнныя истины. Это описаніе постепенности паденія человѣка.

„А вѣдь было время, когда Плюшкинъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ; двигались мельницы, валялыни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни: вездѣ во все входилъ зоркій взглядъ хозяина, и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ, опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; навстрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя Француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и очни воробьиныя яица, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ее не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ: локти были въ порядкѣ, нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешли къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе, и какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ,

Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, и обкѣчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во влагѣлицѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость: сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться; учитель Французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу: мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны: сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ Палатѣ, по мнѣнію отца, службу вещественную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ, и написалъ къ отцу уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что получилъ на это то, что называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ, послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытую пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе: человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты, онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе, и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ: наконецъ, остались только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклесно бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ: неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые

пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались, и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили: клали и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту: мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ суконъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабылъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ: такимъ же приносомъ оѣховъ обложена была всякая баба; столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха; все это сваливалось въ кладовыя, и все становилось гнилъ и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, похотная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ однако же ее простилъ, и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ — одного на правое колѣно, а другого на лѣвое — покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ, куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна“.

Дополнивъ это развитіе характера сценами, авторъ, какъ бы въ негодованіи на своего актера, восклицаетъ:

„И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду: все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ; не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея; на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ! но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости".

Вы чувствуете, что тотъ же самый Плюшкинъ, надъ которымъ за минуту нельзя было не смѣяться, довелъ васъ до созерцанія красоты высокой. Такъ все во власти великаго таланта.

Ежели характеры Манилова, который отъ всякаго слова улыбается и въ сладостномъ умиленіи почти зажмуриваетъ глаза, и Плюшкина, одѣтаго такъ, что вы не узнаете издали, кто передъ вами: мужикъ или баба, ежели эти характеры мнѣ кажутся сочиненными, я это говорю не потому, что авторъ въ нихъ бытъ не довольно внесъ жизни и ея частностей—ихъ столько, что для обыкновеннаго писателя довольно было бы на порядочную книгу—но мнѣ кажется, что въ поэмѣ, которая такъ ярко отражаетъ все народное, предпочитать надобно и самыя особенности или даже странности болѣе свойственныя нашимъ, нежели просто общечеловѣческія. Народная поэма есть исторія въ лицахъ, между которыми, естественно, избираются выставляющіяся чаще и ярче. Вотъ что противъ изображенія Плюшкина сказалъ самъ Гоголь:

„И такъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ. Должно сказать, что *подобное явленіе рѣдко попадается на Руси*, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно.

что тутъ же въ сосѣдствѣ подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ жилища, неудомѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые каменные дома съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ, окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеніями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями и плошками, оглушенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе, является чрезъ то ночное небо, и, далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудимый мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни“.

Мы живемъ въ эпоху, въ которую отъ каждаго художника критика требуетъ ближайшаго, ясно высказавшагося соотношенія между жизнію и произведеніемъ искусства. Если поэтъ и вздумаетъ въ своемъ созданіи возобновить дѣйствіе другой націи или давно прошедшаго времени, тѣмъ не менѣе отъ него мы требуемъ полнаго изученія избраннаго имъ предмета и самаго неподдѣльнаго сочувствія съ жизнію прошлою. Теперь странно вносить въ художества неопредѣленныя идеи, вѣрныя по изученію сердца человѣческаго вообще, но не схваченныя на извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Такого рода художественныя задачи забыты въ старыхъ книгахъ и отяжелѣвшихъ школахъ. Поэма Гоголя во всѣхъ прочихъ частяхъ можетъ служить образцомъ соотношенія между жизнью и искусствомъ. Я могъ бы указать на каждый изъ выведенныхъ имъ характеровъ, какъ они окружаютъ читателя явленіями русской жизни. Но меня особенно поражаетъ доконченность въ объемѣ

всякаго изъ нихъ. Указать на извѣстныя черты какого-нибудь лица можно и не бывши великимъ поэтомъ. У кого есть нѣсколько наблюдательности, памяти и соображенія, тотъ и достигнетъ до описанія удачнаго. Но исчерпать всю глубину неуѣлимаго: постигнуть его во всѣхъ обстоятельствахъ; разобрать самыя противоположности его дѣйствій и привести ихъ къ одному началу—вотъ труднѣйшая задача, которую рѣшили одни геніальные писатели. Укажу вамъ на характеристику Ноздрева. Не говоря уже о томъ, какъ въ каждомъ его движеніи разыгрывается сцена типической жизни, наблюдайте его во всѣхъ явленіяхъ, гдѣ только авторъ встрѣчается съ нимъ—вы изумлены будете неистощимостію его отгѣнковъ, всегда новыхъ, всегда поэтическихъ, всегда истинныхъ, всегда однородныхъ при самыхъ противорѣчащихъ по наружности дѣйствіяхъ. Подлѣ нашего Ноздрева Пальяначъ Яго покажется очеркомъ, не болѣе: такъ широко провелъ Гоголь по картинѣ своею мастерскою кистью.

При всѣхъ достоинствахъ, которыя зависѣли единственно отъ таланта художника, поэма, конечно, поразитъ каждаго недостаткомъ важнымъ. Въ ней нѣтъ того, чего мы еще не встрѣчаемъ въ нашей жизни—серьезнаго общественнаго интереса. Я не умѣлъ придумать другого названія тому качеству нашихъ разговоровъ, мыслей и поступковъ, которое, не отнимая у нихъ особенностей національности, придаетъ имъ цѣлость общую и вводитъ ихъ въ соприкосновеніе съ интересами другихъ народовъ. Самыя поразительныя мѣста, отъ которыхъ приходишь въ восхищеніе, не выносятъ души на тотъ горизонтъ, откуда она обозрѣваетъ подобныя явленія у иностранныхъ писателей. Во всемъ чувствуешь мелочность и ограниченность. Въ первой сценѣ вышекѣ, гдѣ на сценѣ цѣлое общество, разговоръ живъ и разнообразенъ; въ немъ исчерпано все комическое, прямо относящееся къ тому случаю, о которомъ идетъ рѣчь—но онъ прекрасенъ только относительно, когда читатель какъ-нибудь сближенъ съ понятіями общества. Для иностранца, который не въ состояніи трепетать отъ

художническаго мастерства автора, вся прелесть исчезаетъ за недостаткомъ жизни болѣе цѣпкой и болѣе общепонятной. Это все нисколько не говоритъ противъ Гоголя, напротивъ, еще оправдываетъ его. Авторъ безъ такту, привыкшій обманываться въ своихъ ощущеніяхъ, легкоподымающійся на ходули, когда не на чемъ болѣе показаться высокимъ, обыкновенно поддѣлывается подъ какой-нибудь извѣстный ему тонъ — и такимъ образомъ все рисуетъ ложно. Гоголь возвратилъ обществу то, что оно могло ему дать само. Исключенія встрѣчаются или въ другомъ разрядѣ людей, или, проглядывая даже здѣсь, не входятъ еще въ жизнь какъ черты рѣзкія. Какъ прежняя, такъ и нынѣшняя наша общежительность хранитъ въ своей исторіи любопытныя доказательства въ оправданіе того, что и у всѣхъ, самыхъ великихъ писателей русскихъ, степень развитія интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ.

Я не смѣшиваю этого достоинства съ развитіемъ происшествія въ поэмѣ или романѣ. Тутъ снова требованіе обращается къ автору. Если въ вышедшемъ томѣ поэмы Гоголя мы неудовлетворены съ этой стороны, обвинять его никто не въ правѣ. Онъ самъ объявилъ, что теперь напечаталъ одно вступленіе, слѣдственно, поэма, въ собственномъ смыслѣ, еще впереди. О немъ заключеніе надобно поберечь до выхода обѣщанныхъ двухъ томовъ.

Въ языкѣ поэмы есть недосмотры. Гоголь воображеніемъ своимъ такъ сливается съ образомъ вещей и лицъ, о которыхъ разсказываетъ, или которыя заставляетъ дѣйствовать, что удобство или красоту размѣщенія словъ совсѣмъ опускаетъ изъ виду, лишь бы не ослабить силы представленія. Грамматическая критика, навѣрное, возьметъ за то свои полушечныя оброкъ съ автора. Я думаю, что дурной языкъ нигдѣ такъ не господствуетъ, какъ въ сочиненіяхъ безталантныхъ писателей, которые, ничего сильно не чувствуя, не обнимая вполнѣ идеи, не умѣя войти въ оттѣнки частностей, обо всемъ говорятъ безъ отчету, безъ мѣры, вяло или съ преувеличеніемъ, словомъ, каждою фразою

портитъ языкъ, если только находятъ вѣрующихъ себѣ читателей. У Гоголя, взамѣнъ ничтожныхъ недосмотровъ, пропущенныхъ, безъ сомнѣнія, отъ поспѣшности изданія книги, есть положительныя совершенства языка, красоты, вѣчно сіяющія у геніальныхъ писателей: сжатость выраженій, мѣткость и точность словъ и неразъединяемость ихъ отъ понятій. Вы лучше всего можете объ этомъ судить по моимъ выпискамъ. Въ дополненіе привожу еще одно описаніе—образецъ краснорѣчиваго языка и картиннаго представленія предметовъ.

„Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ осѣняль эту обширную деревню, и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи: зелеными облаками и неправильными трепетполистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная сверкающая колонна; косой, острокопечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху, вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка, или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣсного орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между ними углубленіе, сіявшее какъ темная пасть: оно было все окинуто тѣнью—и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его, бѣжавшая узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣрой чалыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы из-

сохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая сбоку свои зеленыя лапы-листья, подъ одинъ изъ которыхъ, забравшись Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, *все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, не искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда онѣ соединяются вмѣстѣ; когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и даетъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности*“. Послѣднюю мысль отмѣтилъ я съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вы, остановившись на ней, вошли въ духъ писателя, который мимоходомъ, но съ изумительною отчетливостію, изложилъ въ этихъ краткихъ словахъ всю свою теорію изящнаго—и тѣмъ самъ приготовилъ отвѣтъ критикамъ на всѣ замѣчанія о его вкусѣ, родѣ сочиненія, слогѣ, украшеніяхъ и даже, какъ выражаются они, неотдѣлкѣ языка. Его книга точно этотъ садъ. Кому не понравится зрѣлище, здѣсь имъ представленное, это волшебное вмѣстилище свѣжести, зелени, благоуханія, прохлады, дикости, красоты и безмолвія, тотъ, конечно, не пойметъ ни меня ни автора. Но что сказать тѣмъ, которые будутъ недовольны языкомъ его? Не лучше ли отослать ихъ къ тощимъ писателямъ, которые вмѣсто краснорѣчія сердца и воображенія, поднесутъ имъ строчки, выпрямленныя по линейки грамматики? Мы точно не привыкли къ языку дѣйствительнаго чувства, къ языку поэтовъ-живописцевъ, къ языку страстныхъ поклонниковъ и знатоковъ природы. Кромѣ

Жуковскаго, я не помню, кто у насъ рисовалъ словомъ, увлекаемый прелестію природы и постигая искусство словесной живописи. Между тѣмъ, языкъ, это мощное орудіе ума, чувства и воображенія, только и созидается вдохновеніемъ. Послѣ всего этого предоставляю судить вамъ, хорошъ ли языкъ у Гоголя.

Я писалъ подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній. Мнѣ не удалось сообщить замѣчаніямъ моимъ формы правильной и легкой. Но я убѣжденъ, что истина во всякомъ видѣ полезна.

С. Ш. (*Плетневъ*).

Въ этомъ же номерѣ „Современника“, въ отдѣлѣ „Разборъ новыхъ книгъ“, редакція этого журнала говоритъ о *Похожденіяхъ Чичикова*:

„Въ нынѣшнемъ № Современника мы помѣстили довольно подробный разборъ этой книги (стр. 19, *перв. нумерац.*). Во многомъ соглашаясь съ замѣчаніями нашего корреспондента, мы не понаходимъ надобности снова разбирать здѣсь это сочиненіе“.

---

*)—**Похожденія Чичикова,** или *Мертвыя Души*. Поэма Н. Гоголя.

Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ никогда еще не видали. Я пыхчу, трепещу, прыгаю отъ восхищенія; объявляю вамъ о такомъ литературномъ чудѣ, какого еще не бывало ни въ одной словесности. Поэма!.. да еще какая поэма! Одиссея, Неистовый Орландъ, Чайльдъ-Гарольдъ, Фаустъ, Онѣгинъ, съ позволенія сказать *дрянь* въ сравненіи съ этой поэмой. Поэтъ!.. да еще какой поэтъ!.. поэтъ, передъ которымъ Гомеръ, Аріосто, Пушкинъ, лордъ Байронъ и Гете, съ позволенія сказать... то, чѣмъ Поздревъ называетъ Чичикова. Это можетъ быть, превосходитъ всѣ силы вашего соображенія, но это дѣйствительно такъ, какъ я вамъ докладываю. Никогда еще геній чело-

*) „Библіотека для Чтенія“ 1842 г. т. 53, отд. VI. „Литературная лѣтопись“. Статья О. Сенковскаго.

вѣческій не производилъ подобной поэмы. Никогда смертный родъ Адама не удивлялся такому великому поэту. Книга названа поэмой *не въ шутку*. Поэтъ провозглашенъ первымъ современнымъ поэтомъ не въ насмѣшку. Все это, увѣряю васъ, серіозно, и очень серіозно. Можно съ ума сойти отъ радости, если хоть немножко любишь искусство, русскій языкъ и честь своей литературы! Какъ мои благосклонные читатели, какъ люди отъ природы любопытные, какъ зрители моего бѣшенаго восторга, неприготовленные къ чудесамъ, которыя не вмѣщаются въ человѣческой головѣ, вы, натурально, спрашиваете меня, какимъ размѣромъ писана эта поэма. На что я отвѣчаю, что въ ней нѣтъ никакого размѣра: это поэма совершенно новаго рода, поэма, какой вы еще не видали: коротко сказать, поэма не въ стихахъ. Такъ въ прозѣ? говорите вы.- На что я ничего не отвѣчаю, не могу знать, будете судить сами. Въ вещахъ, которыя выше всякаго понятія, всякой похвалы, всякаго порицанія, въ вещахъ необъятныхъ, какъ грезы тщеславія въ бреду, опредѣленія и разборы невозможны. Позвольте мнѣ, смиренно, прочесть вамъ нѣсколько страницъ этой великой, удивительной, неподражаемой, непостижимой поэмы.

„Въ ворота гостиницы губернскаго города *N.N.* въѣхала довольно *красивая рессорная небольшая* бричка“.—Съ первыхъ словъ, слогъ нехорошъ, замѣчаете вы мнѣ.—Какая нужда отвѣчаю я: это поэма. „Въѣздъ ея не произвелъ въ городѣ *совершенно никакого* шума и *не былъ сопровожденъ* ничѣмъ особеннымъ“. Не сопровождался, подхватываете вы. *Совершенно* никакого—солецизмъ.—Все равно, говорю я. Не мѣшайте мнѣ читать.

„Только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака „противъ гостиницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, отно„сившіяся впрочемъ болѣе къ экипажу, чѣмъ къ *сидѣвшему* „въ немъ. (Я вижу, что вы морщитесь).—Вишь ты, сказалъ одинъ другому, вонъ какое колесо!... что ты думаешь, „долѣтитъ то колесо, если-бъ случилось, *въ* Москву! -- „Долѣтитъ, отвѣчалъ другой... А *въ* Казань-то, я думаю, не

„доѣдетъ? — *Въ* Казань не доѣдетъ, отвѣчалъ другой.— „Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъ„ѣхала къ гостинницѣ, *вострухнулся* молодой человѣкъ въ „бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и ко„роткихъ... *оборотился* назадъ, *посмотрѣлъ экипажъ*, при„держалъ рукою картузъ, чуть не летѣвшій отъ вѣтра, и „пошелъ своей дорогой“.—Какая поэзія! восклицаю я въ восторгѣ. -Но слогъ жестоко пехорошъ, говорите вы вполголоса: а языкъ и того хуже. Это, кажется, писано въ прозѣ?.. Но проза безъ языка, безъ слогу, безъ искусства, вовсе не проза. Къ чему слогъ, языкъ или искусство въ поэмѣ! съ нетерпѣніемъ возражаю я. Отъ того-то она и называется поэмой, что въ ней нѣтъ ни слѣда прозы.

„Пока пріѣзжій осматривалъ свою комнату... или ходилъ „*взглянуть на рѣку, протекающую* посреди города... вне„сены были его пожитки. Кучеръ Селифанъ отправился „*возиться* около лошадей, а лакей Петрушка сталъ устра„иваться въ маленькой передней, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ ней *какой то* свой соб„ственный запахъ, который *былъ сообщенъ и принесенному* „вслѣдъ затѣмъ мѣшку *съ разными* лакейскимъ *туалетомъ*. „Въ этой конуркѣ онъ *прикрѣпилъ* къ стѣнѣ узенькую трех„ногую кровать, *накрывъ ее* небольшимъ подобіемъ тюфяка, „убитымъ и плоскимъ какъ блинъ, *который* удалось ему „вытребовать у хозяина гостинницы“. — Который блинъ? спрашиваете вы меня, почтеннѣйшій читатель. — Нѣтъ, который тюфякъ, отвѣчаю я.—Скажите, пожалуйста, спрашиваете вы меня еще: по какой это логикѣ употребляются здѣсь времена глаголовъ и причастія? Отъ перваго слова вашей поэмы, я не могу сообразить, что чему предшествуетъ и что за чѣмъ слѣдуетъ. Петрушка *прикрѣпилъ* къ стѣнѣ кровать, *накрывъ* ее тюфякомъ; какой-то запахъ... я, признаться, запаховъ не люблю! ...*былъ сообщенъ принесенному* вслѣдъ затѣмъ мѣшку, пріѣзжій *взглянулъ* на рѣку, *протекающую* черезъ городъ: значитъ, вашъ Петрушка прежде накрылъ кровать тюфякомъ, а потомъ уже ее прикрѣпилъ къ стѣнѣ: вашъ запахъ былъ сообщенъ мѣшку уже послѣ

принесенія этого мѣшка въ переднюю: вашъ пріѣзжій вляпнулъ на рѣку *протекающую*, но уже не *протекающую*, черезъ этотъ городъ: куда же она дѣвалась? — Это не ясно, не правильно, не изящно.

Ахъ, какой вы классикъ! восклицаю я въ отвѣтъ на это. Кто же теперь обращаетъ вниманіе на времена, на ясность, на правильность? Мы уже все это отмѣнили. Поэтъ—существо всемірное; онъ выше временъ, пространствъ и грамматики; онъ говоритъ въ стихахъ, въ прозѣ, или ни въ стихахъ, ни въ прозѣ: удивляйтесь, поколѣнія!—а понимай кто можетъ и какъ можетъ!.. Позвольте мнѣ сказать, почтеннѣйшій читатель, что вы, съ своими отсталыми понятіями объ ясности рѣчи, объ изяществѣ выраженій, о правильномъ изученіи средствъ языка, объ искусномъ ихъ употребленіи, вовсе не въ состояніи чувствовать красоту „*нашей* поэмы“: для этого нужно забыть все, что нужно знать; тогда только можно постигнуть всю прелесть этихъ вдохновеній. Вѣль это все вдохновенія!.. Спросите у самого поэта... онъ такъ ихъ называетъ. А вы думали что такое? Ахъ, вы, классики, классики!.. съ вами никакая поэма, никакая поэзія невозможны. Пожалуйста, оставьте свои замѣчанія: слушайте и не прерывайте меня. Если вамъ угодно, такъ слушая, подчеркивайте себѣ слова тихомолкомъ въ моемъ чтеніи, а когда я кончу, можете разбирать ихъ грамматически съ тѣми, которые еще вѣрятъ въ грамматику. Между тѣмъ я продолжаю читать вамъ „нашу“ прекрасную „поэму“ о, можетъ быть, замаслившемся какъ блинъ тюфякѣ и о запахѣ, принесенномъ Петрушею, которыи... Петруша или запахъ, по „нашему“ слогу это все равно... былъ сообщенъ принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Прошу не безпокоить меня вашею правильностью, изяществомъ и, говоря слогомъ „нашей поэмы“, *чорта знать* чѣмъ еще такимъ. Вы, извольте видѣть, не любите даже и запаховъ! А это страсть нашей великой поэмы! Безъ запаховъ, безъ благоуханій, нѣтъ и не можетъ быть ни поэзіи ни поэмы. Надобно только умѣть выбирать ихъ въ природѣ. Этотъ, кажется, выбранъ

съ необыкновеннымъ вкусомъ. И будьте увѣрены, что мы не въ послѣдній разъ съ нимъ встрѣчаемся: онъ будетъ безпрерывно раздаваться въ „нашей поэмѣ"! На немъ то и основанъ тотъ „восторженный *лирическій смыслъ*" (вы, кажется, снова поморщились?.. вы дважды подчеркнули эти слова?), къ которому она стремится какъ поэма.—„Покамѣстъ слуги „управлялись и *возились*, продолжаю я, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ *эти* общія залы, „всякій знаетъ: тѣ же стѣны, потѣмнѣвшія вверху отъ „трубочнаго дыма, *залосненныя* снизу спинами разныхъ „проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими: „тотъ же закопченный потолокъ; та же закопченная лю„стра; тѣ же картины во всю стѣну, гдѣ изображена *была* „нимфа съ такими огромными грудями, какихъ вы вѣрно „не видывали. Подобная игра природы впрочемъ случается „на разныхъ историческихъ картинахъ, не извѣстно „откуда, когда и кѣмъ привезенныхъ въ Россію, иной разъ „даже тамошними вельможами, любителями *искусствъ*, на„кушавшими *ихъ* въ Италіи, по совѣту везшихъ *ихъ* курье„ровъ. Господинъ размоталъ съ шеи шерстяную косынку, „какую холостымъ, навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, „*Богъ ихъ знаетъ*. Покамѣстъ ему подавали кушанье, онъ „заставилъ слугу или полового, разсказывать *всякій вздоръ* „о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь „(содержитъ). Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то „солидное и высаркивался чрезвычайно громко. Не из„вѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, *но* только носъ его зву„чалъ какъ труба. Это новое лицо скоро не замедлило „показать себя на губернаторскомъ вечеринкѣ. Приготовле„нія къ этой вечеринкѣ заняли слишкомъ два часа вре„мени, и здѣсь въ пріѣзжемъ оказалась такая внимательность къ туалету, *какой даже не везде видано*. Послѣ „обыкновеннаго послѣ-обѣденнаго сна, онъ приказалъ по„лать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ „щеки, подперши ихъ изнутри языкомъ, потомъ, взявши „съ плеча трактирнаго слуги полотенце, вытеръ имъ со „всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей, и

„фыркнувъ еще два раза въ самое лицо трактирнаго слуги. „Потомъ выщипнулъ два волоска, вылѣзшіе изъ *носу*“...

Странный филологъ, этотъ вашъ поэтъ ни въ стихахъ ни въ прозѣ! думаете вы, какъ я вижу про себя, не прерывая уже меня болѣе грамматическими замѣчаніями: во всѣхъ славянскихъ языкахъ, какіе я знаю, *носъ* имѣетъ въ родительномъ падежѣ *носа*, а *шумъ*, *вѣтеръ* и *дымъ* имѣютъ *шуму*, *вѣтру*, *дыму*: у него это наоборотъ!.. онъ говоритъ *носу*, *вѣтра*, *шума*, *дыма*!.. Право, странный филологъ! думаете вы про себя. Но я не обращаю никакого вниманія на то, что вы про себя думаете. Я читаю дальше:

„И непосредственно затѣмъ очутился во фракѣ брусниковаго цвѣту съ искрой. Вошедши въ *залъ* губернатора, „Чичиковъ долженъ былъ зажмурить глаза, потому что „блескъ отъ свѣчей былъ страшный. Черные фраки мелькали и носились врозь и *кучами* (купами?) *тамъ и тамъ*, „какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ „пору жаркаго іюльскаго *лѣта*, когда старая клюшница (sic) „рубитъ и дѣлитъ *его* (іюльское лѣто?) на сверкающіе „обломки передъ открытымъ окномъ; дѣти *всѣ* глядятъ, „*собравшись* вокругъ, *слѣдя* любопытно“.

— Ну, не скупъ вашъ поэтъ на дѣепричастія и всякія разныя причастія! думаете вы опять про себя. Два дѣепричастія сряду!... Экое искусство слога! Я между тѣмъ продолжаю. —„За движеніями *женскихъ рукъ ея*“ (то есть, старой клюшницы, у которой, вѣроятно, другихъ рукъ не было, кромѣ женскихъ: замѣчаніе почтеннѣйшаго читателя), „*женскихъ* рукъ ея, *поднимающихъ* молотъ, а „*воздушные* эскадроны мухъ, *поднятые* легкимъ *воздухомъ*, „взлетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, *пользуясь* под„слѣповатостью старухи и солнцемъ, *безпокоющимъ* глаза „ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ разбитную, гдѣ „густыми кучами. *Насыщенныя богатымъ лѣтомъ*, и безъ „того на всякомъ шагу *разставляющимъ* лакомыя блюда, „*они* (*онѣ*) взлетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но „чтобы только *показать себя* (мухи?... кому?), пройтись „взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, *потереть* одна о

„другую задния или *переднія* ножки или почесать *ими у* „*себя* подъ крылышками, или, протянувши обѣ *переднія* „лапки, потерѣть *ими у себя* надъ головою (что жъ тамъ „потереть *надъ* головою? — замѣчаніе почтеннѣйшаго чита- „теля), и опять улетѣть, и опять прилетѣть съ новыми — „*докучными* (докучливыми?) эскадронами“...

— Браво, „*наша* поэма“! воскликаю я въ страшномъ восторгѣ: браво!.. да ты настоящая эпопея! — Какое поэтическое сравненіе! — да какъ развито!.. да сколько тутъ чистыхъ, свѣжихъ, благовонныхъ цвѣтковъ поэзіи!.. Ей-ей! безъ всякой лести!.. всѣ знаменитыя сравненія у Гомера, Виргилія, Тассо, Аріосто, Мильтона, передъ этимъ великолѣпнымъ сравненіемъ—говоря твоимъ изящнымъ языкомъ— *свинтусы, подлецы*!.. Ну, чудо что за сравненіе!..

— Но еще большее чудо — слогъ этого сравненія, говоритъ почтеннѣйшій читатель. Скажите ужъ также изящнымъ языкомъ вашего поэта: экіе *свинтусы* періоды!.. ни языка, ни логики, ни обдѣлки, ни порядку въ предложеніяхъ!..

— „Мужчины здѣсь, какъ и вездѣ, продолжаю я, были „двухъ родовъ: одни тоненькіе, тоненькіе служатъ больше „по особымъ порученіямъ или только числятся и *виляютъ* „туда и сюда; другіе толстые. У тоненькаго въ три года „не останется ни одной души, не заложенной въ ломбардъ. „У толстаго, глядь, и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города „домъ, купленный на имя жены, пот*омъ* въ друг*омъ* концѣ „другой *домъ*, потомъ близъ города — деревенька, потомъ „и село со всѣми угодьями. Толстый, *прослуживши* Богу „и Государю, *заслуживши* всеобщее уваженіе, оставляетъ „службу, перебир*ается* (куда?) и дѣл*ается* помѣщикомъ, „славнымъ русскимъ бариномъ“.

— О, великій поэтъ! вскрикиваю я совершенно внѣ себя: знаете-ли, почтеннѣйшій читатель, что это самое глубокомысленное изъ его неподражаемыхъ „твореній“?.. Какая тонкая наблюдательность!.. Извините, что я прервалъ чтеніе. Восторгъ!.. не удержишь!.. Самый чистый, самый неподдѣльный восторгъ!.. Но не надо замедлять

чтеніе моими восторгами: „такъ мы никогда не кончимъ „*нашей* поэмы“.

— „Сѣли за зеленый столъ, и уже не вставали до „ужина. *Выходя* съ фигуры, полицеймейстеръ ударялъ по „столу крѣпко рукою, *приговаривая*, если была дама — по„шла, старая попадья! если же король — пошелъ тамбов„скій мужикъ! А предсѣдатель приговаривалъ: — А я его „по усамъ! А я его по усамъ! — Иногда, при ударѣ картъ „по столу, вырывались выраженія — А! была не была, не „съ чего, такъ съ бубенъ! *или же* просто восклицанія — Черви! „червоточина! — пикенція! — пикенрасъ! пичирущукъ! — „пичура! — и даже просто — пичукъ! Пріѣзжій во всемъ „умѣлъ *какъ-то* найтиться, и показалъ въ себѣ опытнаго „свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ не былъ, онъ „умѣлъ поддержать его — „умѣлъ облекать все *какою-то* „степенностью, умѣлъ хорошо держать себя, говорилъ ни „громко ни тихо, а совершенно такъ, какъ слѣдуетъ: сло„вомъ, *куда ни поворотни*, былъ очень порядочный человѣкъ. „Всѣ были довольны пріѣздомъ новаго лица. Даже самъ „Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ-нибудь съ „хорошей стороны, пріѣхавши довольно поздно изъ города, „и уже совершенно раздѣвшись, и легши на кровать возлѣ „худощавой жены *своей*, сказалъ *ей*: „Я, душенька, былъ „у губернатора на вечерѣ, и познакомился съ коллежскимъ „совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: препріятный человѣкъ!“ На что супруга отвѣчала — „Гмъ!“ — и „толкнула его ногою.

„*Хотя*, конечно, два крѣпостные человѣка нашего ге„роя лица не такъ замѣтныя, *хотя* главные ходы и пру„жины поэмы не на нихъ утверждены, *но*... (Во всѣхъ „языкахъ, во всѣхъ діалектикахъ, по законамъ всѣхъ воз„можныхъ силлогизмовъ, союзу *хотя* соотвѣтствуетъ союзъ „*однако*, а не *но*: замѣчаніе почтенѣйшаго читателя, ко„торый учился логикѣ) *но* авторъ любитъ чрезвычайно быть „обстоятельнымъ. Петруша ходилъ въ нѣсколько широкомъ „коричневомъ сюртукѣ съ барскаго плеча, характера былъ „молчаливаго, имѣя благородное побужденіе къ просвѣ-

„щенію, то есть, чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ „не затруднялся. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ „онъ, но больше процессъ самаго чтенія, что вотъ изъ „буквъ выходитъ вѣчно какое нибудь слово, которое иной „разъ *чортъ знаетъ*, что и значитъ. Кромѣ страсти къ „чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, *составлявшія „двѣ другія* его характеристическія черты,— спать не раз„дѣваясь, *такъ какъ* есть, въ томъ сюртукѣ, и носить „всегда съ собою *какой-то свой* особенный воздухъ, *своего* „собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилымъ по„коемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить „гдѣ нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой *до„толѣ* комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, „и уже казалось, *что* (будто?) въ этой комнатѣ лѣтъ де„сять жили люди. Чичиковъ, будучи человѣкъ весьма ще„котливый, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ *привередливый*, „потянувши къ себѣ этотъ воздухъ по-утру на свѣжій „носъ, только поморщивался, да встряхивалъ головою, при„говаривая: Ты, братъ, *чортъ тебя знаетъ*, потѣешь что „ли?.. сходилъ бы ты хоть въ баню! — На что Петруша „ничего не отвѣчалъ. Кучеръ Селифанъ былъ совершенно „другой человѣкъ... Но авторъ весьма совѣстится такъ „долго занимать васъ людьми низкаго званія. Скажу при „этомъ случаѣ, что и Русскіе тоже не охотно знакомятся „съ низкими сословіями. Таковъ ужъ русскій человѣкъ! „Сильная страсть зазнаться...“

— Помилуйте! вскрикиваетъ почтеннѣйшій читатель, не отнимая пальцевъ отъ своего почтеннѣйшаго носа, который имѣлъ онъ обыкновеніе зажимать отъ такихъ воздуховъ: что вы это, съ вашимъ поэтомъ, при каждомъ неблагопріятномъ случаѣ, наводите рѣчь на Русскихъ! Въ чемъ и за что вы безпрерывно ихъ обвиняете? Да они очень хорошо дѣлаютъ, что не хотятъ знакомиться съ вашими нечистыми героями, отъ которыхъ я самъ принужденъ поминутно закрывать носъ и глаза рукою. Если порядочные Русскіе неохотно сближаются съ людьми низкаго сословія, причиною этому долженъ быть распространившійся

между ними благородный вкусъ къ изяществу, опрятности, образованнымъ ощущеніямъ, а не мнимый народный порокъ, не всеобщая спѣсь, не безразсудная гордость. Надъ чѣмъ же вы тутъ насмѣхаетесь?.. Куда поровнте свои эпиграммы! Страсть зазнаться!.. Да чтобы, по случаю Петрушки, упрекать цѣлый народъ въ страсти зазнаваться, надо предположить, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго человѣка, и только понапрасну, изъ гордости не узнаетъ въ немъ себѣ равнаго! Но это неправда. Вы систематически унижаете русскихъ людей. Я этого не люблю, и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши зловонныя картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе...

— Вотъ ужъ вы и сердитесь, почтенѣйшій читатель! прерываю я васъ. Вы ученый человѣкъ, а совсѣмъ не понимаете тонкости вещей: зловонныя картины, что-жъ тутъ дурного?.. онѣ необходимы въ „нашей поэмѣ“, для возбужденія „*высокаго, восторженнаго смѣху*“, который достоинъ стоять рядомъ, съ „высокимъ лирическимъ движеніемъ“. Понимаете ли вы, что это значитъ?.. что значитъ *высокій смѣхъ*. Не понимаете?.. Ну, такъ внизъ!.. А этотъ „какой-то особенный воздухъ“, который Петруша разноситъ по всей поэмѣ, именно и есть „высокій смѣхъ“, главный источникъ „высокаго восторженнаго смѣху!“ Это и есть, что мы, въ „нашей“ пѣитикѣ называемъ „*перлъ созданія*“. Мы все это „*возводимъ* въ перлъ созданія“, для вашего умственнаго наслажденія. Между тѣмъ, я продолжаю. Герои *нашей поэмы* познакомился у губернатора со многими изъ окрестныхъ помѣщиковъ, и на другой день отправился къ нимъ съ визитами.

„Едва выѣхалъ онъ за городъ, какъ уже *пошли писать* „по *русскому* обычаю, *чушь* и дичь по обѣимъ сторонамъ до„роги: кочки, ельникъ, низкіе кусты молодыхъ сосенъ, обго„рѣлые пни старыхъ деревьевъ, дикій вересъ, и тому подоб„ный *сборъ*. Въ деревняхъ бабы съ толстыми лицами и пере„вязанными грудями смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ

„пижнихъ глядѣлъ теленокъ или высовывала свою слѣпую „морду свинья, словомъ, виды извѣстные“.

— Это поэзія нашей страны, тихо говорю я почтеннѣйшему читателю: другой у насъ нѣтъ. Понимаете-ли теперь, отчего этотъ разсказъ названъ „поэмой“?...

„Наконецъ пріѣхали въ Маниловку, имѣніе Ивана Ива„новича Манилова. Послѣ взаимнаго излiянія чувствъ, во„шедшій слуга доложилъ, что кушанье готово. Въ столовой „же стояли два мальчика, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, „когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ „стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣж„ливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за *свою* суповую чашку; „гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкой; слуга „завязалъ дѣтямъ на шею салфетки. Оемистоклюсъ! сказалъ „Маниловъ, обращаясь къ старшему. Чичиковъ поднялъ нѣ„сколько бровь, услышавъ такое греческое имя, которому, „не извѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на „юсъ“. „Оемистоклюсъ! скажи мнѣ, какой лучшій городъ во Фран„ціи.—Оемистоклюсъ сказалъ: Парижъ.—Умница душень„ка!... Я его прочу по дипломатической части.—Оемисто„клюсъ! продолжалъ отецъ, снова обращаясь къ нему: „хочешь быть посланникомъ? — Хочу, отвѣчалъ Оемистоклюсъ, жуя хлѣбъ и *болтая* головою направо и налѣво.— „Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику „носъ, и очень хорошо сдѣлалъ: иначе бы капула въ супъ „препорядочная посторонняя капля“...

— Ха, ха, ха! расхохотался я безъ памяти. Ха, ха, ха! какъ это смѣшно! Видите ли, почтеннѣйшій читатель? Слышите ли?... Вотъ это то и есть, „высокій, восторженный смѣхъ, равный высокому лирическому движенію“. Чистая поэзія!... Ха, ха, ха!...

„Вдругъ учитель застучалъ по столу, устремивъ глаза „на сидящихъ напротивъ *его* дѣтей. Это было у мѣста, „потому что Оемистоклюсъ укусилъ за ухо Алкида, и Ал„кидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зары„дать самымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что „за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ

„въ прежнее положеніе, и началъ со слезами грызть ба-„раньюю кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились „жиромъ. Встали изъ-за стола. Маниловъ просилъ гостя въ „свой кабинетъ. Комната была не безъ пріятности. На „столѣ лежали книги и нѣсколько бумагъ, но больше всего „*было* табаку. Онъ *былъ* въ разныхъ видахъ, въ картузахъ „и въ табакѣ*ркѣ*, и наконецъ насыпанъ *былъ* просто кучею „на столъ. На обоихъ окнахъ *тоже* помѣщены *были* горки „выбитой изъ трубки золы, разставленныя не безъ старанія „очень красивыми рядками. Замѣтно *было*, что это иногда „доставляло хозяину препровожденіе времени. — Позвольте „мнѣ васъ попотчивать трубочкой. Нѣтъ, не курю. — „Отчего?—Говорятъ, трубка сушитъ.—Позвольте мнѣ вамъ „замѣтить, что это предубѣжденіе. Въ нашемъ полку былъ „поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, „который не выпускалъ изо рта трубки, не только за сто-„ломъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ „мѣстахъ. И вотъ ему уже сорокъ лѣтъ, но и до сихъ „поръ онъ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше. — Позвольте „мнѣ одну просьбу, сказалъ Чичиковъ: какъ давно вы из-„волили подавать ревизскую сказку?—Да ужъ давно, отвѣ-„чалъ Маниловъ. — *Какъ съ того времени много* у васъ „умерло крестьянъ? — А не могу знать! Объ этомъ, я по-„лагаю, нужно спросить приказчика.—Приказчикъ явился. „Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, *бривши*й бороду, „*хоживши*й въ сюртукѣ, и *по виду тому* проводи*вши*й очень „(с) *покойную жизнь*. Послушай, любезный! спросилъ его „Маниловъ: сколько у насъ умерло крестьянъ, съ тѣхъ „поръ какъ подавали ревизію.—Да какъ сколько!... многія „умерли съ тѣхъ поръ, сказалъ приказчикъ, и при этомъ „икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою на подобіе щит-„ка". По желанію гостя, Маниловъ приказалъ составить имъ списокъ. Чичиковъ вызвался купить у него эти мер-твыя души на чистыя деньги. Можно представить изумле-ніе помѣщика! Онъ никакъ не могъ взять въ толкъ дѣла, „и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ „сильно, что тотъ началъ наконецъ хрипѣть какъ фаготъ.

„Наконецъ онъ предалъ всѣ свои мертвыя ревизскія души „новому другу безъинтересно. Умершія души въ нѣкото-„ромъ родѣ совершенная *дрянь*. —Очень не дрянь, сказалъ „Чичиковъ: если-бы вы знали, какую услугу оказали *сей „повидимому дрянью* человѣку безъ племени и роду! Ма-„ниловъ былъ растроганъ, и Чичиковъ уѣхалъ, сопрово-„ждаемый долго поклонами и маханьями платковъ подни-„мавшихся на цыпочкахъ хозяевъ. Долго стоялъ на крыль-„цѣ Маниловъ, провожая глазами удаля*вшу*юся бричку. „Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ „предметамъ и наконецъ занеслись *Богъ знаетъ* куда. „Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни: мечталъ, „что они съ Чичиковымъ —въ Москвѣ, и пьютъ чай на „открытомъ воздухѣ; что пріѣхали въ прекрасныхъ каре-„тахъ въ какое-то общество, гдѣ обвораживаютъ всѣхъ „пріятностью обращенія; что самое высшее начальство, „узнавши о такой дружбѣ, пожаловало ихъ генерала-„ми; и далѣе наконецъ *чортъ знаетъ* что такое, чего уже „*онъ самъ* (и самъ онъ) разобрать не могъ“.

— У этого поэта, думаетъ здѣсь про себя, какъ я вижу, почтеннѣйшій читатель, есть своя риторика новаго роду: самый сильный эпитетъ у него—*чортъ его знаетъ*: самое подозрительное указаніе—*Богъ его знаетъ*; а когда ужъ хочетъ онъ опредѣлить предметъ съ необыкновенною точностью, то употребляетъ *какой-то*. Мастеръ на слогъ, нечего сказать! Тонко, ясно и вѣжливо. Думайте вы объ этомъ что вамъ угодно, а я смиренно продолжаю чтеніе:

„А Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ „въ своей бричкѣ, кати*вшейся давно* по столбовой дорогѣ. „Селифанъ хлесталъ кнутомъ Засѣдателя, лѣниваго коня, „увѣщевая его:—Ну, ну, что потряхиваешь ушами! Ты, „дуракъ, слушай, коли говорятъ. Я тебя, невѣжа, не ста-„ну дурному учить. Ишь, куда ползетъ. Настала ночь. „Гроза. Темно. Селифанъ затянулъ пѣсню не пѣсню; тутъ „*все* вошло: *всѣ* одобрительные и побудительные крики, ко-„торыми подчиваютъ лошадей по *всей* Россіи, прилагатель-„ныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, какъ что

„первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ дошло до „того, что онъ началъ называть ихъ наконецъ секретарями. „Бричка качалась во всѣ стороны.—Что, мошенникъ, по „какой дорогѣ ты ѣдешь? сказалъ Чичиковъ. „Да что-жъ, „баринъ, дѣлать, время такое, кнута не видишь: такая пога„ма!—Сказавши это, онъ покосилъ бричку такъ, что нако„нецъ выворотилъ ее совершенно на бокъ. Чичиковъ и „руками и ногами *шлепнулся* въ грязь. Долго блуждали они „по полямъ, сбившись съ дороги. Изъдали послышался со„бачій лай. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей „такъ прямо на деревню, что остановился тогда только, „когда бричка ударилась оглоблями въ заборъ. Баринъ со „слугою услышали хриплый бабій голосъ: Кто стучитъ?— „Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать, произнесъ Чичи„ковъ —Время темное, нехорошее время, прибавилъ Сели„фанъ. Молчи, дуракъ, сказалъ Чичиковъ. — Ихъ впусти„ли. Передъ домомъ была лужа, на которую свѣтъ уда„рялъ прямо изъ оконъ. Псы заливались всѣми возможны„ми голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выво„дилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто „за это получалъ *Богъ знаетъ* какое жалованье: другой „хрипѣлъ, какъ хрипитъ нѣмецкій контрабасъ, когда кон„цертъ въ полномъ *разгарѣ*. Это былъ домъ помѣщицы „Коробочки. Хозяйка, пожилая вдова, хорошо приняла не„жданнаго гостя, приказала дѣвкѣ высушить и вычистить „его платье, и пожелала ему спокойной ночи. Прощай, ба„тюшка! „Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, „отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. „Покойникъ мой безъ того никакъ не засыпалъ. — Но „гость отказался. На другой день солнце сквозь окно бли„стало ему прямо въ глаза, и мухи со стѣнъ и съ по„толка, всѣ обратились къ нему. Одна сѣла ему на „губу, другая на ухо, третья норовила какъ-бы усѣсть„ся на самый глазъ: ту же, которая имѣла неосто„рожность подсѣсть близко къ *носовой* поздрѣ, онъ по„тянулъ впросонкахъ въ самый носъ, что заставило его

„крѣпко чихнуть, обстоятельство, бывшее причиною его „пробужденія...

Скажите, по милости, прерываете вы меня, почтенѣйшій читатель: отчего носъ играетъ здѣсь такую безсмѣшную роль? Вся ваша поэма вертится на однихъ носахъ?

— Оттого, отвѣчаю я, какъ глубокомысленный комментаторъ поэмы, что носъ едва-ли не первый источникъ „высокаго, восторженнаго, лирическаго смѣху".

— Я однако жъ не вижу въ немъ ничего смѣшного! возражаете вы мнѣ на это.

Вы не видите!.. но мы видимъ, возражаю я обратно. Согласитесь, что у человѣка этотъ треугольный кусокъ мяса, который торчитъ въ центрѣ его лица, удивительно, восторженно, лирически смѣшенъ. И у насъ это уже доказано, что безъ носа, нельзя сочинить ничего истинно забавнаго. Принявъ возраженіе ваше къ свѣдѣнію, я продолжаю.

„Въ дверь выглянуло женское лицо, и въ ту же мину„ту спряталось, *ибо* Чичиковъ, желая получше заснуть, „скинулъ съ себя совершенно все. Гость надѣлъ рубаху. „Одѣвшись, онъ *подошелъ* къ окну, и чихнулъ опять такъ „громко, что *подошедшій* въ это время къ окну пидѣйскій „пѣтухъ заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на „своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно, желаю здравствовать, „на что Чичиковъ сказалъ ему дурака. Свинья съ семей„ствомъ очутилась тутъ-же, и, разбирая кучу сора, мимо„ходомъ съѣла цыпленка...

— Грязь на грязи! съ отвращеніемъ вскрикиваете вы, мой почтенѣйшій, чистоплотный читатель. — Красота на красотѣ! съ восторгомъ вскрикиваю я, и заглушаю васъ. Какое остроуміе! Сколько поэзіи! Послушайте дальше: „Пришла хозяйка. Чичиковъ нашелъ въ ней грубую, глу„пую и жадную бабу, и спросилъ безъ околичностей, не „продастъ ли она ему своихъ мертвыхъ душъ. Помѣщица „Коробочка очень рада; только она не знаетъ, какая те„перь справочная цѣна на мертвыя души. Чичиковъ пред-

„лагаетъ ей по двадцати-пяти копѣекъ мѣдью. Они начи-
„наютъ торговаться. Коробочка упирается. — *Экъ ее* ду-
„бинно-головая какая! сказалъ про себя Чичиковъ, начи-
„ная выходить изъ терпѣнія: поди ты сладь съ нею? Въ
„потъ бросила проклятая старуха! — Она предлагаетъ ему,
„вмѣсто этого небывалаго товару, лучше купить у нея
„пеньку. Гость, человѣкъ свѣтскій, вышелъ изъ границъ
„всякаго терпѣнія, *сыпалъ* стуломъ *объ* полъ и посулилъ
„ей чорта. Чорта помѣщица испугалась и согласилась усту-
„пить по тридцати по двѣ копѣйки за душу. Написали
„условіе. Чичиковъ далъ ей пятнадцать рублей ассигна-
„ціями. Коробочка хотѣла еще продать ему свиное сало. —
„А вотъ бричка! вотъ бричка! вскричалъ Чичиковъ. Что
„ты, болванъ, такъ долго копался? — Помѣщица дала сво-
„ему гостю въ провожатые до столбовой дороги дѣвчонку
„лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины,
„съ босыми ногами, которыя издали можно было принять
„за сапоги: такъ они были облѣплены свѣжею грязью. Чи-
„чиковъ занесъ ногу на ступеньку и, понагнувши бричку
„на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, нако-
„нецъ помѣстился, сказавши: А! теперь хорошо! Про-
„щайте матушка! — Кони тронулись. Но зачѣмъ такъ долго
„заниматься Коробочкой? Коробочка-ли, Маниловъ-ли, хо-
„зяйственная жизнь или нехозяйственная — мимо ихъ! Но
„то на свѣтѣ дивно устроено: веселье мигомъ обратится
„въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ,
„и тогда *Богъ знаетъ* что *забредетъ* въ голову. (Да гдѣ
„же тутъ веселье? спрашиваете вы: я — еще ни разу не
„улыбнулся!) Можетъ быть, станешь даже думать: да
„полно, точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее
„отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристо-
„кратическаго дома съ благовонными *чугунными* лѣстницами
„(ужъ хоть бы по крайней мѣрѣ мраморными! думаете вы
„про себя) *сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами*
„(самы, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами)
„*зѣвающей* за недочитанной книгой въ ожиданіи остроумно-
„свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ,

„и высказать вытвержденныя мысли, *занимающія* по зако-„намъ моды на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, „что дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутан-„ныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйствен-„наго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ го-„товится во Франціи, какое направленіе принялъ модный „католицизмъ. Но мимо, мимо! зачѣмъ говорить объ этомъ? „Но зачѣмъ же, среди *недумающихъ, веселыхъ*, безпечныхъ „минутъ, сама собою вдругъ пронесется *иная чудная струя:* „еще *слезы* не успѣли совершенно сбѣжать съ лица, а уже „*стали другими* (смѣхомъ) среди тѣхъ же людей, и уже „другимъ *свѣтомъ освѣтилось* лицо...

— О глубокій философъ!.. съ удивленіемъ восклицаю я, упадая на колѣни передъ первымъ изъ современныхъ поэтовъ: витія и философъ! Ужъ когда нашъ новый Гомеръ попадетъ на *иную чудную струю* и станетъ ораторствовать, то *забредетъ* прямехонько *чортъ знаетъ* куда: отъ Коробочки на „чугунную благовонную лѣстницу аристократической дамы, пѣжной, образованной, умной, сіяющей мѣдью, крас-нымъ деревомъ и коврами!.. Я совершенно согласенъ съ новымъ Гомеромъ-философомъ: въ самомъ дѣлѣ, между этою воздушною женщиною и грубою, глупою Коробочкою нѣтъ никакого разстоянія на лѣстницѣ человѣческаго совер-шенствованія.

„Чичиковъ наконецъ доѣхалъ до столбовой дороги и оста-„новился у трактира, въ которомъ висѣли пучкомъ души-„стыя травы и гвоздики у образовъ, высохшія до такой „степени, что *желавшій* понюхать изъ только чихалъ *и больше „ничего*. Онъ встрѣтился здѣсь съ помѣщикомъ Ноздревымъ, „съ которымъ недавно познакомился у прокурора. Ноздревъ „проигралъ на ярмаркѣ все, деньги, платье и лошадей, и „ѣхалъ домой въ засаленномъ архалухѣ и въ бричкѣ своего „зятя. Ба, ба, ба! воскликнулъ онъ вдругъ, разставивъ объ „руки при видѣ Чичикова. Какими судьбами? А я, братъ, „съ ярмарки. Поздравь: продулся въ пухъ. Вѣришь ли, „что никогда въ жизни такъ не продувался? Эхъ, братецъ, „какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь... чортъ

„возьми!... то есть, какъ жаль, что ты не былъ! Какого „вина отпустилъ намъ Пономаревъ! Нужно тебѣ знать, что „онъ мошенникъ, и въ его лавкѣ ничего нельзя брать: въ „вино мѣшаетъ всякую дрянь, сапаль, жженую пробку, „и даже бузиной подлецъ затираетъ. Эхъ, Чичиковъ, ну, „*что* бы тебѣ стоило пріѣхать! Право, свинтусъ ты за это, „скотоводъ этакой! Поцѣлуй меня, душа: смерть люблю „тебя!.. Въ форшку кутнулъ тоже, выигралъ двѣ банки „помады, потомъ еще разъ поставилъ и пропустилъ, ка„нальство, шесть пѣлковыхъ. А какой, если бы ты зналъ, „волокита поручикъ Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были на „всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши „да трюши, и *чортъ знаетъ*, чего не было... Я думаю себѣ „только: чертъ возьми!... А Кувшинниковъ, то есть, это „такая бестія, подѣлъ къ ней и на французскомъ языкѣ „подпускаетъ комплименты... Повѣришь ли, простыхъ бабъ „не пропуститъ. Это онъ называетъ попользоваться насчетъ „клубнички. Ты куда теперь ѣдешь? — Къ Собакевичу. — Здѣсь „Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ „*заливаются* только *совсѣмъ* здоровый человѣкъ, у котораго „всѣ до послѣдняго выкалываются бѣлые какъ сахаръ „зубы, дрожатъ и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя две„рями, въ третьей комнатѣ вскипывается со сна, *выпари„ваетъ очи* и *проклинаетъ: Экъ его разобрало!*

— Какая сила выраженія! говорю я въ восторгѣ: какая прелесть слогу!

„Ноздревъ, смѣясь, говорилъ: Да вѣдь ты жизни не бу„дешь радъ, когда пріѣдешь къ Собакевичу! Это, просто, „жидоморъ. Вѣдь я знаю твой характеръ; ты жестоко опѣ„шишься, если думаешь найти тамъ банчишку или добрую „бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братецъ: „ну, къ чорту Собакевича! поѣдемъ ко мнѣ. Какимъ балы„комъ попотчую! Пономаревъ бестія такъ раскланивался, „говоритъ, для васъ только всю ярмарку, говоритъ, обы„щите, не найдете такого: плутъ однако жъ ужасный. „Я ему въ глаза говорилъ. Вы, говорю, съ нашимъ откуп„щикомъ первые мошенники. Смѣется бестія, поглаживая

„бороду. Въ театрѣ одна актриса такъ канальи пѣла какъ „канарейка, Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня, „вотъ, говоритъ, братъ, попользоваться бы насчетъ клубнички!—Порфирій, слуга Поздрева, одѣтый какъ и баринъ „въ *какомъ-то* архалухѣ, но еще *позамаслянномъ*, внесъ „щенка въ комнату.—Давай его, клади сюда на полъ!—Ты „однако жъ не сдѣлалъ того, что я тебѣ говорилъ, сказалъ „Поздревъ, обратившись къ Порфирію и разсматривая тщательно брюхо щенка: и не подумалъ вычесать его!—Нѣтъ, „я его вычесывалъ.—А отчего же блохи?—Не могу знать. „Статься-можетъ, какъ-нибудь изъ брички поналѣзли. — „Врешь, врешь! и не воображалъ чесать, я думаю, дуракъ, „еще своихъ напустилъ. Вотъ, посмотри, Чичиковъ! какія „уши: на, пощупай рукою. Такихъ людей какъ Поздревъ „приходилось всякому встрѣчать не мало. Въ его лицѣ „видно было что-то открытое, прямое, удалое. Въ картишки „онъ игралъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зналъ много „передержекъ и другихъ тонкостей, и весьма часто оканчивалъ игру тѣмъ, что его покалачивали сапогами, или „же задавали передержку его густымъ бакенбардамъ, такъ „что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой, и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя „щеки его такъ хорошо были сотворены, и вмѣщали въ „себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро „выростали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что всего „страшнѣе, что можетъ *только на одной Руси* случиться, „онъ чрезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ „тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался какъ „ни въ чемъ не бывало, и онъ, какъ говорится, ничего, и „они ничего!.. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не „обходилось безъ исторіи: или выведутъ его подъ руки „жандармы, или вытолкаютъ свои пріятели, или онъ нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, „или провретъся самымъ жестокимъ образомъ, такъ что наконецъ самому сдѣлается совѣстно. И навретъ совершенно „безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была „лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и *тому*

„*любопытно читать*, такъ что слушающіе наконецъ *всѣ от-*„*ходятъ*, *произнесши*: Ну, братъ, ты кажется ужъ началъ „пули лить! Есть люди, имѣющіе страстишку *нагадить* „ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, на-„примѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною на-„ружностію, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, „разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызываю-„щихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же, „предъ вашими глазами и *нагадитъ* вамъ. И *нагадитъ* такъ, „какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, „какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о „предметахъ, вызывающихъ на размышленіе; такъ что „стоишь только да дивишься, пожимая плечами, *да и ничего „больше*. Такую же страшную страсть имѣлъ и Ноздревъ. „Онъ распускалъ небылицы, выдумывалъ глупыя исторіи, „разстраивалъ ваши дѣла, и, не почитая себя вашимъ не-„пріятелемъ, въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать „куда угодно, хоть на край свѣта, войти въ какое хотите „предпріятіе, мѣнять все, что ни есть, на все, что хотите. „Ружье, собака, лошадь—все было предметомъ мѣны, но „вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть: это происходило „просто отъ *какой-то* неугомонной *рѣзвости* и бойкости „характера. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. „Онъ вездѣ между нами, и, можетъ быть, только ходитъ „въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны „люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ дру-„гимъ человѣкомъ“.

— Такъ это у васъ русскій типъ? съ изумленіемъ спрашиваете вы меня.—Такъ точно-съ, отвѣчаю я, снявъ шляпу и кланяясь вамъ. „Въ нашей поэмѣ всѣ типы. Поздравляю, прошептали вы. И какъ-будто не слышу этого и продолжаю читать.

„Ноздревъ увезъ зятя и Чичикова въ свое помѣстье. „Тамъ онъ сперва повелъ ихъ *обсматривать* хозяйство, „потомъ пригласилъ обѣдать. Поваръ Ноздрева руковод-„ствовался болѣе какимъ-то вдохновеніемъ и клалъ въ „блюдо первое что попадалось подъ руку: стоялъ-ли возлѣ

„него перецъ, онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попалась, „онъ совалъ капусту, *пичкалъ* молоко, ветчину, горохъ; „словомъ, *катай-валяй:* было-бы горячо, а вкусъ какой-„нибудь выйдетъ. Мадера горѣла во рту, потому что купцы, „зная вкусъ помѣщиковъ, заправляли ее безпощадно ро-„момъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ на-„деждѣ, что все вынесутъ *русскіе* желудки. Зять уже на-„грузился вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно *клевался* „носомъ. Замѣтивъ самъ, что находи*лся* не въ надежномъ „состояніи, онъ сталъ отпрашиваться домой къ женѣ.— „И ни, ни! не пущу! отвѣчалъ Ноздревъ. Пусть его ѣдетъ, „что въ немъ проку, сказалъ тихо Чичиковъ. А и вправ-„ду! сказалъ Ноздревъ. Смерть не люблю такихъ ростепе-„лей. Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться съ женою. „Ѳетюкъ! — Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня Ѳетюкомъ! „отвѣчалъ зять. Такая, право, добрая, милая жена! такія „ласки оказываетъ! до слезъ разбираетъ! Спроситъ, что ви-„дѣлъ на ярмаркѣ. Нужно все разсказать. Такая право доб-„рая! — Зять уѣхалъ. — Такая дрянь! говорилъ Ноздревъ, „глядя въ окно на уѣзжающій экипажъ. Конекъ пристяжной „не дуренъ, я давно хотѣлъ подцѣпить его. Да съ нимъ „никакъ нельзя сойти*ться*. Ѳетюкъ! просто Ѳетюкъ! Отдѣ-„лавшись отъ лишняго свидѣтеля въ лицѣ этого зятя, Чи-„чиковъ предложилъ Ноздреву продать ему свои мертвыя „души.—Продать! вскричалъ Ноздревъ: да вѣдь я тебя знаю; „вѣдь ты подлецъ, ты дорого не дашь за нихъ!—Эхъ, да и „ты вѣдь тоже хорошъ! сказалъ Чичиковъ: что они у тебя, „брилліантовыя, что ли?—Да вѣдь я знаю тебя, продолжалъ „Ноздревъ, ты большой мошенникъ! Ну, послушай, чтобъ „доказать тебѣ, что я не какой-нибудь скалдырникъ, я не „возьму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца: я тебѣ дамъ „ихъ въ придачу. Я за него заплатилъ десять тысячъ, а „тебѣ отдаю за четыре. Помилуй, на что же мнѣ жере-„бецъ! сказалъ Чичиковъ, изумленный такимъ предложе-„ніемъ.—Ну, такъ купи собакъ! купи у меня шарманку! „Да что я, дуракъ что ли, пріобрѣтать вещи рѣшительно „для меня ненужныя? — Ну, ужъ пожалуйста, не говори:

„теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалія! „Ну, послушай: хочешь, метнемъ банчикъ? Я поставлю „всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже.—Чичиковъ не „рѣшился. Карты, бывшія въ рукахъ Ноздрева, показа„лись покупщику мертвыхъ душъ искусственными, и самый „крапъ глядѣлъ весьма подозрительно. Порфирій принесъ „бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть „такъ и пить.— „Дрянь же ты! сказалъ хозяинъ. Что жь „дѣлать! такимъ Богъ создалъ! Отпокъ, просто! Я думалъ „было прежде, что ты порядочный человѣкъ, а ты ника„кого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя „говорить какъ съ человѣкомъ близкимъ, никакого прямо„душія, никакой искренности! совершенный Собакевичъ, по„лецъ такой!—За что же меня бранить? Продай мнѣ душъ „онѣхъ. — Черта лысаго получишь! Хоть три царства да„вай, не отдамъ. Такой пильникъ, печникъ гадкій! Съ „этихъ поръ съ тобою никакого дѣла не хочу имѣть. Пор„фирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давалъ овса ло„шадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно. Отпокъ, да и „только!...“

— Скажите, пожалуйста, спрашиваете вы меня: что это значитъ, Отпокъ?... какое это слово?... Я затрудняюсь въ отвѣтѣ... я запинаюсь... я краснѣю... какъ-бишь вамъ объяснить это страшное слово? Ну да оно прекрасно объяснено въ выноскѣ въ „нашей полмѣ“. Я закрываю лицо книгой, и продолжаю: „Чичиковъ долженъ былъ провести „ночь у Ноздрева, продолжалъ разсказчикъ. Какія-то на„сѣкомыя кусали его всю ночь нестерпимо больно, такъ „что онъ всей горстью скребъ по уязвленному мѣсту, „приговаривая: — А чтобъ васъ чертъ побралъ вмѣстѣ съ „Ноздревымъ!—Хозяинъ спалъ не лучше гостя. На другой „день поутру вышелъ къ нему, ничего не имѣя у себя „подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла „*какая-то* борода. - Такая мерзость лѣзла всю ночь, что „грустно разсказывать, говорилъ Ноздревъ, и во рту точно „эскадронъ переночевалъ! — Они снова заговорили о про„дажѣ мертвыхъ душъ. Ноздревъ продать не хотѣлъ: это

„было-бы не порядочьски. Онъ не хотѣлъ снимать плевы „съ *чорта знаетъ* чего. Въ банчикъ другое дѣло! Но „Чичиковъ не рѣшался съ нимъ въ карты. Поздревъ пред„ложилъ въ шашки, и тотъ согласился. Сѣли играть. Хо„зяинъ рукавомъ двигалъ по двѣ шашки впередъ. Гость „примѣтилъ это, смѣшалъ игру и отказался отъ партіи. „Хозяинъ всталъ и бросился бить своего гостя.—Порфирій! „Павлушка! закричалъ онъ въ бѣшенствѣ. Гость хотѣлъ бѣ„жать изъ камнаты, но въ дверяхъ уже стояли два рожихъ „крѣпостныхъ *дурака*.—А! ты не хочешь оканчивать пар„тіи, подлецъ! бейте его! кричалъ Поздревъ вступленно „Порфирію и Павлушкѣ, и самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ. Чичиковъ находился въ величайшей опас„ности, но былъ неожиданно спасенъ пріѣздомъ капитана„исправника: хозяинъ, по счастію, по впрочемъ несправедливо, „былъ замѣшанъ въ исторіи по случаю нанесенія помѣ„щику Максимову личной обиды розгами въ пьяномъ видѣ."

— Этотъ типъ честности и гостепріимства *вездѣ между нами*, говорите вы? сердито замѣчаетъ мнѣ почтенѣйшій читатель.—Это говорю не я, а поэма, смиренно возражаю я. Отсюда Чичиковъ поѣхалъ къ Собакевичу и „къ заплатанному..." „Сильно выражается русскій народъ!..." то-есть, къ Плюшкину, богатымъ помѣщикамъ, которые живутъ точно такъ-же, какъ и эти господа, и еще хуже. Плюшкинъ, нечистый скряга, съ удовольствіемъ отдалъ безденежно всѣ свои мертвыя души Чичикову, чтобы только не платить за нихъ податей. Собакевичъ, напротивъ, хотѣлъ содрать съ него по сту рублей за душу, но, наконецъ, послѣ долгаго и упорнаго торгу, отдалъ по два съ полтиною. „Чичиковъ долженъ былъ оставить ему десять, „пятнадцать, итого двадцать пять рублей задатку.—Ну, „такъ и быть, вотъ вамъ двадцать пять рублей. Пожа„луйте только расписку. На что жъ вамъ расписка?—Вы „знаете, все-таки лучше. Не ровенъ часъ, все можетъ „случиться. Хорошо, давайте же сюда деньги. Вотъ онѣ „у меня въ рукѣ. Какъ только напишите расписку, въ „эту же минуту возьмите деньги.—Да позвольте, какъ же

„писать расписку?... надо видѣть деньги!—Чичиковъ вы-„пустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который при-„близившись къ столу, накрылъ ихъ пальцами лѣвой руки, „а правою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ, „двадцать пять рублей государственными ассигнаціями по-„лученъ сполна. Написавъ расписку, онъ пересмотрѣлъ „еще разъ ассигнаціи. — Бумажка-то старенькая! произ-„несъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ передъ свѣтомъ, „немножко разорвана!...

— Фуи, фуи! кричите вы, я слышу, съ ужаснымъ негодованіемъ. Какіе люди! Какія понятія! И это, по вашему, картина нравовъ и характеровъ Россіи, поэма изъ русской жизни, цвѣтки ея поэзіи?

Все типы, все копіи съ натуры, все созданія по словамъ „нашей поэмы“, почтеннѣйшій читатель! важно отвѣчаю я. Вы, разумѣется, этого не понимаете. Писать съ натуры—великое искусство! Послушайте сознанія самого поэта.

„Счастливъ писатель, который мимо характеровъ скуч-„ныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣй-„ствительностью, приближается къ характерамъ, являю-„щимъ высокое достоинство человѣка, который изъ великаго „омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни „немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу воз-„вышеннаго строя своей лиры, не *ни*спускался съ вершины „своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ, и, „не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторг-„нутые отъ нее и возвеличенные образы. Вдвойнѣ зави-„денъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ какъ въ родной „семьѣ, а между тѣмъ далеко и громко разносится его „слава.

„Онъ *окурилъ* упоительнымъ *куревомъ* людскія очи; онъ „чудно польстилъ имъ, *со*крывъ печальное въ жизни, по-„казавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, не-„сется за нимъ, и мчится вслѣдъ за торжественной его „колесницей. Великимъ, всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, „парящимъ высоко надъ всѣми *другими* геніями міра, какъ

„парить орелъ надъ *другими* высоколетающими. При одномъ „имени его, уже *обольщаются* трепетомъ молодыя пылкія „сердца, отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ *очахъ*. „Нѣтъ равнаго ему въ силѣ! Но не таковъ удѣлъ, и дру„гая судьба писателя, *дерзнувшаго* вызвать наружу все, „что ежеминутно предъ очами, и чего не *зрятъ* равнодуш„ныя очи, всю страшную потрясающую *тину* мелочей, „опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раз„дробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми ки„шитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и „*крѣпкую силою нерукотворнаго рѣзца, дерзнувшаго* выставить „ихъ *выпукло и ярко* на всенародныя *очи!* Ему не собрать „народныхъ рукоплесканій, ему не *зрѣть* признательныхъ „слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ: „къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцати-лѣтняя дѣ„вушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлече„ніемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяніи имъ же „исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ „современнаго суда, *лицемѣрно безстыдственнаго современ„наго суда*, который назоветъ ничтожными и низкими *имъ „созданья*, отведетъ ему *презрѣнный уголъ* въ „*ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество* (Vous l'avez voulu, Georges Dandin!—невольное восклицаніе почтенѣй„шаго читателя), придастъ ему качества имъ же изобра„женныхъ героевъ, отниметъ отъ него, и сердце, и душу, „и божественное пламя таланта. *Ибо* не признаетъ *совре„менный* судъ, что равно чудны стекла, и *озаряющія* соли„це, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; „*ибо не признаетъ современный судъ*, что много нужно „глубины душевной, *дабы* озарить картину, взятую изъ „презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія, *ибо* „не признаетъ современный судъ, что *высокій, восторжен„ный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ* лириче„скимъ движеніемъ (тутъ я почтенѣйшаго читателя толкаю „локтемъ:—Слышите ли? слышите?.. — и что я говорилъ), „и что цѣлая пропасть между нимъ, [illegible] „и кривляньемъ балаганнаго скомороха! (Пропасть въ по-

ПРИКАЗЧИЧЬЯГО КЛУБА.

„тора дюйма ширины!—восклицаніе почтеннѣйшаго читате-„ля) Не признаетъ *его* современный судъ, и все обратитъ „въ упреки и поношенье *непризнанному* писателю; безъ „раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный „путникъ останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его „поприще и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

„И долго еще опредѣлено мнѣ *чудной властью* итти объ-„руку съ моими странными героями, озирать всю *громадно-„несущуюся* жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ „и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то вре-„мя, когда инымъ *ключомъ грозная сьюга вдохновенья* поды-„мется изъ *облеченной въ святый ужасъ и въ блестанье „главы*, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ „другихъ рѣчей... Въ дорогу! въ дорогу! прочь набѣжавшая „на *чело* морщина и строгій сумракъ лица! Разомъ и вдругъ „окунемся въ *жизнь* со всей ея *беззвучной* трескотней и „бубенчиками, и посмотримъ что дѣлаетъ *Чичиковъ*.

— Бѣдный писатель! говорите вы съ печальнымъ вздохомъ.

Онъ Чичикова принимаетъ за *жизнь!* Онъ *лелѣетъ* такія *созданія!* О, *беззвучная трескотня!* Бѣдный!... тысячу разъ бѣдный!.. Чѣмъ это окончится!.. О, тщеславіе! о, самолюбіе!.. Неужели же эту дѣтскую риторику вы принимаете за мысли? спрашиваете вы меня.

Да! Во мнѣ эта беззвучно-трескотная тирада производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. Я восклицаю съ торжественною важностію: Да! это, рѣшительно, первый современный поэтъ! эта поэма, рѣшительно, самое глубокомысленное его твореніе! Какая сила мысли!.. Но я не стану утомлять васъ, почтеннѣйшій читатель, дальнѣйшими подробностями знаменитой поэмы нашего знаменитаго поэта. Долго еще описываетъ онъ подобныя похожденія своего героя, все тѣмъ же чудеснымъ слогомъ, тѣмъ же образованнымъ языкомъ, отъ котораго, какъ вы изволите говорить, надо заткнуть уши и—*больше ничего!* и однажды до того забывается въ своихъ вдохновеніяхъ, что самъ вскрикиваетъ. „Виноватъ! кажется изъ устъ нашего героя изле-

„тѣло словно, поднѣченное на улицѣ. Что жъ дѣлать? та-„ково на Руси похожденіе писателя. Впрочемъ, если слово „изъ улицы попало въ поэму, не поэтъ виноватъ, виноваты „читатели, и прежде всего читатели высшаго общества: отъ „нихъ первыхъ не услышишь ни одного *порядочнаго* рус-„скаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими „они, пожалуй надѣлятъ въ такомъ количествѣ, *что и не „захочешь*, и надѣлятъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ воз-„можныхъ произношеній, по-французски въ носъ картавя, „по англійски произнесутъ, *какъ слѣдуетъ птицѣ*, и даже „физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ „тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи; а вотъ „только русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ, развѣ изъ патріо-„тизма выстроятъ для себя на дачѣ избу въ русскомъ вку-„сѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними „и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между „тѣмъ какая взыскательность, хотятъ, непремѣнно, чтобы „все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ „и благороднымъ; словомъ, хотятъ, чтобы русскій языкъ „самъ собою спустился вдругъ съ облаковъ, обработанный „какъ слѣдуетъ, и *сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а мы „бы больше ничего, какъ только разинуть рты, да выста-„вить его*“.

Послѣ этого вы рѣшительно объявляете мнѣ, что не хо-тите больше слушать „*нашей* поэмы“. Вы утверждаете, что это просто ужасть, *больше ничего*. Вы доказываете, что для писателя, съ истиннымъ и прекраснымъ дарова-ніемъ, такія грубости—неизгладимое пятно, *больше ничего*. Вы говорите, что, сколько вамъ извѣстно, въ Россіи су-ществуютъ многія книги, писанныя языкомъ изящнымъ, благороднымъ, очищеннымъ: слѣдовательно, если такой пи-сатель не умѣетъ выражаться такъ же вѣжливо и опрятно, какъ выражались другіе, то вина этого не Русскіе и не ихъ языкъ, а то, что онъ безвкусникъ, *больше ничего*. И я, право, не знаю, что отвѣчать вамъ. Въ короткихъ сло-вахъ опишу вамъ остальныя похожденія нашего героя: вы, можетъ быть, еще перемѣните свое невыгодное мнѣніе.

Чичиковъ, накупивъ до четырехъ сотъ несуществующихъ душъ у разныхъ помѣщиковъ, возвращается въ городъ, изъ котораго выѣхалъ. Тутъ объ немъ вдругъ пролетаетъ молва, будто онъ богатъ, и въ городѣ начинается страшная суматоха, точное повтореніе той, какую вы видѣли въ нѣкоторой комедіи подъ заглавіемъ „Ревизоръ“. Какъ Хлестаковъ у всѣхъ и каждаго занимаетъ деньги, даже по двугривенному, такъ Чичиковъ ко всѣмъ и каждому ѣздилъ обѣдать и покупать послѣ обѣда мертвыя души. Для довершенія сходства, у него есть и слуга, такой же, какъ у Хлестакова, съ тою только разницею, что слуга Чичикова, какъ вы сами видѣли, еще грязнѣе: но вы не видали даже и десятой части той, какъ вы называете, тошноты, которую онъ всегда наводитъ своимъ появленіемъ. За Чичиковымъ начинаютъ ухаживать: городъ и предмѣстья хотятъ выйти за него замужъ; онъ производитъ впечатлѣнія, несмотря на свой брусничковый фракъ. Вотъ у губернатора балъ. Чичиковъ — въ числѣ приглашенныхъ; губернскія дамы вѣшаются къ нему на шею: одна изъ нихъ, еще за нѣсколько дней до бала, прислала ему любовное письмецо, и онъ старается угадать которая. Между тѣмъ въ числѣ гостей находился и Ноздревъ: какъ вы думаете, почтенѣйшій читатель, что онъ тамъ дѣлаетъ?.. онъ садится на полъ и ловитъ за ноги танцующихъ дамъ... у губернатора! Вотъ поэзія! Вотъ изобрѣтеніе! Выше этого я ничего не знаю въ чудесахъ общественной жизни, облеченныхъ въ „перлъ лелѣяннаго *созданія*“. Наконецъ, въ городѣ узнали, что Чичиковъ скупаетъ мертвыя души. Коробочка прискакала изъ деревни, справиться въ городѣ, по чемъ ходятъ мертвыя души, и не обманулъ ли ея Чичиковъ. Начались толки. Герой замѣтилъ опасность своего положенія, и уѣхалъ какъ „Ревизоръ“. Тѣмъ оканчивается первая часть поэмы. — А знаете ли остальное? спрашиваете вы меня. — Не знаю, почтенѣйшій читатель! смиренно отвѣчаю я. Откуда мнѣ знать будущее! Да и какъ можно угадать полетъ генія!

Такъ я вамъ скажу. Чичиковъ, во второй части, потребуетъ выдачи себѣ своей покупки отъ тѣхъ, которые

продали ему мертвыя души, не упомянувъ въ купчихъ о томъ, что онѣ уже умерли. Онъ заведетъ съ ними процессъ, возметъ съ нихъ по двѣ тысячи рублей за каждую душу, или заставитъ ихъ выдать себѣ взамѣнъ четыреста живыхъ и здоровыхъ крестьянъ. Анекдотъ старый и всѣмъ извѣстный. Вся разница между нимъ и вашей поэмой та, что, по словамъ анекдота, эта продѣлка случилась съ однимъ только помѣщикомъ, тупымъ и недальновиднымъ человѣкомъ, который, будто бы, въ нетрезвомъ видѣ, позволилъ кому-то обмануть себя такъ грубо и несбыточно, а здѣсь, въ вашей поэмѣ, герои находятъ цѣлую дюжину такихъ непостижимыхъ глупцовъ, и съ каждымъ повторяетъ одну и ту же продѣлку до утомленія.—Но согласитесь, почтеннѣйшій читатель, говорю я: что, несмотря на всѣ ваши замѣчанія, которыя, можетъ быть, и основательны, это удивительная поэма, поэма, названная поэмой *совсѣмъ не для шутки*, первая поэма въ мірѣ! Вы не читали визита Чичикова къ Собакевичу и Плюшкину. Чудо, какъ это остроумно и смѣлно! Настоящій лирическій смѣхъ! Поэма въ полномъ смыслѣ слова!

— Я соглашусь, говорите вы мнѣ, не прежде какъ услышавъ ваши отвѣты на вопросы, которые намѣренъ я предложить вамъ. Я хочу разсуждать съ вашимъ необдуманнымъ или поддѣльнымъ восторгомъ сократически. Читали-ль вы „творенія" Поль-де-Кока? — Имѣлъ честь. – Какіе сюжеты служатъ имъ основаніемъ? — Сюжеты того же роду, какъ и сюжетъ нашей великой поэмы, какъ, вообще, сюжеты „твореній" нашего полета.—Какіе герои дѣйствуютъ у Поль-де-Кока? —Такіе же, какъ и у величайшаго изъ современныхъ поэтовъ.—Такіе же грязные, хотите вы сказать. Но не такіе сплошные плуты и глупцы. Не правда ли?— Не смѣю вамъ противорѣчить, почтеннѣйшій читатель. Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ герои Поль-де-Кока только смѣшные оригиналы: они, вообще, добряки, честные и чувствительные.

— И, слѣдовательно, болѣе занимательные, чѣмъ это скопище отъявленныхъ глупцовъ и плутовъ. Такъ ли? –

Согласенъ. Они сверхъ того очень разнообразны. Приключенія ихъ всегда натуральны и почти всегда замысловаты. Многіе женскіе характеры чрезвычайно милы и трогательны. Нерѣдко добродѣтель сіяетъ какъ алмазъ въ этой кучѣ всякаго сору. При всей испорченности воображенія, при всей неблагопристойности сценъ, направленіе романа у Поль-де-Кока большею частью бываетъ нравственное. Въ его твореніяхъ вообще много сильнаго интересу. Въ твореніяхъ же вашего поэта вы не покажете мнѣ ничего подобнаго: они состоятъ изъ набору каррикатуръ и гротесковъ, часто набросанныхъ съ большимъ юморомъ, но безъ связи между собою и безъ интересу для читателя.— Согласенъ. Что правда, то правда!— Но только, къ сожалѣнію, все, что движется у Поль-де-Кока, говоритъ точно такимъ же языкомъ, какъ герои вашей поэмы. — О! на это я никакъ не согласенъ. У Поль-де-Кока герои обыкновенно изъясняются одною только начальною буквою слова, послѣ которой они ставятъ десятокъ точекъ. У нашего поэта, напротивъ, всѣ дѣйствующія лица говорятъ и бранятся полною прописью, не выпуская ни одной буквы, и еще съ примѣчаніями внизу страницы. Это гораздо яснѣе!— Положимъ, что это составляетъ особенное и неоспоримое преимущество вашего поэта. Теперь позвольте спросить васъ объ одномъ весьма важномъ въ словесности предметѣ: какимъ слогомъ писаны творенія Поль-де-Кока относительно къ французскому языку?

Ужаснымъ. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! — Думаете ли вы, что слогъ твореній Поль-де-Кока ужаснѣе въ отношеніи къ французскому языку, чѣмъ слогъ этой поэмы въ отношеніи къ русскому? — Нѣтъ, не думаю. Я полагаю, что отношенія ихъ равны.

— Такъ скажите же мнѣ теперь, почему Поль-де-Кокъ при равной съ вашимъ авторомъ мѣрѣ неопрятности и безвкусія, но обладая удачнѣйшимъ изобрѣтеніемъ, сильнѣйшимъ интересомъ и, вообще, большимъ талантомъ, никогда не вздумалъ называть своихъ нечистоплотныхъ твореній

поэмами? Почему никогда не пускается онъ въ эти смѣшныя риторическія тирады о своемъ литературномъ величіи?

— О! это совсѣмъ другой вопросъ, почтеннѣйшій читатель! Поль-де-Кокъ живетъ въ старинной, огромной и опытной литературѣ, видитъ все ничтожество дѣлъ текучей словесности, всю суетность славы, добываемой второстепенными талантами, трудящимися въ „низкомъ и ничтожномъ родѣ“, и онъ знаетъ свое мѣсто въ чинѣ писателей. Да ему и нельзя не знать своего мѣста, потому что это мѣсто всѣ знаютъ. Тутъ ужъ ни себя ни другихъ не увѣришь, что, написавъ поль-де-коковскій романъ поль-де-коковскою прозою, вы написали „поэму“, и заняли мѣсто между Гомеромъ и лордомъ Байрономъ. Въ литературѣ, обладающей опытностію, это невозможно. Въ молодой и неопытной — дѣло другое.

— Вы, кажется, хотите сказать этимъ, что въ молодой и неопытной литературѣ всякій бредъ напыщеннаго тщеславія имѣетъ себѣ полный просторъ, и нѣтъ такой нелѣпости, въ которой бы, съ помощью смѣлости, нельзя было увѣрить меня, благосклоннаго читателя?—Нѣтъ, этого я не говорю. Какъ можно!.. сохрани Господи! Слѣдовательно, вы полагаете, что въ нашей начинающей литературѣ даже и такой писатель какъ Поль-де-Кокъ, но еще съ меньшею долею таланта, можетъ безъ зазрѣнія совѣсти провозгласить себя *поэтомъ?* что даже и такой романъ, какъ поль-де-коковскій имѣетъ полное право прослыть у насъ *поэмою?* Вы, рѣшительно, это полагаете! — Неужели я такъ полагаю?—Да!.. это неизбѣжно! — Вотъ этого я никакъ не думалъ! Но если я такъ полагаю, то позвольте мнѣ замѣтить, что вы слишкомъ унижаете родъ и творенія Поль-де-Кока. Правда, онъ романовъ своихъ не называетъ *поэмами*, но чѣмъ же они не поэмы! Кто запретитъ намъ назвать ихъ поэмами? Я говорю, что всѣ романы Поль-де-Кока — чудесныя поэмы, совершенно такія же поэмы, какъ „*наша* поэма“, и вы не увѣрите меня въ противномъ всею вашей діалектикой.

— О! если вы съ этой стороны смотрите на вещи, отвѣ-

часте вы мнѣ въ замѣшательствѣ: то мы очень скоро согласимся съ вами. Назовемъ Иліаду романомъ Поль-де-Кока, а „Жана“ поэмою Гомера, и весь споръ рѣшится. Скажу вамъ болѣе: романы Поль-де-Кока, какъ книги, стоятъ выше всѣхъ возможныхъ поэмъ. Посмотрите, съ какою жадностью пожираютъ эту литературную нечистоту всѣ классы читателей! какимъ лирическимъ смѣхомъ сопровождается это чтеніе въ кухняхъ и передняхъ! какое любопытство возбуждаютъ эти соблазнительныя сцены въ молодой скромной женщинѣ и въ старомъ незастѣнчивомъ философѣ! Отъ мелочной лавки до ученаго кабинета, отъ лакейской до будуара, поискавъ хорошенько, вездѣ найдете творенія Поль-де-Кока, вездѣ ихъ ждутъ, читаютъ, хоть и прячутся съ ними. „Похожденіямъ Чичикова“ я предсказываю такой же успѣхъ. Объ нихъ явно будутъ говорить съ гнѣвомъ, но между тѣмъ будутъ читать ихъ съ тайнымъ наслажденіемъ. Я не исключаю и себя изъ числа такихъ читателей. Для писателей, не разбирающихъ средствъ къ успѣху, больше, кажется, и не нужно. Ваша „поэма“ достигнетъ своей цѣли. Объясните мнѣ только, отчего люди такъ падки на книги, которыя сами же они порицаютъ?—Ахъ, Боже мой, почтеннѣйшій читатель! вскрикиваю я въ отчаяніи: вы совершенно запутываете меня своими вопросами! Я вижу, къ чему вы меня ведете. Вы хотите разочаровать меня, убить мой восторгъ, уничтожить мечту мою. Остановитесь, умоляю васъ! Не судите о книгѣ по ея первому тому. Подождите двухъ остальныхъ частей. Тогда-то, тогда-то докажу я вамъ, что это — поэма, названная *поэмой не въ шутку*!

Слава Богу! почтеннѣйшій читатель согласился на мое предложеніе. Дѣло остается нерѣшеннымъ до выхода остальныхъ томовъ.

О. Сенковскій.

*)—**Литературный разговоръ**, *подслушанный въ книжной лавкѣ*.

Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться;
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

Державинъ.

„А! это вы? насилу-то мы съ вами встрѣтились! Ну, что, какъ? Здоровы-ли? что новаго?“.. Такъ одинъ молодой человѣкъ, давно уже сидѣвшій въ книжной лавкѣ, съ книжкою „Библіотеки для чтенія“ въ рукахъ, привѣтствовалъ другого, только-что вошедшаго въ лавку, съ живостью бросившись къ нему навстрѣчу и съ жаромъ пожимая ему руку. Этотъ молодой человѣкъ давно уже поглядывалъ на меня, съ явнымъ желаніемъ заговорить со мною, — должно быть о статьѣ, которую читалъ. Эта статья, казалось, живо занимала его, потому что онъ и улыбался и смѣялся; по временамъ съ устъ его слетали неопредѣленныя восклицанія. Онъ даже заговорилъ со мною о погодѣ; но я, не любя заводить знакомствъ (ибо у насъ на Руси размѣняться съ незнакомымъ человѣкомъ двумя-тремя фразами о погодѣ, значитъ иногда нажить пріятеля и „мон-шера“), отдѣлался отъ него неопредѣленнымъ „да“ и т. п. Тѣмъ живѣе была радость молодого человѣка, при видѣ знакомаго, съ которымъ онъ давно не видался, и которому могъ излить ощущенія, возбужденныя въ немъ статьею. У нихъ сейчасъ же завязался живой разговоръ, который мнѣ показался столь интереснымъ, что я почелъ не излишнимъ довести его до свѣдѣнія публики. Описаніе наружности и характера обоихъ персонажей этой маленькой сцены нисколько не послужило бы къ ея уясненію, и потому замѣтимъ только слегка, что молодой человѣкъ, встрѣтившій съ такою живостью своего знакомаго, былъ нѣсколько вертлявъ, говорилъ скоро и громко, какъ бы у себя дома, а лицо его казалось совершеннымъ выраженіемъ легкости и

*) „Отечественныя Записки“ 1842 г., № 9, т. 24, отд. VIII. Статья В. Бѣлинскаго.

добродушія; знакомый же его отличался отъ него какою-то холодною важностью въ рѣчи и въ манерахъ. Чтобъ лучше слѣдить за ихъ разговоромъ, назовемъ перваго господиномъ А., а другого господиномъ Б.

А. Что новаго? — Да вѣдь вы знаете, что я всегда запасался имъ отъ васъ же. Вы, кажется, что-то читали въ „Библіотекѣ для Чтенія“?

Б. Ахъ, да! — статью о „Мертвыхъ Душахъ“. Чудо, прелесть! Въ иныхъ мѣстахъ хотя и вздоръ, но зато, какое во всемъ остроуміе! Такой статьи давно не бывало! Вотъ ужъ можно сказать: *писано жеромъ...*

А. Да, правда...

Б. Жаненъ! Рѣшительный Жаненъ!

А. Ну, ужъ вотъ этого-то я не скажу. Жаненъ — болтунъ; чрезвычайный успѣхъ его основанъ на легкости и на отсутствіи всякихъ твердыхъ и глубокихъ нравственныхъ началъ въ обществѣ, для котораго онъ болтаетъ нынче совсѣмъ не то, что болталъ вчера, а завтра будетъ болтать совершенно противное тому, что болталъ вчера; но Жаненъ все-таки болтунъ остроумный, и, при другомъ обществѣ, онъ могъ бы сдѣлать изъ своего таланта лучшее, благороднѣйшее употребленіе. Но каковъ бы ни былъ Жаненъ и теперь, его болтовня всегда блещетъ умомъ и остроуміемъ, хоть и совершенно внѣшними, и отличается *тономъ порядочныхъ людей*. Остроуміе Жанена заключается совсѣмъ не въ томъ, чтобъ, выписавъ изъ разбираемаго романа нѣсколько фразъ, плоскихъ потому именно, что онѣ вложены авторомъ въ уста изображаемаго имъ человѣка дурного тона, приписать эти фразы самому автору и воскликнуть: *какіе періоды настоящіе сапоги!* Истинное остроуміе, хотя бы и легкое и мелкое, не искажаетъ умышленно предмета, чтобъ возбудить во что бы то ни стало грубый смѣхъ площадной толпы: оно находитъ смѣшное въ своей манерѣ видѣть предметы, не уродуя ихъ.

Б. Это, пожалуй, и такъ; да вѣдь дѣло-то въ успѣхѣ, и bien rira qui rira le dernier! Осуждать такое остроуміе

могутъ многіе съ большою основательностью; а острить такъ сами едва-ли могли-бы, если-бъ и хотѣли.

А. По крайней мѣрѣ, нужна для этого большая рѣшительность. Попробуйте выдумать на кого угодно смѣшную нелѣпицу - всѣ расхохочутся, и никто не захочетъ наводить справки, правду вы сказали, или ложь. Повторяйте такія выдумки чаще и насчетъ всѣхъ и каждаго: васъ будутъ презирать, а слушать и смѣяться не перестанутъ. Но всему есть мѣра и границы. Одно и то же надоѣдаетъ, а выдумывать цѣлую жизнь разнообразныя литературныя лжи невозможно, и какъ скоро замѣтятъ, что вы повторяете самого себя, то перестанутъ смѣяться, начнутъ зѣвать. Это я говорю не по отношенію къ журналу, а какъ общую истину, которая удобно прилагается ко многимъ житейскимъ дѣламъ.

Б. Такъ вы совершенно отказываете въ остроуміи рецензіямъ „Б. для Ч.“?

А. Нисколько. Когда она не увлекается пристрастіемъ, а главное острить надъ тѣмъ, что дѣйствительно ей подъ силу, и о чемъ серьезно не стоитъ сказать и двухъ словъ, ея рецензіи бываютъ очень забавны. Такъ, напр., нельзя было не улыбнуться, читая въ „Б. для Ч.“ разборъ, или лучше сказать, надгробную рѣчь надъ прахомъ умершихъ прежде своего рожденія стихотвореній какого-то Бочарова. Но когда *такое-же* остроуміе прилагается ею къ предметамъ высшаго значенія, которые почему-то всегда не по сердцу этому журналу, тогда оно по необходимости становится плоскимъ и скучнымъ. Важное само-по-себѣ нельзя сдѣлать смѣшнымъ.

Б. Но что ни говорите, а въ статьѣ о „Мертвыхъ Душахъ“ много ѣдкости...

А. Прибавьте — безсильной, для предмета, слишкомъ высоко въ отношеніи къ ней стоящаго. Я не вижу ровно ничего остроумнаго ни въ сближеніи плохихъ стихотвореній площадного писаки съ поэмою Гоголя, ни въ томъ, что рецензентъ называетъ „поэмами“ разныя медицинскія сочиненія. Все это мнѣ кажется очень—плоскимъ. Разбе-

рите-ка этотъ разборъ съ начала до конца, по порядку. Что это такое? — Послушайте: „Вы видите меня въ такомъ восторгѣ, въ какомъ еще не видали. Я *пыхчу*, трепещу, прыгаю отъ восхищенія“... Пока довольно; остановимся на „пыхтѣніи“ рецензента. „Пыхчу“ есть настоящее время глагола „пыхтѣть“, который значитъ то же, что „тяжело дышать“. Но послѣднее выраженіе употребляется въ отношеніи къ людямъ, а первое—въ отношеніи къ лошадямъ и коровамъ. Видите-ли: явное незнаніе русскаго языка?... Если же слово „пыхтѣть“ и употребляется въ отношеніи къ людямъ, то не иначе, какъ въ унизительно-комическомъ тонѣ, для выраженія волненія крови и желчи, производимаго страстями, какъ-то: пристрастіемъ, и т. п... Итакъ, что же хорошаго въ рецензіи, которая почти началась словомъ „пыхчу“?

— Но будемъ слѣдить далѣе за „пыхтѣньемъ“ аристарха. Ему не понравилось, что Гоголь назвалъ свое сочиненіе „поэмою“—и вотъ онъ заставляетъ своихъ читателей „свидѣтелей его бѣшенаго восторга“, спрашивать у него, пыхтящаго рецензента, какимъ размѣромъ писана поэма, давая тѣмъ знать, что онъ, въ своемъ эстетическомъ пыхтѣніи, написанной прозою поэмы, не признаетъ „поэмою“. Все это, дѣйствительно, очень забавно и возбуждаетъ смѣхъ, но только совсѣмъ не надъ авторомъ поэмы, а развѣ надъ пыхтящею рецензіею. И мнѣ кажется, что я уже слышу громкій хохотъ свидѣтелей ея бѣшенаго восторга, оттого, что въ поэмѣ нѣтъ никакого размѣра, а можетъ и отъ смѣшной претензіи пыхтящаго рецензента преобразовать правописаніе языка, который чуждъ ему, и котораго духа онъ совсѣмъ не знаетъ. Выписка первой страницы поэмы исполнена пустыхъ придирокъ къ слогу, изъ которыхъ главная состоитъ въ томъ, что Гоголь лучше его, пыхтящаго рецензента, знаетъ употребленіе родительнаго падежа, и не хочетъ слѣдовать его нелѣпой орографіи. „Поэтъ (восклицаетъ или „пыхтитъ“ рецензентъ), поэтъ—это существо всемірное: онъ выше временъ, пространствъ и грамматики! Можетъ быть, это восклицаніе, или это „пыхтѣ-

ніе“ и очень остроумно, а главное, очень ново и оригинально: но только оно подтверждаетъ мое убѣжденіе въ волненіи „Б. для Ч.“: не она ли, вотъ уже ровно *девятый* годъ, ежемѣсячно смѣется надъ грамматикой и доказываетъ, что эта наука изобрѣтена педантами и дураками? А теперь ей пригодилась, видно, и грамматика: она теперь глубоко уважаетъ эту науку, такъ кстати подвернувшуюся ей подъ руку, чтобъ было чѣмъ швырнуть въ страмного для нея писателя, какъ нѣкогда, съ гораздо большимъ успѣхомъ, швырялъ ею г. Гречъ въ распорядителя „Библіотеки для Чтенія“. И вотъ, для доказательства своей силы въ русской грамматикѣ, рецензентъ спѣшитъ употребить слово „запаховъ“, какъ онъ употребляетъ слово „мозги“, „мечтъ“ и т. п. Въ выраженіи Гоголя: „покамѣстъ слуги управлялись и возились“, онъ подчеркиваетъ слово „возились“, давая тѣмъ знать, что оно, почему-то, будто-бы, не хорошо, а почему именно, это пока секретъ рецензент*у*, который онъ, вѣроятно, когда-нибудь откроетъ „свидѣтелямъ его бѣшенаго восторг*у*“. Впрочемъ, всѣхъ его *подчеркиваній* не перечтешь: они многочисленны и разнообразны. Но вотъ слѣдуетъ самое убѣдительное доказательство, какъ силенъ нашъ рецензентъ въ русскомъ языкѣ—послушайте: „Во всѣхъ славянскихъ языкахъ, какіе я знаю, „*носъ* имѣетъ въ родительномъ падежѣ *носа*, а *шумъ*, *вѣтеръ* и *дымъ* имѣютъ *шуму*, *вѣтру*, *дыму*“. Скажите, Бога ради, что это такое: шутка, мистификація, или просто „пыхтѣнье“? Я не знаю, да и знать не хочу, какъ въ польскомъ или другомъ славянскомъ языкѣ склоняются въ родительномъ падежѣ слова: *носъ*, *шумъ*, *вѣтеръ*, и *дымъ*; но, какъ природный Русскій, знаю достовѣрно, что слова эти въ русскомъ языкѣ принимаютъ въ родительномъ падежѣ окончаніе равно и *а* и *у*, а когда второе именно, на это нѣтъ постояннаго правила, но это слышитъ ухо природно-Русскаго, слышитъ—и никогда не обманывается. Всякій Русскій скажетъ, какъ у Гоголя: „Волосъ, вылѣзшій изъ нос*у*“, и ни одинъ Русскій не скажетъ: „Волосъ, вылѣзшій изъ нос*а*“. Точно также должно говорить *порывы вѣтра*, а не

порывы вѣтру. Итакъ знаніе другихъ языковъ не послужило рецензенту облегченіемъ въ знаніи языка русскаго, и онъ, съ горя, вздумалъ перекраивать русскій языкъ на свой ладъ, и, не зная его, принялся учить ему Русскихъ!..

Б. Однакожъ, согласитесь, что языкъ у Гоголя часто грѣшитъ противъ грамматики.

А. Соглашаюсь; а вы, за это, согласитесь, что не рецензенту же „Б. для Чт.“ упрекать его въ этомъ. Я далекъ отъ того, чтобъ ставить Гоголю въ защиту неправильность языка, которая тѣмъ досаднѣе, что у него она явно происходитъ не отъ незнанія, а отъ небрежности, отъ нерасположенія потрудиться лишнюю четверть часа надъ написанной страницей. Но у Гоголя есть нѣчто такое, что заставляетъ не замѣчать небрежности его языка, — есть *слогъ*. Гоголь не пишетъ, а рисуетъ; его изображенія дышатъ живыми красками дѣйствительности. Видишь и слышишь ихъ. Каждое слово, каждая фраза рѣзко, опредѣленно, рельефно выражаетъ у него мысль, и тщетно бы хотѣли вы придумать другое слово или другую фразу для выраженія этой мысли. Это значитъ имѣть *слогъ*, который имѣютъ только великіе писатели, и о которомъ разсуждать также не дѣло „Б. для Ч.“, какъ и разсуждать о русскомъ языкѣ, котораго она не знаетъ, что можно доказать изъ каждой ея страницы, наполненной всяческихъ обмолвокъ противъ духа языка, ошибокъ противъ его грамматики, барбаризмовъ, солецизмовъ и, въ-особенности, полонизмовъ.

Б. Это совершенно правда: г. Гречъ давно это доказалъ въ своей брошюрѣ—помните? . Я вѣдь и самъ вижу, что грамматическія-то обвиненія всѣ выдуманы; но рецензентъ такъ смѣло колетъ ими и такъ смѣшно умѣетъ ихъ выставлять, что тѣмъ болѣе дивишься его неподражаемому остроумію... Впрочемъ, если грамматическія нападки рецензента для васъ и ложны, и пусты, и скучны, перестанемъ говорить о нихъ, перейдемъ къ другимъ пунктамъ обвиненій, которые, надѣюсь, будутъ посущественнѣе. Мнѣ любопытно узнать, что-то вы на нихъ скажете.

А. Да что уже и говорить мнѣ, если вся рецензія устремлена противъ слогу?..

Б. Нѣтъ, не противъ одного слога, но и противъ дурного тона сочиненія, такъ некстати названнаго „поэмою", противъ страшной претензіи автора видѣть представителей и героевъ русской жизни въ людяхъ низкихъ и глупыхъ; противъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ со стороны автора, который, по таланту, не можетъ стать на ряду даже съ Поль-де-Кокомъ... Что касается до меня, я со всѣмъ этимъ соглашаюсь только въ-половину, потому что такъ хочетъ „Б. для Чт.", а по моему мнѣнію, и Гоголь чего-нибудь да стоитъ. И потому, повторяю: я держусь середины...

А. Что рецензентъ насмѣхается надъ словомъ „поэма" въ приложеніи къ „Мертвымъ Душамъ", это происходитъ отъ того, что онъ не понимаетъ значенія слова „поэма". Какъ видно изъ его намековъ, поэма непремѣнно должна воспѣвать народъ въ лицѣ его героевъ. Можетъ-быть, „Мертвыя Души" и названы поэмою въ этомъ значеніи; но произнести какой-нибудь судъ надъ ними, въ этомъ отношеніи, можно только тогда, когда выйдутъ двѣ остальныя части поэмы.

Б. Рецензентъ самъ говоритъ объ этомъ въ концѣ рецензіи...

А. Да, но сперва разругавъ за это поэму, въ началѣ и серединѣ рецензіи... Что касается до меня лично; я *пока* готовъ принять слово „поэма", въ отношеніи къ „Мертвымъ Душамъ", за равнозначительное слову „твореніе". Въ этомъ значеніи, всякое произведеніе поэзіи есть поэма — и ода, и пѣсня, и трагедія, и комедія. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что, опираясь на словѣ „поэма", стоящемъ въ заглавіи сочиненія Гоголя, рецензентъ очень-наивно и очень-невинно силится бросить на автора не совсѣмъ прохладную тѣнь неуваженія, будто-бы, къ русскому обществу, котораго репутація такъ дорога сердцу рецензент*у*, не знающаго русскаго язык*у* и русской грамматики... Иначе, какъ-же вы поймете „тонкіе" намеки рецензент*у* на то, что авторъ „Мертвыхъ Душъ" будто-бы „при каждомъ *небла-*

сильной случай наводитъ рѣчь на Русскихъ“. Какой же этотъ „неблаговидный случай“? —Авторъ проситъ у читателей извиненія за то, что знакомитъ ихъ съ Петрушкою и Селифаномъ, людьми Чичикова, „зная по опыту, какъ неохотно они знакомятся съ низкими сословіями“. Но чтобъ уяснить это съ умысломъ затемненное рецензентомъ дѣло, вотъ „Мертвыя Души“—я прочту вамъ изъ нихъ все это мѣсто, изъ котораго рецензентъ взялъ только то, что нужно было ему для его цѣли. Выслушайте:

„Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная заняться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ, тѣ, Богъ вѣсть, можетъ быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что ни пресмыкается у ногъ его, или что еще хуже, можетъ быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ“.

И такъ, очевидно, что авторъ, съ свойственнымъ ему юморомъ, и притомъ очень деликатно, кольнулъ слабость нашего общества къ знакомству съ чинами и отличіями, а не людьми. Во-первыхъ, это правда; во-вторыхъ, это особенно не унижаетъ Русскихъ передъ другими народами, особенно, напр., передъ Нѣмцами, которые отчаянно больны чиноманіемъ, хотя и далеко обогнали насъ въ цивилизаціи и просвѣщеніи; въ третьихъ, Петрушка и Селифанъ послужили для автора только предлогомъ къ нападеніямъ на чиноманію, и онъ совсѣмъ не думалъ упрекать русское общество за то, что оно не хочетъ знаться съ кучерами и лакеями. Судите же, послѣ этого, изъ какого *свѣтлаго* источника вытекло негодованіе незнающаго по-русски рецензента, негодованіе, которымъ такъ преисполнены эти его строки:

„Помилуйте! вскрикиваетъ *почтеннѣйшій* гостинодвор-

скій эпитетъ!) читатель, не отнимая пальца отъ своего *почтеннѣйшаго* носа (острота!), который онъ имѣетъ обыкновеніе зажимать отъ такихъ *воздуховъ* (острота и грамматическая ошибка!): что вы это, съ вашимъ поэтомъ, *при каждомъ неблаговидномъ случаѣ, наводите рѣчь на Русскихъ! Въ чемъ и за что вы безпрерывно ихъ обвиняете?* Да они очень хорошо дѣлаютъ, что не хотятъ знакомиться съ вашими нечистыми героями, отъ которыхъ я самъ принужденъ помимутно *закрывать носъ* и глаза рукою. Если порядочные Русскіе не охотно сближаются съ людьми низкаго сословія, причиною этого долженъ быть распространившійся между ними благородный вкусъ къ изяществу, опрятности, образованнымъ ощущеніямъ, а не мнимый *народный порокъ*, не всеобщая спѣсь, не безразсудная гордость. *Надъ чѣмъ вы тутъ насмѣхаетесь? Куда наровите свои эпиграммы!* (не по-русски!). Страсть зазнаться!.. *Да чтобы по случаю Петрушки упрекать цѣлый народъ въ страсти зазнаваться* (у Гоголя: зазнаться съ тѣмъ, кто хотя однимъ чиномъ повыше это рецензентомъ выключено, а глаголъ „зазнаться" поворочепъ на глаголъ „зазнаваться"!!..), *надо предположить, будто весь народъ ничѣмъ не лучше этого грубаго и грязнаго человѣка и только понапрасну, изъ гордости не узнаетъ въ немъ себѣ ровнаго!* Но это не правда. *Вы систематически унижаете русскихъ людей.* Я (о!...) этого не люблю, и не хочу слушать. Я самъ обожаю чистоту. Ваши *зловонныя* картины поселяютъ во мнѣ отвращеніе"...

И такъ скажите же: гдѣ у Гоголя все это есть, и о *томъ* ли, *то* ли говоритъ онъ, на что возсталъ рецензентъ? Нѣтъ, это уже не „пыхтѣнье": это что-то въ родѣ придирокъ извѣстнаго рода...

Б. Оно такъ, я не скажу, чтобъ это было хорошо; но за то, какъ зло, какъ ловко, мастерски!..

А. Да, видно, что мастеръ *своего дѣла*. Но объ этомъ довольно: по одному судите и обо всемъ, тѣмъ болѣе, что нашъ рецензентъ умѣетъ быть вѣренъ себѣ.

Б. Ну, а насчетъ дурного тона, сальныхъ картинъ, грязныхъ изображеній — что вы скажете на счетъ всего этого?

Право, „Мертвыя Души" какъ будто писаны для сидѣльцевъ въ мучныхъ лавкахъ...

А. И однакожъ ихъ читаетъ и ими восхищается высшій свѣтъ и не находитъ въ нихъ дурного тона, плоскостей и сальностей. Авторитетъ большого свѣта, въ этомъ случаѣ, безусловно неоспоримъ. Въ нападкѣ рецензента на дурной тонъ „Мертвыхъ Душъ", я узнаю того же опытнаго мастера отгѣнять непріятныя ему литературныя репутаціи. Правда, къ этому орудію противъ Гоголя не разъ прибѣгали уже и другіе обожатели и знатоки хорошаго тона, еще за долго до появленія боитонно—„пыхтящей" рецензіи. И хотя эти другіе раговали съ тою цѣлію и вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, однако они были искреннѣе въ своихъ нападкахъ на дурной тонъ, потому что, въ простотѣ мѣщанской свѣтскости, они не шутя считаютъ неприличнымъ то, что въ большомъ свѣтѣ нисколько не считается неприличнымъ. Но нашъ рецензентъ очень хорошо понимаетъ, что и для чего онъ дѣлаетъ. Хорошо зная невинную слабость среднихъ круговъ общества слишкомъ заботиться о приличіяхъ невѣдомаго и недоступнаго имъ большого свѣта, онъ не пропуститъ случая ухватиться за эту чувствительную струнку.

Б. Я вижу, что даже и поклонники Гоголя не чужды замашки нападать на цѣлое общество.

А. Нисколько. Франція, въ отношеніи къ свѣтской общественности, безъ всякаго сомнѣнія, первое государство въ мірѣ. Однакожъ, и тамъ центръ свѣтскости и высшаго тона находится въ Парижѣ, и именно, въ двухъ пунктахъ: въ послѣднемъ убѣжищѣ легитимизма, Сенъ-Жерменскомъ предмѣстіи, и въ новой мѣщанской аристократіи, при дворѣ. Всѣ прочіе слои общества суть только болѣе или менѣе вѣрныя отраженія этихъ первообразовъ свѣтской общественности. Смѣшно и нелѣпо было бы видѣть униженіе всего общества въ весьма обыкновенной и правдивой фразѣ, что *порядочный* хорошій тонъ царствуетъ въ высшемъ петербургскомъ кругу, и что средніе круги общества часто добровольно дѣлаются смѣшными, считая и себя „большимъ свѣ-

томъ“, и стараясь копировать съ образца, который они видятъ издали, на гуляньяхъ и въ каретахъ, проѣздомъ по улицѣ. Нѣтъ никакого униженія, когда вамъ скажутъ (если вы этого не знаете сами), что нигдѣ нѣтъ столько пустыхъ претензій, изысканности, чопорности, а слѣдовательно, и дурного тона, какъ въ этихъ среднихъ кругахъ, почему-то считающихъ себя въ какихъ-то отношеніяхъ съ „большимъ свѣтомъ“, который для нихъ есть истинная terra incognita. Такъ какъ въ нихъ нѣтъ ничего своего, то все чужое, которымъ дышатъ они, переходитъ у нихъ въ карикатуру: развязность и свобода высшаго общества—въ наглость, приличіе—въ чопорность, вѣжливость—въ церемонность, любезность въ гостинодворскій топъ. Я именно говорю о среднихъ кругахъ. Если вы знаете хорошо нашихъ помѣщиковъ, согласитесь со мною, что между ними нерѣдко встрѣчаются прекрасныя исключенія: въ ихъ домахъ вы не найдете того, что называется „высшимъ свѣтомъ“, но найдете благородный топъ, благородную простоту обращенія, истинную образованность, которая такъ рѣдка и въ „высшемъ свѣтѣ“. Въ нихъ есть *свое*, отъ-того они и не пародируютъ другихъ; они берутъ отъ большого свѣта свое, не принимая отъ него чуждаго имъ, или несоотвѣтствующаго ихъ средствамъ и положенію. Наше общество еще такъ молодо, такъ еще не установилось и не приняло общаго характера, что такія прекрасныя исключенія представляются только въ семействахъ, въ отдѣльныхъ домахъ, а не въ цѣломъ сословіи, пестромъ и разнохарактерномъ. И причина такихъ прекрасныхъ исключеній состоитъ именно въ томъ, что дома, о которыхъ я говорю, имѣютъ свое собственное значеніе и не принадлежатъ къ тому, что называется „средними кругами“: это аристократія нашихъ провинцій. Подъ среднимъ кругомъ должно разумѣть преимущественно чиновничество столицъ и губернскихъ городовъ—это плодородное поле, съ котораго даже низшіе таланты, чѣмъ талантъ Гоголя, собираютъ такую обильную жатву. Вотъ ихъ-то и имѣла въ виду рецензія. Но что же плоскаго и грязнаго находитъ рецензентъ у Гоголя?—Пор-

треты Петрушки и Селифана, запахи (говоря его не русскимъ языкомъ), описаніе двора Коробочки, въ которомъ свинья съ семействомъ, рывшаяся въ кучѣ сора и мимоходомъ заѣвшая цыпленка, особенно непріятно подѣйствовала на его свѣтскую разборчивость. Что же бы сказалъ онъ, прочитавъ извѣстную басню Крылова, гдѣ свинья играетъ главную роль... „Грязь на грязи!“ восклицаетъ „почтеннѣйшій“, чистоплотный рецензентъ...

Б. Однакожъ, вы, вѣрно, не находите изящными подобныя картины?

А. Напротивъ, именно нахожу изящною эту грязь, „возведенную въ перлъ созданія“, нахожу ее въ милліонъ разъ изящнѣе сусальной позолоты поэтовъ средняго круга общества, поэтовъ чиновническихъ и губернскихъ. Картина была, дома и двора Коробочки—въ высшей степени художественная картина, гдѣ каждая черта свидѣтельствуетъ о геніальномъ взмахѣ творческой кисти, потому что каждая черта запечатлѣна типическою вѣрностью дѣйствительности и живо, осязательно воспроизводитъ цѣлую сферу, цѣлый міръ жизни, во всей его полнотѣ.

Б. Ну, хорошъ же этотъ міръ! Поздравляю съ такою жизнію!

А. Не взыщите - тѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Поэзія есть воспроизведеніе дѣйствительности. Она не выдумываетъ ничего такого, что бы не было въ дѣйствительности; она только идеализируетъ явленія дѣйствительности, возводя ихъ къ общему значенію, что и значитъ „возводить въ перлъ созданія“. Всякая другая поэзія пустое фантазерство, вздоръ и пустяки, способные забавлять людей ограниченныхъ и необразованныхъ. И потому мѣрка достоинства поэтическаго произведенія есть вѣрность его дѣйствительности.

Б. Но неужели же въ русской дѣйствительности нѣтъ ничего лучше и благороднѣе Петрушки, Селифана, Коробочки, Собакевича, Чичикова и тому подобныхъ героевъ и героинь?

А. Безъ всякаго сомнѣнія есть; и авторъ совсѣмъ не

думалъ своими „Мертвыми Душами" утверждать противное. Онъ только взялъ себѣ извѣстную сферу жизни, дѣйствительно существующую—вотъ и все. Упрекать его за это—все равно, что упрекать Лафонтена и Крылова, зачѣмъ они писали басни, а не оды, упрекать Мольера и Фонвизина, зачѣмъ они писали комедіи, а не трагедіи. Стекла (по прекрасному выраженію Гоголя) озирающія небесныя свѣтила и насѣкомыхъ равно велики. А какое же вы имѣете право упрекать естествоиспытателя, что онъ изучаетъ инфузоріи, какъ-будто въ природѣ нѣтъ твореній, болѣе благородныхъ? Сверхъ того, надо еще сказать, что, находя лица, изображенныя Гоголемъ, особенно безнравственными и глупыми, довольно ребячески преувеличиваютъ дѣло и грубо его понимаютъ. Эти лица дурны по воспитанію, по невѣжественности, а не по натурѣ, и не ихъ вина, что со дня смерти Петра Великаго прошло только 116, а не 300 лѣтъ. Неужели въ иностранныхъ романахъ и повѣстяхъ вы встрѣчаете все героевъ добродѣтели и мудрости? Ничего не бывало! Тѣ же Чичиковы, только въ другомъ платьѣ: во Франціи и въ Англіи они не скупаютъ мертвыхъ душъ, а подкупаютъ живыя души на *свободныхъ* парламентскихъ выборахъ! Вся разница въ цивилизаціи, а не въ сущности. Парламентскій мерзавецъ образованнѣе какого-нибудь мерзавца нижняго земскаго суда; но въ сущности оба они не лучше другъ друга. Люди съ божественною искрою въ душѣ вездѣ рѣдки,—и я первый пламенно желаю, чтобъ Гоголь иногда дарилъ насъ изображеніями и такихъ личностей, тѣмъ болѣе желаю, что теперь только одинъ онъ и можетъ изображать ихъ. Но я не считаю себя вправѣ требовать, чтобъ онъ изображалъ то, а не это, или ставить ему въ вину, что онъ изображаетъ то, а не другое.

Б. Но воля ваша, а такія слова, какъ: *свинтусъ*, *скотоводъ*, *подлецъ*, *отвязъ*, *чортъ знаетъ*, *нагадить* и тому подобныя—такія слова впдѣть въ печати какъ-то странно.

А. А слышать, или самому говорить каждый день не странно?.. Но авторъ „Мертвыхъ Душъ" нигдѣ не гово-

рить самъ, онъ только заставляетъ говорить своихъ героевъ, сообразно съ ихъ характерами. Чувствительный Маниловъ у него выражается языкомъ образованнаго въ мѣщанскомъ вкусѣ человѣка; а Поздревъ—языкомъ *историческаго человѣка*, героя ярмарокъ, трактировъ, попоекъ, дракъ и картежныхъ продѣлокъ. Не заставить же ихъ было говорить языкомъ людей высшаго общества! Что же касается до слова „подлецъ“, авторъ употребляетъ его и отъ своего лица, какъ люди порядочнаго тона употребляютъ, кромѣ этого слова, слова: *воръ, разбойникъ, плутъ, взяточникъ, казнокрадъ, мошенникъ, лжецъ, клеветникъ*, и т. п. И я, право, не понимаю, что неприличнаго въ словѣ *подлецъ* и чѣмъ оно непристойнѣе, напримѣръ, словъ *пріятель, низкопоклонникъ*, и проч. Дѣло не въ словѣ, а въ *тонѣ*, въ какомъ это слово произносится. Иной любезникъ чиновническаго или гостинодворскаго кружка говоритъ все вѣжливости, одна другой тоньше и деликатнѣе, а все кажется, будто онъ отпускаетъ такія выраженія, за которыя выводятъ подъ руки изъ собранія: а порядочный человѣкъ выражается рѣзко, называетъ вещи ихъ настоящими словами—*воръ воромъ, подлецъ подлецомъ*, и между тѣмъ разговоръ его все-таки исполненъ благородства и достоинства, приличія и хорошаго тона.

Правда, Гоголь иногда касается такихъ сторонъ общественности, которыя подъ перомъ иныхъ писателей были бы просто невыносимы и для обонянія, и для смѣха, и для взора; но какъ Гоголь не копируетъ дѣйствительности, а „возводитъ ее въ перлъ созданія“, какъ его юморъ спокоенъ, мягокъ и благороденъ, несмотря на свою силу, цѣлость и глубокость, то въ его созданіяхъ никогда и ничего не бываетъ низкаго и тривіальнаго. Онъ владѣетъ такимъ великимъ талантомъ обращать въ чистое золото все, къ чему ни прикоснется. Скажите по совѣсти, встрѣчали ли вы въ его сочиненіяхъ хотя одну картину грубой чувственности, написанную съ желаніемъ самому налюбоваться ею и, возбужденіемъ нечистаго восторга, пріобрѣсти себѣ большее число читателей? Гдѣ, укажете, рисуетъ онъ грязь

для грязи, по страсти къ цинизму — замашка, довольно любимая, впрочемъ, добрымъ и талантливымъ Поль-де-Кокомъ, съ которымъ такъ не вопадъ, такъ натянуто, вздумала равнять Гоголя рецензія? Гоголь и Поль-де-Кокъ — это имена, между которыми столько же общаго, какъ между именами Вольтера и какого-нибудь барона Брамбеуса. Кстати: я знаю одного писателя, хоть и плохо по-русски пишущаго, но во многомъ походящаго на Поль-де-Кока, по крайней мѣрѣ, со стороны цинизма, если не со стороны знанія языка, таланта, сердечной теплоты. Это — баронъ Брамбеусъ... Вотъ его такъ можно обвинять въ дурномъ тонѣ, въ плоскостяхъ, въ сальностяхъ, въ явномъ незнаніи русскаго языка и русской грамматики, при талантѣ, котораго силу составляетъ смѣлость, да иногда блестки внѣшняго, поверхностнаго ума. И подобное обвиненіе можно подкрѣпить фактами, противъ которыхъ нечего будетъ сказать ни вамъ, ни всякому другому, ни даже барону Брамбеусу. Если вы забыли его несчастныя „Фантастическія Путешествія", какъ забыла ихъ русская публика, бросившаяся было на нихъ сначала слишкомъ горячо, по опрометчивости, столь свойственной всему молодому, — то вамъ стоитъ только перелистовать ихъ, чтобъ передъ вами возникла цѣлая галлерея картинъ, одна другой неумытѣе, одна другой спиртуознѣе, до того, что передъ ними всякіе другіе „запахи" должны утратить свою рѣзкость. Да вотъ кстати со мной одна изъ тетрадей литературныхъ матеріаловъ, которые я собираю для составленія исторіи русской литературы. Я вѣдь и зашелъ сюда именно потому, что мнѣ нужно навести кое-какія справки насчетъ критики „Б. для Ч." Я не буду вамъ разрывать всей этой кучи, чтобъ не заставить васъ зажимать, или, какъ выражается рецензія, „закрывать рукою" вашъ „почтеннѣйшій" носъ; я только напомню вамъ бѣгло кое-что, и прежде всего то мѣсто, гдѣ баронъ проваливается черезъ Этну къ антиподамъ и попадается прямо въ антрша танцовавшей губернаторши, которая жметъ его колѣнками, душитъ, а онъ, за это, кусаетъ за мягкую тяжесть, наполнившую его ротъ... Что,

хорошо? А его чистоплотные разсказы о „тихомъ, роскошномъ, пуховомъ тѣлѣ дѣвушекъ, въ коротенькихъ розовыхъ юбочкахъ“; о „свѣтлой похотливой кожѣ преданныхъ на жертву жаднымъ взорамъ пухленькихъ грудей и плечъ“; о „постели двухъ юныхъ любовниковъ, только что оставленной ими по утру въ живописномъ безпорядкѣ, еще дышащей вулканическою теплотою ихъ сердецъ, среди холодныхъ уже слѣдовъ перваго взрыва ихъ любви“; о душѣ пустынника, „забирающемся за пестрые прозрачные платочки его слуцательницъ, чтобы играть съ ихъ бѣленькою грудью и щекотать ихъ подъ сердцемъ“; о „блохѣ, *жирной* ножкѣ мандаринши, на которой влюбленныя насѣкомыя (т.-е. блохи) утопаютъ въ небесномъ блаженствѣ“, и которыхъ мандаринша должна была „всякій вечеръ ловить у себя подъ рубашкою“. Какъ вы думаете: вѣдь, право, не дурно?.. Да то-ли еще есть у „почтенѣйшаго“ барона! Вспомните его „Большой выходъ сатаны“, гдѣ чортъ сидитъ на воронкѣ, оборочennой вверхъ острымъ концомъ и роскошно повертывается на этомъ эстетическомъ сѣдалищѣ, вслѣдствіе опплеухи, данной ему сатаною... А тонъ, выраженія г. барона? О, это верхъ свѣтскости!.. Напримѣръ: „Если есть счастіе на свѣтѣ, то не видѣ, какъ въ шароварахъ“; или: „иную бабу можно считать своею деревнею, которая приноситъ 150.000 годового дохода“; или: „если бъ людей дѣлали немножко иначе, не такъ поспѣшно и съ должнымъ вниманіемъ, они были бы гораздо умнѣе“; или: „льстецы, видя только *видъ* души въ глазахъ сильныхъ людей не разбираютъ и лобызаютъ все, что имъ не выставишь“... Помните-ли его статью „Юная Словесность“, гдѣ *юная словесность* лѣзетъ къ нашему барону въ домъ „шумитъ, *безчинствуетъ*, ломаетъ утварь, расхищаетъ всю собственность и принадлежность счастья?“ Баронъ объявляетъ читателямъ, что у него есть баронесса, „образующая вмѣстѣ съ нимъ широкую и плотную массу человѣчества“, которую онъ хочетъ спасти отъ нападеній „юной словесности“, для чего и „пробуетъ треснуть ей въ лобъ колодой карты“. Юная словесность „стрѣляетъ раскален-

ными ядрами по бастіону супружества"; потомъ „бусурманка (т.-е. юная словесность) изранила взаимное довѣріе супруговъ". Баронъ пыхтитъ и кричитъ: „Не поддадимся! о, коварная словесность! о, мерзкая словесность! Ахъ *расширница!*" Баронесса „скрывается ночью съ настели"; „повалилась на землю, грызетъ въ бѣшенствѣ камень", а *юная словесность* „вся запачканная кровью, *пихаетъ* и качается въ своей грязной лужѣ" и проч. Право, хорошо! Что-жъ не смѣетесь, не хохочете, или, по крайней мѣрѣ, не пыхтите отъ восторгу?.. Что-жъ вы не восклицаете: „какіе свинтусы, какіе скотоводы эти нечистоплотные періоды, эти зловонныя картины"?.. Что такое исторія, какъ наука? — „Жеманная и придирная баба"... Что такое историческій романъ? — „Плодъ соблазнительнаго прелюбодѣянія исторіи съ воображеніемъ". Что такое сочинитель „Мазепы" (плохого романа, теперь забытаго)? — „Наѣздникъ, который въ полночь лѣзетъ къ критику въ разбитое окно, вооруженный острымъ гусинымъ книжаломъ". Теперь не угодно-ли полюбоваться философическими афоризмами столько-же глубокомысленнаго, сколько и эстетическаго барона? — „Воздухъ есть сухая вода"; „камень, гранитъ — тоже жидкость, по которой мы уже не можемъ укусить нашими зубами"; „земная планета атомъ произведеннаго въ броженіе теплотворомъ яичнаго желтка около перваго зародыша цыпленка"... „Что такое я самъ?" спрашиваетъ баронъ, и тотчасъ весьма удовлетворительно рѣшаетъ этотъ вопросъ: „Я тоже жидкость, маленькая мѣра жидкости, сгущенной до извѣстной степени, вылитой по особенному образцу, зажженной внутри искрою божественнаго огня"... Не хотите-ли образчика баронскаго слогу? — „Эта бѣдная Зенеида... Она просто жертва неопредѣленности нашего быта! Живая утопленница зыбкихъ его формъ, окруженная неизбѣжною погибелью, еще борющаяся съ волнами страшнаго хаоса и *въ лицѣ погибели* (?) хватающаяся за подлинные утесы, которые обрушаются и дробятся въ ея рукахъ! Уже наша образованность обманула ее призракомъ супружескаго счастія; уже *сколола ея существованіе въ своей пасти*, и

бросила *его* (?) *безъ всякой досады* въ *омутъ* домашняго насилія“... Хорошо!.. Но довольно! Я боюсь васъ утомить чтеніемъ отрывковъ изъ моей тетрадки, которая, увѣряю васъ, очень любопытна, и если не пыхтитъ сама, то заставитъ порядкомъ пыхтѣть иныхъ романистовъ, критиковъ и рецензентовъ... Посудите сами о богатствѣ собранныхъ мною фактовъ: все, что я успѣлъ прочесть вамъ, ограничивается „Фантастическими Путешествіями“, „Новосельемъ“ и тремя первыми томами „Биб. для Чтенія“ за 1834 годъ... Слышите-ли: *только*! Сколько-же еще богатыхъ источниковъ! О, я надѣюсь написать предлюбопытную исторію русской литературы!...

Б. Вотъ эта книга по мнѣ! Страхъ люблю полемику! Даетъ пищу для споровъ и средство взглянуть на предметъ съ разныхъ сторонъ.

А. Это будетъ не полемика, а исторія... Но мы отклонились отъ предмета нашего разговора—пыхтящей рецензіи. Она очень ошиблась—не въ томъ, что вздумала равнять Гоголя съ Поль-де-Кокомъ, и даже унижать перваго передъ послѣднимъ, но въ томъ, что могла думать, будто не найдется человѣка, который растолковалъ-бы ей, что у нея подъ рукой есть писатель, совершенно подходящій подъ ея обвиненія и болѣе годный для параллели съ Поль-де-Кокомъ... Хорошо понимая, что успѣха „Мертвыхъ Душъ“ не остановить ей, пыхтящая рецензія приписываетъ необычайный успѣхъ этого превосходнаго художественнаго произведенія грязности и сальности, смѣло и храбро навязаннымъ ею. Жалкія усилія, безсильные изгороты! Этакъ можно объяснить развѣ только успѣхъ какого-нибудь барона Брамбеуса и какой-нибудь „Библіотеки для Чтенія“, которыхъ судьба вначалѣ была такъ блестяща, а теперь такъ печальна! Баронъ давно уже забытъ и тщетно пытался напоминать о себѣ публикѣ длиннымъ разглагольствованьемъ о „Дѣвѣ Чудной“ (публика отъ „Дѣвы“ заснула, а о баронѣ не вспомнила); а „Библіотека“ быстро подвигается, засыпая сама и усыпляя своихъ читателей, къ берегамъ томной Леты... Передъ смертью жизнь вспыхиваетъ ярче,

какъ огонь, готовый погаснуть въ лампадѣ: и вотъ вамъ причина энергіи пыхтящей рецензіи... Въ самомъ дѣлѣ, баронъ трудился, пыхтѣлъ, написалъ новый романъ, попытался, напечатавъ его половину, разманить имъ вниманіе публики, но, увы!—публика уже не та! Съ тѣхъ поръ, какъ „Б для Ч.“ успѣла ей наскучить этою мудростью, которая по плечу толпѣ, этимъ скептицизмомъ, который унижаетъ и озадачиваетъ только слабоумныхъ и невѣждъ, этимъ остроуміемъ, которое поддерживается искаженіемъ истины и повторяетъ себя однѣми и тѣми-же шуточками,— съ тѣхъ поръ публика прочла „Капитанскую Дочку“ и посмертныя произведенія Пушкина, познакомилась въ театрѣ съ „Ревизоромъ“, заучила наизусть стихи Лермонтова, и много разъ перечла его „Героя Нашего Времени“... Какой шагъ впередъ! Удивительно-ли, что эта публика даже не дочла до конца „Дѣвы Чудной“ и назвала ее „Дѣвою Скучною“?... Что дѣлать барону? — Тщетно „Библіотека для Чтенія“ громко провозгласила г. Кукольника геніемъ, великимъ поэтомъ, какъ провозглашала она нѣкогда г. Тимофеева и многія другія посредственности, не страшныя ни ей, ни барону Брамбеусу: ничто не помогло! Публика даже не стала читать ни „Эвелины де Вальероль“, ни „Двухъ Призраковъ“, ни „Альфа и Альдоны“; а на расхватъ раскупила „Мертвыя Души“—произведеніе писателя, о которомъ если „Б. для Ч.“ и упоминала, то всегда съ презрѣніемъ и насмѣшками... Такъ нѣкогда публика забыла „Большой Выходъ Сатаны“ и не прочла „Похожденія Одной Ревижской Души“, потому что сильно заинтересовалась какою-то новѣстью *о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*... Постой-же, мы его!.. И вотъ является пыхтящая рецензія, гдѣ превосходное художественное произведеніе названо „нечистоплотнымъ твореніемъ“, глубочайшій и могущественнѣйшій юморъ—плоскостью, благородное сознаніе поэта въ чувствѣ собственнаго значенія въ *родной* ему *русской* литературѣ—бредомъ напыщеннаго тщеславія, и гдѣ, къ довершенію всего, содержаніе, ходъ дѣйствія, словомъ, все представлено въ ложномъ изношенномъ видѣ,

умышленно перетолковано въ дурную сторону, подвержено мелкимъ придиркамъ мелочной критики, побирающейся мелкими обмолвками противъ языка и грамматики... Посмотримъ, поможетъ ли горю эта *salto mortale* критической добросовѣстности и отчаянной отваги... Посмотримъ, чѣмъ кончится споръ, если онъ уже и не кончился... Гоголь, разумѣется, и не узнаетъ объ этихъ отчаянныхъ вылазкахъ на его поэтическую славу (онъ, кажется, человѣкъ совсѣмъ нелюбопытный до многаго, что дѣлается въ русской литературѣ); поэтому естественно, онъ будетъ отвѣчать только новыми своими произведеніями, отъ которыхъ иные романисты-рецензенты запыхтятся на смерть...

Б. Я, впрочемъ, радъ этому разговору, я люблю видѣть вещи со всѣхъ сторонъ. Сегодня же пойду къ С... и къ Л... и буду съ ними спорить противъ „Б. для Ч.“ за Гоголя. Это ихъ удивитъ, а мнѣ доставитъ много удовольствія. Впрочемъ, вы все-таки не убѣдили меня. Разговоръ не то, что статья. Говорить можно все, а вотъ если бъ вы напечатали статью, гдѣ бы также смѣло опровергали рецензію „Б. для Ч.“, какъ смѣло и рѣшительно она отдѣлала „Мертвыя Души“ и Гоголя: тогда другое дѣло! Однакожъ я теперь не совсѣмъ согласенъ и съ „Библіотекою“. Мнѣ кажется, что надо держаться середины...

А. Именно такъ. Середина всего выгоднѣе, по крайней мѣрѣ, для успѣха такихъ литературныхъ произведеній и такихъ журналовъ, которые судьбою поставлены на середину. Побольше такихъ умѣренныхъ людей, какъ вы, — и они всегда будутъ процвѣтать, смѣняя другъ друга, умирая индивидуально, но не переводясь какъ роды и виды... Но, пора обѣдать. Прощайте.

В. Бѣлинскій.

*) **Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя:** *Похожденія Чичикова*, или *Мертвыя Души*. Москва. 1842 г. Въ 8-ю д. л. 19 стр.

Мы ничего не хотѣли было говорить объ этой странной брошюрѣ; но насъ побудили къ этому слѣдующія въ ней строки:

„Мы знаемъ, многимъ покажутся странными слова наши, но мы просимъ въ нихъ вникнуть. Что касается до мнѣнія петербургскихъ журналовъ, очень извѣстно, что они подумаютъ (впрочемъ, исключая, можетъ быть, „Отеч. Зап.“, которыя хвалятъ Гоголя); но не о петербургскихъ журналистахъ говоримъ мы; напротивъ, мы о нихъ и не говоримъ: развѣ въ Петербургѣ можетъ существовать кругъ ихъ дѣятельности!..“

Хоть мы и не имѣемъ никакихъ причинъ особенно горячиться за *всѣ* петербургскіе журналы; но все-таки долгъ справедливости требуетъ замѣтить автору брошюры, что кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ петербургскихъ журналовъ простирается не только на Петербургъ, но и на Москву, и на всѣ провинціи Россіи, куда выписываются они тысячами, и что, наоборотъ, кругъ дѣятельности нѣкоторыхъ московскихъ журналовъ не простирается даже и на Москву, ибо ни найти ихъ тамъ, ни услышать о нихъ тамъ что-нибудь рѣшительно невозможно. Это фактъ, противъ котораго не устоитъ никакое умозрѣніе — ни нѣмецкое, ни московское.

Но и не это обстоятельство заставило насъ говорить о томъ, о чемъ легко можно было умолчать, а снисходительное выключеніе „Отеч. Записокъ“ изъ опалы, подъ которую подпали у строгаго автора петербургскіе журналы. Пожалуй — чего добраго! — найдутся люди, которые заключатъ изъ этого, что „Отеч. Записки“ раздѣляютъ мнѣніе автора брошюры о Гоголѣ и о „Мертвыхъ Душахъ“: вотъ этого-то мы никакъ не хотѣли бы, и желаніе отклонить отъ себя

---

*) „Отечественныя Записки“ 1842 г., т. 23 № 8, „Русская Литература“. Статья В. Бѣлинскаго.

незаслуженную честь участвовать въ ультра-умозрительныхъ московскихъ воззрѣніяхъ на просто-понимаемое нами дѣло побудило насъ взяться за перо. Мысли автора брошюры о Гоголѣ и его твореніяхъ такъ оригинальны, такъ отважны, что едва ли кто-нибудь осмѣлился бы раздѣлить съ нимъ славу ихъ изобрѣтенія.

Итакъ, спѣшимъ объясниться.

„Передъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, является оправданіе цѣлой сферы поэзіи, сферы, давно униженной; древній эпосъ возстаетъ передъ нами“.

Вотъ что прежде всего видитъ авторъ брошюры въ „Мертвыхъ Душахъ“! Дѣло, видите ли, такого рода: перенесенный изъ Греціи на западъ, древній эпосъ тлѣлъ постепенно, и наконецъ, совсѣмъ высохъ, *низойдя* до романовъ, и наконецъ, до крайней степени своего униженія—до французскихъ повѣстей... Но Гоголь спасъ древній эпосъ—и міръ имѣетъ теперь новую „Иліаду“, т.-е. „Мертвыя Души“, и новаго Гомера, т.-е. Гоголя!.. Бѣдный Гоголь!

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!..

Итакъ, эпосъ древній не есть исключительное выраженіе древняго міросозерцанія въ древней формѣ: напротивъ, онъ что-то вѣчное, неподвижно-стоящее, независимо отъ исторіи: онъ можетъ быть и у насъ, и мы его имѣемъ въ „Мертвыхъ Душахъ!..“

Итакъ, эпосъ не развился исторически въ романъ, а *сползъ* до романа!.. Поздравляемъ философское умозрѣніе, плохо знающее фактическую исторію!..

Итакъ, романъ есть не эпосъ нашего времени, въ которомъ выразилось созерцаніе жизни современнаго человѣчества и отразилась сама современная жизнь: нѣтъ, романъ есть искаженіе древняго эпоса!.. Ужъ и современное-то человѣчество не есть ли искаженная Грецiя?.. Именно такъ!..

Но, увы! какъ ни ясны умозрительные доводы автора брошюры, а мы, прозаическіе Петербургцы, все-таки остаемся при своихъ *историческихъ* убѣжденіяхъ, и думаемъ, что Гоголь такъ же похожъ на Гомера, а „Мертвыя Души“

на „Иліаду“, какъ сѣрое петербургское небо и сосновыя рощи петербургскихъ окрестностей на свѣтлое небо и лавровыя рощи Эллады. Далѣе, мы думаемъ, что Гоголь вышелъ совсѣмъ не изъ Гомера и не состоитъ съ нимъ ни въ близкомъ, ни въ дальнемъ родствѣ,—думаемъ, что онъ вышелъ изъ Вальтера-Скотта, изъ того Вальтера-Скотта, который могъ явиться самъ собою, независимо отъ Гоголя, но безъ котораго Гоголь никакъ не могъ бы явиться. Во французской повѣсти мы видимъ не крайнее униженіе древняго эпоса, а просто французскую повѣсть, выраженіе, зеркало французской жизни. Мы даже не видимъ ничего особенно позорнаго и въ нѣмецкихъ повѣстяхъ, часто отражающихъ въ себѣ не сферу дѣйствительной жизни, а химеры фантазіи, испорченной пивомъ, кнастеромъ и филистерствомъ. Что выражаетъ собою духъ всемірно-исторической націи, то не можетъ быть вздоромъ, и та философія, которая называетъ вздоромъ подобныя вещи, сама вздоръ, хотя она была и абсолютная...

Правда, авторъ брошюры, кажется, и самъ смекнулъ, что онъ ужъ слишкомъ занесся, и поспѣшилъ замѣтить, что „Мертвыя Души“ не одно и тоже съ „Иліадою“, ибо-де „само содержаніе кладетъ здѣсь разницу“, но тутъ же, въ выноскѣ, замѣчаетъ онъ: „кто“ знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ“ (стр. 5). На это мы можемъ отвѣчать утвердительно, что какъ бы ни раскрылось оно, какой бы величавый, лирическій ходъ ни приняло оно, вмѣсто юмористическаго,—все таки „Иліада“ будетъ сама по себѣ, а „Мертвыя Души“ будутъ сами по себѣ. „Иліада“ выразила собою содержаніе положительное, дѣйствительное, общее, міровое и всемірно-историческое, слѣдовательно, вѣчное и неумирающее: „Мертвыя Души“, равно какъ и всякая другая русская поэма, пока еще не могутъ выразить подобнаго содержанія, потому что еще негдѣ его взять, а на „нѣтъ“ и суда нѣтъ. Авторъ брошюры видитъ у Гоголя „эпическое созерцаніе, древнее, истинное, то же, какое у „Гомера“: это показываетъ, что онъ совершенно не понялъ пафоса „Мертвыхъ Душъ“ и, обольстив-

шись умозрѣніями собственнаго изобрѣтенія, навязалъ поэмѣ Гоголя значеніе, котораго въ ней вовсе нѣтъ. Напрасно онъ не вникнулъ въ эти глубоко-знаменательныя слова Гоголя: „И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти „объ руку съ моими странными героями, озирать всю гро„мадно-несущуюся жизнь, озирать ее *сквозь видимый миру „смѣхъ и незримыя невидимыя міру слезы*“. („Мертвыя Души“. стр. 258). Въ этихъ немногихъ словахъ высказано все значеніе, все содержаніе поэмы, и намекнуто, почему она названа „поэмою“. Въ смыслѣ *поэмы*, „Мертвыя Души“ діаметрально-противоположны „Иліадѣ“. Въ „Иліадѣ“ жизнь возведена на апоѳеозъ: въ „Мертвыхъ Душахъ“ она разлагается и отрицается: пафосъ „Иліады“ есть блаженное упоеніе, проистекающее отъ созерцанія давно-божественнаго зрѣлища: пафосъ „Мертвыхъ Душъ“ есть юморъ, созерцающій жизнь *сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя невидимыя міру слезы*. Что-же касается до эпическаго спокойствія,—оно совсѣмъ не исключительное качество поэмы Гоголя: это—общее родовое качество эпоса. Романы Вальтера-Скотта и Купера, поэтому, также отличаются эпическимъ спокойствіемъ.

Нельзя безъ улыбки читать 9-ой страницы брошюры, гдѣ авторъ заставляетъ Ахилла новой „Иліады“, *капитальнаго* Чичикова, сливаться съ субстанціональною стихіею русской жизни, въ чемъ бы вы думали? въ любви къ скорой ѣздѣ!.. Итакъ, любовь къ скорой почтовой ѣздѣ вотъ субстанція русскаго народа!.. Если такъ, то конечно почему жъ бы *Чичикову* и не быть Ахилломъ русской „Иліады“, Собакевичу Аяксомъ неистовымъ (особенно во время обѣда), Манилову — Александромъ Парисомъ, Плюшкину — Нестеромъ, Селифану — Автомедономъ, полицеймейстеру, отцу и благодѣтелю города—Агамемнономъ, а квартальному съ пріятнымъ румянцемъ и въ лакированныхъ ботфортахъ —Гермесомъ?.. Въ сравненіяхъ, разсѣянныхъ по поэмѣ Гоголя, авторъ брошюры особенно видитъ сродство его съ Гомеромъ. Но это сродство существуетъ также и между Пушкинымъ и Гомеромъ, что можно *фактически* доказать ссылками на

„Евгенія Онѣгина“ и другія поэмы Пушкина... Думаемъ, что съ этой стороны у Гомера довольно наберется родни.

Говоря о полнотѣ жизни, въ которой изображаетъ Гоголь свои лица, и которая дѣйствительно удивительна, авторъ брошюры не точно выразился, сказавъ, будто „Гоголь не „лишаетъ лицо, отмѣченное мелкостью, низостью, *ни одного* „человѣческаго движенія“: надо было сказать — иногда не лишаетъ какихъ-нибудь человѣческихъ движеній, или что-нибудь подобное. А то, чего добраго! окажется, что и дура Коробочка, и буйволъ Собакевичъ не лишены ни одного человѣческаго чувства и, потому, ничѣмъ не хуже любого великаго человѣка. Напрасно также авторъ брошюры вздумалъ смотрѣть съ участіемъ на глупую и сантиментальную размазню Манилова, когда тотъ идіотски мечтаетъ о томъ, какъ онъ съ Чичиковымъ пьетъ чай на бельведерѣ, съ котораго видна Москва, какъ они съ нимъ пріѣзжаютъ въ какое-то общество въ хорошихъ каретахъ, обворожаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и какъ само высшее начальство, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами... Признаемся, мы читали это со смѣхомъ и безъ всякаго участія къ личности Манилова, можетъ быть, потому именно, что не имѣемъ въ себѣ ничего родственнаго съ такого рода „мечтательными“ личностями.

Далѣе, авторъ брошюры доказываетъ, что такой полноты сознанія, какова у Гоголя, не встрѣтить ни у кого, кромѣ какъ у Гомера и Шекспира. „Да“, говоритъ онъ: „*только* „Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ этою тайною не„куества“. -А Пушкинъ?.. Да куда ужъ тутъ Пушкину, когда Гоголь заставилъ (впрочемъ, безъ всякаго съ своей стороны желанія -мы за это ручаемся) автора брошюры забыть даже о существованіи Сервантеса, Данта, Гете, Шиллера, Байрона, Вальтера Скотта, Купера, Беранже, Жоржа Занда!.. Всѣ они — пасъ передъ Гоголемъ!.. Куда имъ до него! Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь — больше никого мы не хотимъ знать, что ни говори себѣ „неблагонамѣренные“ люди! . Однако жъ авторъ брошюры позволяетъ

Гомеру и Шекспиру стоять подлѣ Гоголя только по *акту созданія*, а по содержанію, онъ ставитъ ихъ выше его. „Въ отношеніи къ акту творчества, въ отношеніи къ полнотѣ самаго созданія—Гомера и Шекспира, *и только* Гомера и Шекспира ставимъ мы рядомъ съ Гоголемъ“. Какіе счастливцы эти Гомеръ и Шекспиръ! И какъ жаль, что Богъ не далъ имъ дожить до такого счастія! „Мы“, говоритъ авторъ брошюры: „далеки отъ того, чтобы унижать колос„сальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту „творчества, *они ниже Гоголя*“ (стр. 15). Но говоря далѣе авторъ брошюры жестоко проговаривается, самъ того не замѣчая, и даетъ намъ прекрасное средство его же орудіемъ сбить построенные имъ карточные домики фантазерскихъ умозрѣній.

„Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ (продолжаетъ авторъ брошюры): поэтъ обладаетъ полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, но во всемъ его совершенствѣ, во всей свободѣ его жизни; другой создастъ великаго человѣка, взявши большое содержаніе, но только помѣтитъ его общими чертами; велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій тайною творчества“ (стр. 15).

Во-первыхъ, разсуждая о дѣлѣ творчества, нечего и говорить о поэтахъ *не* обладающихъ тайною творчества и заставлять ихъ намѣчать общими чертами идеалы великихъ людей; надо великаго поэта противопоставлять великому же поэту. Въ такомъ случаѣ, мы не обинуясь скажемъ, что слегка-намѣченный идеалъ великаго человѣка будетъ болѣе великимъ созданіемъ, нежели во всей полнотѣ и во всей свободѣ жизни воспроизведенный цвѣтокъ. Двѣ стороны составляютъ великаго поэта: естественный талантъ и духъ, или содержаніе. Это-то содержаніе и должно быть мѣриломъ при сравненіи одного поэта съ другимъ. Только содержаніе дѣлаетъ поэта міровымъ:—высшая точка, зенитъ поэтической славы. Прежде, смотря на поэта больше со стороны естественнаго таланта и желая выразить однимъ

словомъ высшее его явленіе, мы думаемъ воспользоваться для этого эпитетомъ „міроваго"; но скоро увидѣвъ, что черезъ это смѣшивается два различныя представленія, мы оставили безразличное употребленіе этого слова. Міровой поэтъ не можетъ не быть великимъ поэтомъ; но великій поэтъ еще можетъ быть и не міровымъ поэтомъ. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ предметѣ; но если вы хотите знать, что такое „міровой" поэтъ, возьмите Байрона хоть въ прозаическомъ французскомъ переводѣ, и прочтите изъ него, что вамъ прежде попадется на глаза. Если вы не падете въ трепетѣ предъ колоссальностію идеи этого страшнаго ученика Руссо, этого глубокаго субъективнаго духа, этого потомка миѳическихъ титановъ, громоздившихъ горы на горы и осаждавшихъ Зевеса на его непреступномъ Олимпѣ, — тогда не понять вамъ, что такое „міровой" поэтъ. Прочтите „Фауста" и „Прометея" Гете, прочтите трепещущія паѳосомъ любви ко всему человѣческому созданія Шиллера, — и вы устыдитесь, что этихъ колоссовъ, идущихъ въ главѣ всемірно-историческаго движенія *цѣлаго человѣчества*, поставили вы ниже великаго *русскаго* поэта... Что же касается до вашего сравненія художественно-созданнаго цвѣтка съ слегка-набросаннымъ идеаломъ великаго человѣка, мы укажемъ вамъ на примѣръ не изъ столь великой сферы.

„Боярин Орша" — Лермонтова произведеніе не только слегка-напечатанное, но даже дѣтское, гдѣ большею частію ложны и нравы и костюмы: но просимъ васъ указать намъ на что-нибудь и побольше цвѣтка, что могло-бы сравниться съ этимъ геніальнымъ очеркомъ. Отчего это? — отъ того, что въ дѣтскомъ созданіи Лермонтова вѣетъ духъ, передъ которымъ потускнѣетъ не одно художественное произведеніе -цвѣтокъ-ли то, или цѣлый цвѣтникъ...

„Итакъ, (продолжаетъ авторъ брошюры), этимъ сравненіемъ (хотя вообще сравненія объясняютъ не полно, но чтобы не писать длинной статьи) надѣемся мы поясннть наши слова: *въ отношеніи къ акту творчества*. Но Боже насъ сохрани, чтобы миніатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было

въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданій Гоголя; мы хотимъ только сказать, что онъ обладаетъ тою же тайною, какою обладали Шекспиръ и Гомеръ, и только они“... „Итакъ, повторимъ наши слова, какъ бы они странны ни казались: только у Гомера и Шекспира можемъ мы встрѣтить такую полноту созданій, какъ у Гоголя: только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь обладаютъ великою, одною и тою же тайною искусства (стр. 15—16).

Положимъ, даже, что все это и такъ, но вотъ вопросъ: что же во всемъ этомъ и чему именно тутъ радоваться?.. Во-первыхъ, еще совсѣмъ не доказанная истина, совсѣмъ не аксіома, что Гоголь, по акту творчества, выше, хоть, напримѣръ, Пушкина, и позволяетъ стоять подлѣ себя только Гомеру и Шекспиру, и мы очень жалѣемъ, что авторъ брошюры не взялъ на себя трудъ доказать это, а ограничился нѣсколькими фразами, вродѣ оракульскихъ. Во-вторыхъ, акта творчества еще мало для поэта, чтобы имя его стало на ряду съ именами Гомера и Шекспира“... Все это ужасно сбивается на риторику и фразы, все это такъ похоже на игру въ эстетическіе каламбуры. Занятіе, конечно, невинное, но и ни къ чему не ведущее, кромѣ профанаціи именно того, что составляетъ предметъ дѣтскаго удивленія. Гдѣ, укажите намъ, гдѣ вѣетъ, въ созданіяхъ Гоголя, этотъ всемірно-историческій духъ, это равно общее для всѣхъ народовъ и вѣковъ содержаніе? Скажите намъ, что бы сталось съ любымъ созданіемъ Гоголя, если бъ оно было переведено на французскій, нѣмецкій или англійскій языкъ? Что интереснаго (не говоря уже о великомъ) было бы въ немъ для француза, нѣмца или англичанина? Гдѣ же права Гоголя стоять на ряду съ Гомеромъ и Шекспиромъ?— Знаете ли, что мы сказали бы на упико всѣмъ умозрителямъ: когда развернешь Гомера, Шекспира, Байрона, Гете или Шиллера, такъ дѣлается какъ-то неловко при воспоминаніи о нашихъ Гомерахъ, Шекспирахъ, Байронахъ, и проч. Вальтеромъ-Скоттомъ тоже шутить нечего: этотъ человѣкъ далъ историческое и соціальное направленіе новѣйшему европейскому искусству.

И, однакожъ, мы сами считаемъ Гоголя великимъ поэтомъ, а его „Мертвыя Души" — великимъ произведеніемъ. Но въ первомъ случаѣ, мы разумѣемъ естественный талантъ, по которому Гоголь, какъ и Пушкинъ, дѣйствительно напоминаютъ собою величайшія имена всѣхъ литературъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя дивиться его умѣнію оживлять все, къ чему ни прикоснется, въ поэтическія образы, его орлиному взгляду, которымъ онъ проникаетъ въ глубину тѣхъ тонкихъ и для простого взгляда не доступныхъ отношеній и причинъ, гдѣ только слѣпая ограниченность видитъ мелочи и пустяки, не подозрѣвая, что на этихъ мелочахъ и пустякахъ, вертится, увы!—цѣлая сфера жизни. Но Гоголь великій русскій поэтъ, не болѣе; „Мертвыя Души" его тоже только для Россіи, и въ Россіи могутъ имѣть безконечно-великое значеніе. Такова, пока, судьба всѣхъ русскихъ поэтовъ; такова судьба Пушкина. Никто не можетъ быть выше вѣка и страны: никакой поэтъ не усвоитъ себѣ содержанія, неприготовленнаго и не выработаннаго исторіей. Немногое, слишкомъ немногое изъ произведеній Пушкина можетъ быть передано на иностранные языки, не утративъ съ формою своего субстанціональнаго достоинства; но изъ Гоголя — едва ли что-нибудь можетъ быть передано. И, однакожъ, мы въ Гоголѣ видимъ болѣе важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ: ибо Гоголь болѣе поэтъ соціальный, слѣдовательно, болѣе поэтъ въ духѣ времени; онъ также менѣе теряется въ разнообразіи создаваемыхъ имъ субъектовъ и болѣе даетъ чувствовать присутствіе своего субъективнаго духа, который долженъ быть солнцемъ, освѣщающимъ созданіе поэта нашего времени. Повторяемъ, чѣмъ выше достоинство Гоголя, какъ поэта, тѣмъ важнѣе его значеніе для русскаго общества, и тѣмъ менѣе онъ можетъ имѣть какое-либо значеніе внѣ Россіи. Но это-то самое и составляетъ его важность, его глубокое значеніе и его—скажемъ смѣло колоссальное величіе для насъ, Русскихъ. Тутъ нечего и упоминать о Гомерѣ и Шекспирѣ, нечего и путать чужихъ въ свои семейныя тайны. „Мертвыя Души" стоятъ „Иліады", но толь-

ко для Россіи: для всѣхъ же другихъ странъ ихъ значеніе мертво и непонятно.

Было время, когда на Руси никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы русскій умъ, русскій языкъ могли на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь легко шла за геніальность на святой Руси, а въ свое русское, хотя бы и отличное высокою даровитостью, презиралось за то только, что оно русское. Время это, славу Богу, прошло, и теперь настало другое, когда намъ уже ни почемъ и Гомеры, и Шекспиры, и Байроны, потому что мы успѣли уже позавестись своими, мы чужихъ ставимъ въ шеренги, словно солдатъ, заставляемъ ихъ маршировать и справа и слѣва, и взадъ и впередъ, благо бѣдняжки молчатъ и повинуются нашему гусиному перу и тряпичной бумагѣ. Но пора кончиться и этому времени, пора бросить эти ребяческія фразы...

Юность не хочетъ и знать этого. Чуть взбредетъ ей въ голову какая-нибудь недоконченная мечта — тотчасъ се на бумагу, съ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ, что эта мечта — аксіома, что міру открыта великая истина, которой не хотятъ признать только невѣжды и завистники... А тамъ, что? Кому суждено возмужать, тотъ потихоньку забудетъ о томъ, о чемъ такъ громко говорилъ прежде, или будетъ самъ смѣяться надъ этимъ, какъ надъ грѣхомъ юности... Но есть люди, которые или навѣкъ остаются дѣтьми, или навѣкъ остаются юношами: ихъ убѣжденіе не слабѣетъ; они продолжаютъ высказывать его съ прежнимъ простодушіемъ, и новыя фантазіи, подобныя прежнимъ, тянутся у нихъ до гроба длинною вереницею, какъ мечты у Манилова, по отъѣздѣ Чичикова...

В. Бѣлинскій

***

*) Въ № 8 „Отечественныхъ Записокъ“ помѣщено возраженіе на брошюрку: **Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя** и пр. Эта брошюрка принадлежитъ мнѣ, и имя мое выста-

*) „Московитянинъ“ 1842 г., часть V, № 9 Статья Константина Аксакова, подъ заглавіемъ: „Объясненіе“

влено въ конецъ, хотя „От. Записки“, неизвѣстно почему, его не упомянули. Мы не знаемъ, какъ и назвать возраженіе „От. Зап.“. — Впрочемъ, чтобы выразиться поучительнѣе, скажемъ, что рецензентъ поступилъ очень *странно*, представивъ статью мою совершенно иначе, нежели какъ она написана; онъ употребилъ къ тому извѣстное въ журналахъ средство: вырывая мѣстами по нѣсколько строкъ и выраженій съ прибавленіемъ собственныхъ замѣчаній; такимъ образомъ возраженіе его можетъ назваться выдумками по случаю такой-то брошюрки. Мы не хотѣли пускаться съ „От. З.“ въ объясненіе смысла словъ нашихъ, ими умышленно или неумышленно искаженнаго; но видя, что много можетъ быть опровергнуто почти одними выписками изъ самой брошюрки, рѣшились сдѣлать послѣднее, не для г. рецензента, а для тѣхъ, которые прочтутъ его возраженіе: хотя, конечно, безъ прочтенія всей брошюрки, это не будетъ имѣть надлежащей полноты. Рецензентъ говоритъ, что я называю Мертвыя Души Иліадой, а Гоголя Гомеромъ: это совершенная неправда. Я именно говорю, что М. Д. не Иліада, предупреждая слова рецензента и ему подобныхъ; говорю, что содержаніе уже кладетъ разницу, что, я думаю, очень важно. Странно то, что рецензентъ самъ замѣнилъ эти мои слова, и думалъ уничтожить ихъ сдѣланной имъ выпиской моей фразы, помѣщенной въ выноскѣ: *кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе М. Д.*? Но слова эти (жаль, что вынужденъ даже толковать о томъ) не значатъ, что здѣсь вновь предстанетъ Греція или подобіе Греціи, но что содержаніе М. Д. можетъ быть велико, можетъ заключать въ себѣ многое, о чемъ большей части людей не входитъ въ голову, особенно тѣмъ, которые въ поэмѣ Гоголя видятъ только забавное или сатирическое. Итакъ, эти слова относятся только къ объему, а не къ характеру содержанія М. Д. Надобно было бы прочесть нѣсколько дальше, и тогда было бы видно, что Гомеромъ Гоголя я не называю, а говорю объ эпическомъ созерцаніи; но не о предметѣ созерцанія, не о Греціи, а также не о томъ, такое ли чудо искусства совер-

нено съ помощью этого великаго созерцанія; однимъ словомъ, вотъ что говорю я: „Только неблагонамѣренные лю„ди могутъ сказать, что мы М. Д. называемъ Иліадой; „мы не то говоримъ: мы видимъ разницу въ содержаніи „поэмъ; въ Иліадѣ является Греція съ своимъ міромъ, со „своею эпохой, и слѣдовательно содержаніе само уже кла„детъ здѣсь разницу; конечно, Иліада, именно эпосъ, такъ „исключительно никогда обнявшій все, не можетъ повто„риться, но эпическое созерцаніе, это говоримъ мы прямо, „эпическое содержаніе Гоголя — древнее, истинное, то же, „какое и у Гомера, и только у одного Гоголя видимъ мы „это созерцаніе" и проч... Но, или эти слова показались рецензенту слишкомъ ясными, или искушеніе вскрикнуть съ изумленіемъ: посмотрите, Гоголя называютъ Гомеромъ, — было такъ велико, что онъ именно сдѣлалъ то, что я устранялъ заранѣе въ той же самой брошюркѣ. И такъ, гдѣ же я назвалъ М. Д. Иліадой, а Гоголя Гомеромъ? Я сказалъ, что эпическое созерцаніе то же, т. е. также оно просто, также видитъ все до послѣдней подробности, и также не линяетъ предметъ никакой бездѣлицы, ни искры жизни, какая въ немъ только можетъ находиться. Содержаніе созерцанія — другое: и вмѣстѣ съ тѣмъ та же творческая сила является въ наше время иначе, современно опредѣленною, нежели какъ она была въ другое особенно опредѣленное время. Рецензентъ пропустилъ слова мои, *что М. Д. въ то же время явленіе въ высшей степени свободное и современное.*

Но нѣтъ ли чего-нибудь далѣе, что дало право рецензенту приписать мнѣ не мои мнѣнія? Посмотримъ.

Далѣе, я ставлю Гомера, Шекспира и Гоголя вмѣстѣ, но *въ какомъ отношеніи?* — вотъ, что надо было замѣтить. Впрочемъ, я также предвидѣлъ недоразумѣніе и также старался отвратить его, сказавъ: *въ отношеніи къ акту творчества*. Наговорившись, изъявивъ и изумленіе и ужасъ отъ такого дерзкаго мнѣнія, рецензентъ, подъ конецъ, какъ будто разглядѣлъ сказанныя выше слова мои, и что же? — говоритъ: что обладать такимъ актомъ творчества

еще не много значитъ, что почему тутъ радоваться. — Съ этого и слѣдовало бы начать, и сказать въ началѣ, а не на концѣ, какъ онъ сдѣлалъ, что авторъ брошюры ставитъ Гомера, Шекспира и Гоголя въ отношеніи къ акту творчества (а не къ содержанію) наравнѣ, и что, если это еще и такъ, то, по мнѣнію рецензента, это даже и не много значитъ, ибо главное—содержаніе. Гдѣ же тогда все пугающее, отважное, возмущающее въ моемъ мнѣніи: все это уничтожается само собою. Рецензентъ можетъ предположить, что я самый актъ творчества, и слѣдовательно, средство въ отношеніи къ нему, ставлю гораздо выше, нежели онъ, и не ошибется, ибо здѣсь я вижу огромную силу, которая совершаетъ много и совершитъ еще болѣе, но не думаю, говоря это, нисколько унижать или уничтожать содержаніе: — я почитаю содержаніе существеннымъ условіемъ, если говорю про него, упоминая о другихъ поэтахъ; изъ всѣхъ словъ моихъ видно, что я понимаю его какъ необходимую основу, какъ необходимый элементъ, отъ котораго зависитъ объемъ творческой дѣятельности, но въ то же время знаю, что одно содержаніе, какъ бы всемірно и велико оно ни было, ничего не значитъ въ области искусства, точно такъ же, какъ и одинъ актъ творчества не составляетъ поэта. Если бы я сказалъ, что поэтъ весь состоитъ изъ самаго акта творчества, и уничтожилъ бы содержаніе, сказавъ, что до содержанія и дѣла нѣтъ, тогда могли бы От. З. провозгласить, что я просто только Гомера и Шекспира ставлю рядомъ съ Гоголемъ; но этого-то и не было сказано, и журналъ не имѣлъ права приписывать мнѣ не мое мнѣніе. Вотъ слова мои: „Мы далеки отъ того, чтобы унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ отношеніи къ акту созданія, они ниже Гоголя. Развѣ не можетъ быть такъ, напримѣръ: поэтъ, обладающій полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, другой создастъ великаго человѣка, велико будетъ дѣло послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ той полнотѣ и живости, какую дастъ поэтъ, обладающій тайною творчества“.

Итакъ, сказано ли здѣсь, что другіе поэты ниже Гоголя, какъ приписали мнѣ эти слова От. З.? какъ будто я не указалъ сейчасъ на отношеніе, въ которомъ, по моему мнѣнію, они его ниже, и которое сейчасъ уничтожаетъ всю рѣзкость и странность фразы. Я и не сравнивалъ ихъ даже, и сказалъ (и разумѣется, вновь повторяю), что того акта творчества, или выражаясь хотя и не точнѣе, но попроще: той живописи образовъ, какая является у Гоголя (не говоря, какіе эти образы), я не встрѣчаю у другихъ поэтовъ, кромѣ Гомера и Шекспира; слѣдовательно, я не просто сравниваю и равняю ихъ, какъ поэтовъ (какъ вздумали было выставлять От. З.), а въ сказанномъ нами отношеніи, что выходитъ совсѣмъ не то. Великихъ поэтовъ я не забылъ; они, можетъ быть, близки мнѣ, какъ и всякому другому, я постоянно вижу всю огромность ихъ содержанія, великость задачъ и геніи ихъ поэтическій (только, конечно, Жоржъ Зандъ никакъ сюда не входитъ, ни безусловно, ни условно); но той полноты и конкретности образовъ, того безпристрастія художническаго у нихъ нѣтъ. Что касается до поэтической дѣятельности Гоголя, то, конечно, какъ я сказалъ, сравненіе съ цвѣткомъ не можетъ служить для него мѣриломъ; само содержаніе велико, но я этого только коснулся, и, конечно, не здѣсь распространюсь о томъ. Я обратилъ вниманіе и говорилъ собственно объ этой полнотѣ самаго созданія, объ этомъ чудѣ акта творчества, которыя встрѣчаю, кромѣ Гомера и Шекспира, только у Гоголя, — и вотъ слова мои: „И точно созерцаніе „Гоголя таково (не говоря вообще о его характерѣ), что „предметъ является у него, не теряя нисколько ни одно„го изъ правъ своихъ, является съ тайною своей жизни, „одному Гоголю доступною; его рука переноситъ въ міръ „искусства предметъ, не измявъ его нисколько: пѣлъ, „свободно живетъ онъ тамъ, еще выше поставленный: не „видать на немъ слѣдовъ его перенесшей руки, и потому „узнаешь ее. Всякая вещь, которая существуетъ, уже по „этому самому имѣетъ жизнь, интересъ жизни, какъ бы „легка она ни была; но достиженіе этого доступно только

„такому художнику, какъ Гоголь; въ самомъ дѣлѣ все, и „муха, надоѣдающая Чичикову, и собаки, и дождь, и ло„шади отъ засѣдателя до чубараго, и даже бричка, — все „это со всею своею тайною жизни, имъ постигнуто и пе„реведено въ міръ искусства (разумѣется, творчески созда„но, а не описано, Боже сохрани: всякое описаніе сколь„зитъ только по поверхности предмета) и опять, только у „Гомера можно найти такое творчество.... Однимъ словомъ, „вездѣ у Гоголя такое совершенное отсутствіе всякой от„влеченности, такая всесторонность, истина, и вмѣстѣ та„кая полнота жизни, не теряющей ни малѣйшей частицы „своей, отъ явленій природы: мухи, дождя, листьевъ до че„ловѣка, — какая составляетъ тайну искусства, открываю„щуюся очень немногимъ“.

Относительно же акта творчества, скажемъ еще, что мы считаемъ его великою силою, основнымъ элементомъ поэта, и содержаніе, условливающее объемъ его (такъ послѣднее растеніе и человѣкъ равны въ отношеніи къ акту творчества, и разны въ отношеніи къ объему и содержанію), и развивающее его мощь, одно, безъ него ничего не значитъ, и будетъ похоже на надпись или титулъ на произведеніи, когда не воплотится въ него, не конкретируется. Но объ этомъ мы совѣтовали бы прочесть Шиллера über die aestetische Erziehung, хоть во французскомъ переводѣ. Извѣстно, какъ истинны и какъ оправданы дальнѣйшимъ развитіемъ мышленія его эстетическіе взгляды: въ этомъ сочиненіи увидали бы, какъ великій поэтъ (нами нисколько не позабытый) глубоко и вѣрно смотритъ на значеніе содержанія одного, и на значеніе его художественнаго воплощенія. Явленіе же такой полноты художественнаго воплощенія, такого совершенства созданія, какое находимъ у Гоголя, считаемъ мы важнымъ явленіемъ не только у насъ, но и вообще въ сферѣ искусства. Тѣмъ болѣе важно и велико послѣднее его произведеніе: тайна русской жизни, думаемъ мы, заключена въ немъ, и мы многое увидимъ и узнаемъ и почувствуемъ, чего не видали и не знали и не чувствовали. Но оно важно и въ другомъ

отношеніи: это поэма, ибо въ ней я вижу эпическое созерцаніе и эпическое повѣствованіе; не анекдотъ и не интригу, но цѣлый, полный, опредѣленный міръ, разумѣется, съ лежащимъ въ немъ глубокимъ значеніемъ, стройно представляющій — то, чего я не вижу въ романахъ и повѣстяхъ. Только не читавшій Гоголя не знаетъ, что у него есть юморъ, и что этого юмора нѣтъ у Гомера. Здѣсь объяснимъ мы слова, которыя такъ смутили рецензента. Юморъ, въ наше время есть то, что необходимо сопровождаетъ самое полное и спокойное созерцаніе поэта, и у Гоголя онъ находился съ самаго начала его дѣятельности: но это не тотъ юморъ, который выдаетъ, выставляетъ субъектъ, уничтожая дѣйствительность (чему примѣровъ можно много найти между знаменитыми произведеніями), но тотъ, который сливаетъ субъектъ и дѣйствительность, сохраняя и тотъ и другую, такъ что не мѣшаетъ видѣть поэту всѣ бездѣлицы до малѣйшей, и, сверхъ того, во всемъ ничтожномъ умѣть свободно находить живую сторону. Это умѣнье все видѣть и во всемъ находить живую сторону (чего мы не находимъ ни въ какихъ романахъ и повѣстяхъ) принадлежитъ собственно Гоголю, и явно свидѣтельствуетъ о характерѣ его созерцанія, эпическаго, древняго, истиннаго, но въ XIX вѣкѣ и въ Россіи, *свободнаго и современнаго* (какъ сказано у меня), и потому непремѣнно проникнутаго такимъ юморомъ, который нисколько его не стѣсняетъ. Почему въ Россіи возникло такое явленіе, которое (мы выше сказали яснѣе, въ какомъ отношеніи) важно въ самой сферѣ искусства, все это дальнѣйшее объясненіе отстранили мы и въ брошюркѣ, какъ очень обширный предметъ. Еще нѣсколько словъ о юморѣ. Отнимите у эпическаго созерцанія прекрасную жизнь, съ которой нѣкогда прямо соединялось оно, представьте предъ нимъ современную жизнь, уже не прекрасную, уже опустѣвшую: ибо перешагнули за нее, перешагнувъ за сферу художественной красоты, интересы человѣка, и глубокое созерцаніе поэта необходимо приметъ юморъ, то посредствующее, что одно можетъ соединять его еще съ жизнью

(безъ чего бы оно отворотилось и закрыло глаза, да позволено будетъ это выраженіе), приметъ юморъ, *но вмѣстѣ съ нимъ сохраняя въ себѣ свой характеръ всеобщности и, въ то же время, свою справедливость къ жизни, умѣя везде находить ее сквозь юморъ*. Только при послѣднихъ условіяхъ эпическое созерцаніе полно, истинно, и вмѣстѣ можетъ быть современно, ибо характеръ его не препятствуетъ современному опредѣленію, и мы въ такомъ видѣ находимъ его у Гоголя. Но рецензентъ, кажется, этого не замѣтилъ и не находитъ, изъ чего и ясно, что Маниловъ, лицо, въ которомъ, какъ и во всѣхъ лицахъ Гоголя (я указалъ въ брошюркѣ на многія) есть своя сторона жизни, произвелъ въ немъ только смѣхъ, ибо „онъ не имѣетъ въ себѣ ничего родственнаго съ такого рода мечтательными личностями“, и наоборотъ, изъ его же мнѣнія о Маниловѣ заключаемъ мы, что онъ не видитъ великаго достоинства Гоголя вездѣ находить ткань жизни, въ какую бы грязь и тину она ни запряталась.

Отъ. З. выводятъ изъ моихъ словъ (какъ? это имъ только извѣстно), что міръ есть искаженная Греція. Удивительно! Кажется, мысль о движеніи человѣчества впередъ уже не новость. Отъ. З. говорятъ, что я романъ и повѣсть считаю искаженіемъ эпоса: но вотъ, что я говорю въ выноскѣ, что поясняетъ удовлетворительно смутившія ихъ слова: „Романы и повѣсти имѣютъ свое значеніе, свое мѣсто „въ исторіи искусства поэзіи; но предѣлы нашей статьи „не позволяютъ намъ распространяться объ этомъ предметѣ и объяснить ихъ необходимое явленіе, и вмѣстѣ „ихъ смыслъ и степень ихъ достоинства въ области по„эзіи при ея историческомъ развитіи“. Сверхъ того, кажется, рецензентъ слово *эпосъ* смѣшалъ совершенно съ Иліадой.

Вотъ еще странное обвиненіе: рецензентъ говоритъ, что будто бы я любовь къ скорой ѣздѣ называю субстанціею русскаго народа. Это буквально не правда: у меня есть выраженіе *субстанціальное чувство*, что, надѣюсь, не субстанція. Потомъ и здѣсь рецензентъ не хотѣлъ понять,

что я не просто о скорой ѣздѣ говорю; по желѣзной дорогѣ ѣдешь скорѣе, но не это любитъ русскій человѣкъ. Онъ любитъ скорую ѣзду со всей ея обстановкой, какъ она у насъ бываетъ: русскую скорую ѣзду, то есть, тройку, „нехитрый дорожный снарядъ", который „не желѣзнымъ схваченъ винтомъ ямщика, не въ нѣмецкихъ ботфортахъ, „а который борода да рукавицы и сидитъ, чортъ знаетъ „на чемъ": и такъ вотъ какую русскую скорую ѣзду, со всѣмъ ея живымъ образомъ, разумѣю я; и въ такомъ случаѣ, пускай страницы самого автора говорятъ за меня, пусть прочтутъ тамъ, что такое эта русская ѣзда и эта тройка. Есть одно странное обстоятельство въ рецензіи: тамъ выписываются изъ моей брошюрки, разумѣется, отрывочно, иногда такія слова, которыя сами опровергаютъ рецензента; но не смущаясь, продолжаетъ онъ выводить далѣе, что ему угодно, такъ, что всякій подумаетъ, что вѣрно все остальное, имъ не выписанное, дастъ право ему такъ говорить. Вотъ примѣръ, довольно любопытный. Выписавъ слова мои, гдѣ я ставлю Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ въ отношеніи *къ акту творчества*, рецензентъ говоритъ, возражая мнѣ:

„Акта творчества еще мало для поэта, чтобы имя его „стало на ряду съ именами Гомера и Шекспира". (О. З., № 8, стр. 50). Но я именно говорю, что они стоятъ рядомъ только въ отношеніи къ акту творчества: и основываясь на этомъ, иду далѣе, ограничиваясь только актомъ творчества, которыи, по тому самому, что я въ отношеніи къ нему только ставлю Гоголя наравнѣ съ Гомеромъ и Шекспиромъ,—считаю я слѣдовательно недостойнымъ, чтобы имя перваго поставить на ряду съ именами послѣдпихъ. Что жъ послѣ этого фраза рецензента? Куда она направлена? Первыми двумя словами выразилъ онъ всю мою мысль и говоритъ далѣе противъ вымышленнаго какого-то мнѣнія *).

*) Если бы рец. хотѣлъ въ одно и то же время сохранить смыслъ мною сказаннаго и оборотъ своей фразы, онъ долженъ бы былъ сказать: Равенъ съ Гомеромъ и Шекспиромъ въ отношеніи къ акту творчества не далъ еще права ставить наравнѣ съ Гомеромъ и Шекспиромъ въ отношеніи къ акту творчества. Фраза уничтожается сама собою.

Кажется, рецензентъ здѣсь запутался немного и, кажется, замѣтилъ это, назвавъ слова мои похожими на игру въ эстетическіе каламбуры: ну, что касается до этого, то у всякаго свое мнѣніе; и мы не виноваты, что рецензентъ находитъ эстетическіе каламбуры тамъ, гдѣ другіе найдутъ другое. Мы, признаемся, съ любопытствомъ смотрѣли, какъ смѣло искажались и почти изобрѣтались намъ приписываемыя мысли: какъ, несмотря на выписку, говорилось именно то, что уничтожалось выпискою. Это показываетъ опытность въ журнальномъ дѣлѣ, которая во всякомъ случаѣ удивительна *).

Одно наше примѣчаніе, могущее бы очень во многомъ остановить рецензента, пропущено имъ, кажется, вовсе; вотъ оно: „Такіе тѣсные предѣлы не позволяютъ намъ „сказать о многомъ, развить многое, и дать заранѣе пол„ныя объясненія на недоумѣнія и вопросы, могущіе воз„никнуть при чтеніи нашей статьи. Но надѣемся, что они „разрѣшатся сами собою“.

Но у рецензента не было ни недоумѣній ни вопросовъ; онъ сейчасъ рѣшительно не понялъ, въ чемъ дѣло. Сравненіе Чичикова съ Ахилломъ, полицеймейстера съ Агамемнономъ и пр. принадлежитъ остроумію рецензента. Рецензентъ говоритъ: Русскій не можетъ быть теперь міровымъ поэтомъ. Этотъ вопросъ прямо соединяется съ другимъ: надобно говорить о значеніи Русской Исторіи, современномъ всемірно-историческомъ значеніи Россіи, о чемъ мы съ петербургскими журналами говорить, конечно, не будемъ, но относительно чего могутъ быть написаны цѣлыя сочиненія и книги, и тоже, конечно, ужъ не для петербургскихъ журналистовъ.

Довольно. Возраженіе наше не полно, но оно и такъ пространнѣе, нежели мы хотѣли. Главное наше мнѣніе

*) Впрочемъ, удивленіе наше разрѣшилось. Въ № 9 О. З. (стр. 33) прочли мы слѣдующее: „попробуйте выдумать на кого угодно смѣшную клѣвету—всѣ расхохочутся, и никто не захочетъ наводить справки, правду вы сказали или ложь“. О. З намекаетъ на другіе журналы, но объясняютъ намъ въ то же время и самихъ себя.

сказано въ брошюркѣ (которую мы здѣсь вновь готовы повторить отъ слова до слова), думаемъ довольно понятно для тѣхъ, которые хотятъ или могутъ понять. — Брошюрка все брошюрка, не болѣе, и такъ мы оставляемъ всѣ дальнѣйшія объясненія; если О. З. вздумаютъ (чего мы не предполагаемъ) возражать намъ еще, мы отвѣчать ничего ни въ какомъ случаѣ не будемъ.

Остальная часть рецензіи состоитъ изъ однихъ остроумныхъ выходокъ, напр.: прибавленіе вносной русской частицы *же*, выраженія: *было, видите, вотъ какъ было*, и пр. въ такомъ же родѣ.

Наконецъ, прибавимъ только одно: мы съ охотою выполняемъ желаніе О. З. и уничтожаемъ тѣ слова наши, въ которыхъ исключали ихъ изъ кучи петербургскихъ журналовъ. Напрасно, впрочемъ, такъ обидѣлись О. З.; мы никогда, да и здѣсь не отдѣляли ихъ вообще отъ другихъ петербургскихъ журналовъ, а сказали, что, *можетъ быть*, придется ихъ исключить въ настоящемъ случаѣ, и это исключеніе само собою уничтожается теперь. Скажемъ же ясно, что мы думаемъ и всегда думали о петербургскихъ журналахъ: всѣ эти несогласія мнѣній, всѣ эти брани и междоусобія, все это такъ, внѣшнее различіе, разнообразіе — въ сущности же духъ и свойство всѣхъ петербургскихъ журналовъ (не исключая, разумѣется, О. З.) совершенно одни и тѣ же.

Константинъ Аксаковъ.

***

*) **Объясненіе на объясненіе** по поводу поэмы Гоголя „*Мертвыя Души*“.

Изъ множества статей, написанныхъ въ послѣднее время о „Мертвыхъ Душахъ“, или по поводу „Мертвыхъ Душъ“, особенно замѣчательны четыре. Ихъ нельзя не раздѣлить на двѣ половины, попарно. Каждая изъ двухъ статей въ парѣ составляетъ рѣзкій контрастъ: на каждую можно смо-

*) „Отечественныя Записки“ 1842 г., т. 25, № 11. Статья В. Бѣлинскаго.

трѣть, какъ на крайнюю противоположность другой паръ. О первой изъ нихъ мы упоминали въ предыдущей книжкѣ „Отечеств. Записокъ", какъ о единственной хорошей статьѣ изъ всѣхъ, написанныхъ по поводу поэмы Гоголя. Она напечатана въ третьей книжкѣ „Современника". Эта статья умная и дѣльная сама-по-себѣ, безотносительно; но кто-то, вѣроятно, безъ всякаго умысла, а спроста и невинно, сдѣлалъ рѣзче ея достоинство и выше ея цѣну, написавъ къ ней нѣчто въ родѣ антипода и назвавъ свое посильное писаніе *критикою* на „Мертвыя Души". Смыслъ этой „критики" находится въ обратномъ отношеніи къ смыслу статьи „Современника". Боже мой, сколько курьезнаго въ этой „критикѣ"! Довольно сказать, что въ ней Селифанъ названъ представителемъ неиспорченной русской натуры, Ахилломъ новой „Иліады", на томъ основаніи, что онъ а) пріятельски разговариваетъ съ лошадьми, и б) напивается мертвецки со всякимъ хорошимъ, т. е. всегда готовымъ мертвецки напиться, человѣкомъ... По этому, можно судить и о прочемъ, чѣмъ такъ необыкновенно-замѣчательна „критика", о которой мы говоримъ... Другую пару рѣзкихъ противоположностей составляютъ: статья въ „Библіотекѣ для Чтенія" и московская брошюрка „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя. Похожденія Чичикова или „Мертвыя Души". Статья „Биб. для Чтенія" была неудачнымъ усиліемъ втоптать въ грязь великое произведеніе натянутыми и умышленно-фальшивыми нападками на его, будто бы, безграмотность, грязность и эстетическое ничтожество. Всѣмъ извѣстно, что эта статья добилась совсѣмъ не тѣхъ результатовъ, о которыхъ хлопотала.

Брошюрка—антиподъ этой статьи—пошла отъ противоположной крайности: въ ней „Мертвыя Души" являются вторымъ твореніемъ послѣ „Иліады", а подлѣ Гоголя позволяется становиться только Гомеру и Шекспиру...

Но „Мертвыя Души" и безъ всякихъ претензій становиться на ряду съ „Иліадою" имѣютъ великое достоинство: отъ того-то онѣ устояли не только противъ статьи „Библ. для Чтенія", но что было гораздо труднѣе и противъ мо-

ковской брошюры... Къ поэмѣ Гоголя, стало-быть, нельзя примѣнить этихъ стиховъ Пушкина:

Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ:
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ не даромъ вспомнилъ я.

Мы раздѣлили эти четыре статьи на двѣ пары, основываясь на противоположности ихъ достоинствъ и исходныхъ пунктовъ: теперь раздѣлимъ ихъ по тождеству достоинства и взглядовъ ихъ. По послѣднему раздѣленію, останутся только двѣ статьи, ибо статья „Современника“, въ такомъ случаѣ будетъ безъ пары, какъ статья умная и дѣльная; статья „Биб. для Чтенія“ тоже будетъ безъ пары, какъ протестація противъ огромнаго успѣха яркаго таланта. Итакъ, остаются только двѣ статьи: та, въ которой Селифанъ торжественно признанъ представителемъ „неисporченной русской натуры“, и московская брошюрка: объ онѣ много имѣютъ между собою общаго и родственнаго. Но объ этомъ послѣ, а сперва замѣтимъ, мимоходомъ, что намъ много даютъ работы и бранныя и хвалебныя статьи о „Мертвыхъ Душахъ“. Такъ какъ эти хвалебныя статьи больше оскорбляютъ людей безпристрастныхъ и благомыслящихъ, то ихъ-то мы и поставляемъ себѣ за обязанность преслѣдовать преимущественно передъ бранными.

Вслѣдствіе этого, въ 9-й книжкѣ „Отеч. Записокъ“ была высказана, прямо и опредѣлительно, горькая истина московской брошюрѣ „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“. Это крайне не понравилось автору ея, г. Константину Аксакову,—и вотъ онъ, въ 9-мъ № „Москвитянина“, напечаталъ противъ насъ возраженіе, въ которомъ силится доказать, что будто бы мы умышленно исказили смыслъ его брошюры и приписали ему такія мнѣнія, которыхъ онъ не можетъ признать своими. Стоитъ только перечесть или нашу рецензію или брошюру г. Константина Аксакова, чтобъ убѣдиться, что мы нисколько не перетолковывали дѣла, но пред-

ставили его такимъ, какъ оно есть, и что оттого оно и приняло нѣсколько комическій характеръ. Возраженіе автора брошюры также можетъ служить нашимъ оправданіемъ, ибо въ немъ-то и перешачено дѣло: авторъ брошюры, замѣтивъ неловкость своего положенія, прибѣгнулъ къ обыкновенной, но неловкой литературной уверткѣ, отперся отъ части своихъ мыслей и много наговорилъ о томъ, что, по его мнѣнію, могло служить ему оправданіемъ, умолчавъ о немногомъ, составляющемъ сущность его брошюры и придавшемъ ей такой комическій характеръ. Объясняемся, не ради г. Константина Аксакова, котораго ни брошюра ни возраженіе не стоятъ большихъ хлопотъ; но ради важности предмета, подавшаго поводъ къ тому и другому. Впрочемъ, если наше объясненіе будетъ полезно и для г. Константина Аксакова, мы будемъ этому очень рады, ибо не имѣемъ никакихъ причинъ не желать добра ни ему ни кому другому.

Г. Константинъ Аксаковъ начинаетъ свое „Объясненіе" тѣмъ, что брошюра (имя рекъ) принадлежитъ ему, и что въ концѣ ея выставлено его имя, которое, *неизвѣстно почему*, не упомянуто „Отеч. Записками" Признаемъ справедливость претензіи г. Константина Аксакова, и чтобы загладить нашу вину передъ нимъ, касательно умолчанія его имени, будемъ, въ этой статьѣ, какъ можно чаще употреблять его. Впрочемъ, не желая оставлять г. Константина Аксакова въ неизвѣстности о причинѣ умолчанія его имени въ рецензіи, спѣшимъ объяснить, что мы не упомянули этого имени по чувству гуманной деликатности, будучи увѣрены, что имя человѣка и неудачная статья — не одно и то же, ибо и умный, порядочный человѣкъ можетъ написать (и даже напечатать) плохую брошюру. По тому же самому чувству гуманной деликатности, мы не хотѣли (хотя бы и слѣдовало это сдѣлать по требованію истины) замѣтить въ нашей рецензіи, что брошюра г. Константина Аксакова вся состоитъ изъ сухихъ, абстрактныхъ построеній, лишенныхъ всякой жизненности, чуждыхъ всякаго непосредственнаго созерцанія, и что, по-

этому, въ нея нѣтъ ни одной яркой мысли, ни одного теплаго, задушевнаго слова, которыми ознаменовываются первыя и даже самыя неудачныя попытки талантливыхъ и пылкихъ молодыхъ людей, и что, потому же, въ ея изложеніи видна какая-то вялость, расплывчатость, апатія, неопредѣленность и сбивчивость.

Главное обвиненіе г. Константина Аксакова противъ насъ состоитъ въ томъ, что, будто-бы мы заставили его называть „Мертвыя Души“ *Иліадою*, а Гоголя—*Гомеромъ*. Чтобъ отстранить отъ себя нашу улику, онъ ссылается на свою брошюру и дѣлаетъ изъ нея выписки; но все это нисколько не поможетъ горю. Г. Константинъ Аксаковъ дѣйствительно не называлъ „Мертвыхъ Душъ“ *Иліадою*, а Гоголя—*Гомеромъ*: такихъ словъ нѣтъ въ его брошюрѣ; но онъ поставилъ „Мертвыя Души“ на одну доску съ „Иліадою“, а Гоголя на одну доску съ Гомеромъ: вотъ что правда, то правда! Ибо какъ же иначе, если не въ такомъ смыслѣ, можно понимать эти слова брошюры (о которыхъ г. Константинъ Аксаковъ какъ-будто и забылъ, и надо согласиться, что въ этомъ случаѣ память очень *кстати* измѣнила ему):

„Такъ глубоко значеніе, являющееся намъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголя! Передъ нами возникаетъ новый характеръ созданія, *является образецъ цѣлой сферы поэзіи*, сферы давно унижаемой; *древній эпосъ возстаетъ предъ нами*“.

Это значитъ ни больше ни меньше, какъ то, что давно унижаемый эпосъ Гомера вновь воскресенъ Гоголемъ, и что „Мертвыя Души“, *слѣдовательно*, вторая „Иліада“!!..

Еще разъ спрашиваемъ: можно ли иначе понять эти слова г. Константина Аксакова? Онъ жалуется, что мы, по обыкновенію журналистовъ, имѣющихъ въ виду уронить непріятное имъ произведеніе, вырывали мѣстами по нѣскольку строкъ изъ его брошюры, прибавляя къ нимъ собственныя замѣчанія. Но неужели же мы должны были выписывать все? Это значило бы украсить нашъ журналъ брошюрою г. Константина Аксакова, на что мы не имѣли

ни права ни охоты. И такъ, мы выписали изъ брошюры только тѣ строки, въ которыхъ заключались ея основныя положенія. Такъ сдѣлаемъ мы и теперь. Послѣ выписанныхъ строкъ, намъ надо было бы перепечатать теперь нѣсколько страницъ; но это было бы скучно и для насъ и для читателей, и потому мы только *перескажемъ* содержаніе этихъ нѣсколькихъ страницъ, непосредственно слѣдующихъ за выписанными нами строками. Сперва авторъ брошюры характеризуетъ древній эпосъ тѣмъ, что этотъ эпосъ „основанъ былъ на глубокомъ простомъ созерцаніи и обнималъ собою цѣлый опредѣленный міръ во всей неразрывной связи его явленій“, что въ немъ все на своемъ мѣстѣ, всякій предметъ переносится въ него съ его правами, съ таинствомъ его жизни, и т. п. Все это и не ново, и во всемъ этомъ нѣтъ никакой опредѣленности... Потомъ, авторъ брошюры говоритъ, что этотъ эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, мелѣлъ. „*снизошелъ до романовъ и, наконецъ, до крайней степени своего униженія, до французской повѣсти.* — И вдругъ, среди этого времени, возникаетъ древній эпосъ съ своею глубиною и простымъ величіемъ —является поэма Гоголя. Тотъ же глубокопроникающій и всевидящій эпическій взоръ, то же всеобъемлющее эпическое созерцаніе“. — „Въ поэмѣ Гоголя является намъ тотъ древній, гомеровскій эпосъ; въ ней возникаетъ вновь его важный характеръ, его достоинство и широкообъемлющій размѣръ“.

Теперь дѣло ясно: эпосъ есть что-то великое: онъ вполнѣ выразился въ созданіяхъ Гомера („Иліадѣ“ и „Одиссеѣ“); но со временъ Гомера до Гоголя (до 1842 года по Р. Хр.) все мелѣлъ и искажался: Гоголь же вновь воскресилъ его во всей его первобытной красотѣ и свѣжести...

Неужели и теперь г. Константинъ Аксаковъ *отопрется* отъ своихъ словъ, явно написанныхъ имъ сгоряча и необдуманно (ибо въ спокойномъ состояніи духа такихъ вещей не говорятъ) и будетъ стараться дать имъ другое значеніе? Нѣтъ, улика на лицо, и тутъ не помогутъ никакія увертки...

Правда, древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, точно мелѣлъ и искажался; но въ чемъ? — въ такъ называемыхъ эпическихъ поэмахъ — въ „Энеидѣ“, „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, „Потерянномъ Раѣ“, „Мессіадѣ“ и проч. *). Всѣ эти поэмы имѣютъ свои неотъемлемыя достоинства, но какъ частности и отдѣльныя мѣста, а не въ цѣломъ; ибо онѣ не самобытныя созданія, которымъ бы современное содержаніе дало и современную форму, а подражанія, явившіяся вслѣдствіе школьно-эстетическаго преданія объ „Иліадѣ“, преданія, гдѣ „Иліада“ была смѣшана и отождествена съ родомъ поэзіи, къ которому она принадлежитъ. И вотъ древне-эллинскій эпосъ, перенесенный на Западъ, дошелъ до крайняго своего униженія въ „Генріадахъ“, „Россіадахъ“, „Петріадахъ“, „Александроидахъ“, и другихъ „идахъ“, „адахъ“, „ядахъ“; сюда же должно отнести и такія уродливыя произведенія, какъ „Телемакъ“ Фенелона, „Гонзальвъ Кордуанскій“ Флоріана, „Кадмъ и Гармонія“, и „Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи“ Хераскова и проч. Если бъ г. Константинъ Аксаковъ это разумѣлъ подъ искаженіемъ на Западѣ древняго эпоса, — мы совершенно съ нимъ согласились бы, потому что это фактъ, историческій фактъ, противъ котораго нечего сказать. Но въ такомъ случаѣ, онъ долженъ бы былъ принять за основаніе, что древне-эллинскій эпосъ и не могъ не исказиться, будучи перенесенъ на Западъ, особенно въ новѣйшія времена. Древне-эллинскій эпосъ могъ существовать только для древнихъ Эллиновъ, какъ выраженіе *ихъ* жизни, *ихъ* содержанія въ *ихъ* формѣ. Для міра же новаго его нечего было и воскрешать, ибо у міра новаго есть своя жизнь, свое содержаніе и своя форма, слѣдовательно, и свой эпосъ. И эпосъ новаго міра явился преимущественно въ романѣ, котораго главное отличіе отъ древне-эллинскаго эпоса, кромѣ христіанскихъ и другихъ элементовъ новѣйшаго міра, составляетъ еще и *проза жизни*, вошед-

*) Изъ этихъ поэмъ должно исключить Divina Comedia Данте, какъ твореніе самобытное, совершенно въ духѣ католической Европы среднихъ вѣковъ.

шая въ его содержаніе и чуждая древне-эллинскому эпосу. И потому романъ отнюдь не есть искаженіе древняго эпоса, но есть эпосъ новѣйшаго міра, исторически возникшій и развившійся изъ самой жизни и сдѣлавшійся ея зеркаломъ, какъ „Иліада“ и „Одиссея“ были зеркаломъ древней жизни. Г. Константинъ Аксаковъ умолчалъ о романѣ, сказавъ только, и то въ выноскѣ, что конечно и романъ и повѣсть имѣютъ-де *свое* значеніе и *свое* мѣсто въ исторіи искусства поэзіи; но что предѣлы статьи его не позволяютъ ему распространяться о нихъ. Въ-первыхъ, эта выноска явно противорѣчитъ съ текстомъ, гдѣ опредѣлительно сказано, что древній эпосъ, перенесенный на Западъ, все мелѣлъ, искажался, *снизошелъ* до романовъ и, наконецъ, *до крайней степени своего униженія*, до французской повѣсти: слѣдовательно, какое же *свое* значеніе, кромѣ искаженія древняго эпоса, могутъ имѣть романъ и повѣсть въ глазахъ г. Константина Аксакова? И при томъ, если говорить (особенно такія диковинки и такъ смѣло), то ужъ надо говорить все и при томъ опредѣленнѣе, чтобъ не дать себя поймать на недоговоркахъ; или ничего не говорить; или, говоря, не противорѣчить себѣ ни въ текстѣ ни въ выноскахъ; или, наконецъ, *проговорившись*, умѣть смолчать. Въ противномъ случаѣ, это все равно, какъ если бы кто-нибудь, сказавъ такъ: „Байронъ плохой поэтъ“, а въ выноскѣ замѣтилъ: „впрочемъ и Байронъ имѣетъ *свое* значеніе, но мнѣ теперь некогда о немъ распространяться“, считалъ бы себя правымъ и подумалъ бы, что онъ все сказалъ, и сказалъ дѣло, а не пустяки. Г. Константинъ Аксаковъ ни однимъ словомъ не упомянулъ въ своей брошюрѣ ни о Сервантесѣ, ни о Вальтерѣ Скоттѣ, ни о Куперѣ,—чѣмъ и далъ право думать, что онъ и въ нихъ видитъ искателей эпоса, возстановленнаго Гоголемъ!!! Въ нашей рецензіи, мы это замѣтили г. Константину Аксакову, сказавъ при этомъ, что Вальтеръ Скоттъ есть истинный представитель современнаго эпоса, т. е. историческаго романа, что Вальтеръ Скоттъ могъ явиться (и явился) безъ Гоголя, но что Гоголя не было бы безъ Вальтера

Скотта; и, наконецъ, если Гоголя можно сближать съ кѣмъ-нибудь, такъ ужъ, конечно, съ Вальтеромъ Скоттомъ, которому онъ, какъ и всѣ современные романисты, такъ много обязанъ, — а не съ Гомеромъ, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго. Но г. Константинъ Аксаковъ въ своемъ „Объясненіи" промолчалъ объ этомъ: — изворотъ очень полезный для него, разумѣется, но по отношенію къ намъ не совсѣмъ добросовѣстный... И это-то самое заставляетъ насъ повторить, что г. Константинъ Аксаковъ считаетъ романъ униженіемъ эпоса (ибо у него эпосъ *нисходитъ* до романа), а Вальтеръ Скотта просто ни за что не считаетъ (ибо не удостоиваетъ его и упоминаніемъ — вѣроятно, изъ опасенія унизить Гоголя какимъ бы то ни было сближеніемъ съ такимъ незначущимъ писателемъ, какъ Вальтеръ Скоттъ). Какъ называются такія умозрѣнія — предоставляемъ рѣшить читателямъ...

И такъ, романъ совершенно уничтоженъ г. Константиномъ Аксаковымъ: но современный эпосъ проявился не въ одномъ романѣ исключительно: въ новѣйшей поэзіи есть особый родъ эпоса, который не допускаетъ прозы жизни, который схватываетъ только поэтическіе, идеальные моменты жизни, и содержаніе котораго составляютъ глубочайшія міросозерцанія и нравственные вопросы современнаго человѣчества. Этотъ родъ эпоса одинъ удержалъ за собою имя „поэмы". Таковы всѣ поэмы Байрона, нѣкоторыя поэмы Пушкина (въ особенности „Цыганы" и „Галубъ"), также Лермонтова „Демонъ", „Мцыри" и „Боярин Орша". Если для г. Константина Аксакова поэмы Пушкина и Лермонтова, не составляютъ факта, то какъ же не упомянулъ онъ ни слова о Байронѣ? Положимъ, что Байронъ, въ сравненіи съ Гоголемъ — ничто, а Чичиковы, Маниловы и Селифаны имѣютъ болѣе всемірно-историческое значеніе, чѣмъ титаническія, колоссальныя личности британскаго поэта; но, ничтожный въ сравненіи съ Гоголемъ, Байронъ все-таки долженъ же имѣть хоть какое-нибудь *свое* значеніе и *свое* мѣсто въ исторіи новѣйшаго искусства?.. Почему же г. Константинъ Аксаковъ не удостоилъ упомянуть о

Байронѣ, ну, хоть однимъ презрительнымъ словомъ, хоть для того, чтобъ уничтожить его во имя „Мертвыхъ Душъ"? Неужели же, спросятъ насъ, г. Константинъ Аксаковъ не шутя и въ Байронѣ видитъ искаженіе эпоса? — „Должно быть такъ: ибо настоящій, истинный эпосъ, послѣ Гомера, явился только въ „Мертвыхъ Душахъ" —отвѣчаемъ мы... Да это (опять скажутъ намъ), это просто... нелѣпость, галиматья!.. Помилуйте, какъ это можно (отвѣчаемъ мы): это умозрѣнія, спекулятивныя построенія, гоголевская философія—на замоскворѣцкій ладъ...

Что между Гоголемъ и Гомеромъ есть сходство — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но какое сходство?—такое, что и тотъ и другой поэты; другого нѣтъ и быть не можетъ. Однакожъ, такое сходство есть не только между Гомеромъ и французскимъ пѣснопѣвцомъ Беранже, но и между Шекспиромъ и русскимъ баснописцемъ Крыловымъ: всѣхъ ихъ дѣлаетъ сходными — *творчество*. Но думать, что въ наше время возможенъ древній эпосъ—это такъ же нелѣпо, какъ и думать, чтобъ въ наше время человѣчество могло сдѣлаться изъ взрослаго человѣка ребенкомъ; а думать такъ значитъ, быть чуждымъ всякаго историческаго созерцанія, и пустыя фантазіи праздпаго воображенія выдавать за философскія истины...

И такъ повторяемъ: г. Константинъ Аксаковъ не называлъ Гоголя Гомеромъ, а „Мертвыя Души" „Иліадою", онъ только сказалъ, что, во-первыхъ, „древній эпосъ былъ унижаемъ на западѣ", а мы прибавили (и имѣли на это право) отъ себя: Сервантесомъ, Вальтеромъ-Скоттомъ, Купероиъ, Байрономъ; — и что, во-вторыхъ, въ „Мертвыхъ Душахъ" древній эпосъ возстаетъ передъ нами", а мы прибавили отъ себя (и имѣли на то право) —ergo, „Мертвыя Души" то же самое въ новомъ мірѣ, что „Иліада" въ древнемъ, а Гоголь то же самое въ исторіи новѣйшаго искусства, что Гомеръ въ исторіи древняго искусства.

Спрашиваемъ всѣхъ и у каждаго: была ли какая-нибудь возможность вывести другое заключеніе изъ положеній г. Константина Аксакова? или: была ли какая-нибудь возмож-

ность не вывести изъ положеній Константина Аксакова того заключенія, какое мы вывели? -И мы ли виноваты, что заключеніе это насмѣшило весь читающій по-русски міръ?

Правда, г. Константинъ Аксаковъ далѣе въ своей брошюрѣ замѣчаетъ, что самое содержаніе кладетъ разницу между „Иліадою“ и „Мертвыми Душами“: однакожъ, эта оговорка у него не только не поясняетъ дѣла, а еще болѣе затемняетъ его, какъ противорѣчіе. Г. Константину Аксакову явно хотѣлось сказать что-то новое, неслыханное міромъ; и какъ у него не было ни силъ ни призванія сказать новой великой истины, то онъ и разсудилъ сказать великій... какъ бы это выразить?—ну хоть *парадоксъ*.. Удивительно ли, что, развивая и доказывая этотъ парадоксъ, онъ наговорилъ много такого, въ чемъ онъ самъ запутался, и надъ чѣмъ другіе только добродушно посмѣялись!... Въ своемъ „объясненіи“, онъ особенно намекаетъ на то, что „эпическое созерцаніе Гоголя—древнее, истинное, то же, какое и у Гомера“ и что „только у одного Гоголя видимъ мы это созерцаніе“. Хорошо; да гдѣ же доказательства этого? Да нигдѣ — доказательствъ никакихъ, кромѣ увѣренія г. Константина Аксакова: — бѣдное и непадежное ручательство! „Поэма Гоголя (говоритъ онъ) представляетъ вамъ цѣлую форму жизни, цѣлый міръ, гдѣ опять, *какъ у Гомера*, свободно шумятъ и блещутъ воды, восходитъ солнце, красуется вся природа и живетъ человѣкъ,— міръ, являющій намъ глубокое цѣлое, глубокое, внутри лежащее содержаніе *общей жизни*, связующій единымъ духомъ всѣ свои явленія“. Вотъ всѣ доказательства близкой родственности гомеровскаго эпоса съ гоголевскимъ; но, во-первыхъ, это столько же характеристика гоголевскаго эпоса, сколько и эпоса Вальтера-Скотта, съ тою только разницею, что эпосъ Вальтера-Скотта именно заключаетъ въ себѣ „содержаніе *общей жизни*“, тогда какъ у Гоголя эта „общая жизнь“ является только какъ намекъ, какъ задняя мысль, вызываемая *совершеннымъ отсутствіемъ* общечеловѣческаго въ изображаемой имъ жизни. Противъ

этого нечего возразить: это ясно. Помилуйте: какая *общая жизнь* въ Чичиковыхъ, Селифанахъ, Маниловыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичахъ и во всемъ честномъ компанствѣ, занимающемъ своею пошлостью вниманіе читателя въ „Мертвыхъ Душахъ"? Гдѣ тутъ Гомеръ? Какой тутъ Гомеръ. Тутъ просто Гоголь—и больше ничего.

Говоря, что у Гоголя эпическое созерцаніе чисто древнее, истинное, гомеровское, и что Гоголь все-таки совсѣмъ не Гомеръ, а „Мертвыя Души" нисколько не „Иліада", ибо-де само содержаніе уже кладетъ здѣсь разницу, — г. Константинъ Аксаковъ тотчасъ же прибавляетъ: „кто знаетъ, впрочемъ, такъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ?" Именно такъ: *кто знаетъ это?* повторяемъ и мы. Глубоко уважая великій талантъ Гоголя, страстно любя его геніальныя созданія, мы въ то же время отвѣчаемъ и ручаемся только за то, что уже написано имъ; а насчетъ того, что онъ еще напишетъ, мы можемъ сказать только: *кто знаетъ, впрочемъ, какъ*, и пр. Особенно часто повторяемъ мы про себя: кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ?" И на повтореніе этого вопроса наводятъ насъ слѣдующія слова въ поэмѣ Гоголя: „можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небраныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или русская дѣвица, *какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ*, со всею дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. *И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ.* (М. Д., стр. 130). „Да, эти слова творца „Мертвыхъ Душъ" заставили насъ часто и часто повторять, въ тревожномъ раздумьи: „кто знаетъ, впрочемъ, какъ раскроется содержаніе „Мертвыхъ Душъ"?... Именно, *кто знаетъ?* Много, слишкомъ много обѣщано, такъ много, что негдѣ и взять того, чѣмъ выполнить обѣщаніе, потому что того и нѣтъ еще на свѣтѣ: намъ какъ-то страшно, чтобъ первая часть, въ которой все комическое, не оста-

лась истинною трагедіею, а остальныя двѣ, гдѣ должны проступить трагическіе элементы, не сдѣлались комическими — по крайней мѣрѣ, въ патетическихъ мѣстахъ... Впрочемъ, опять-таки кто знаетъ... Но кто бы ни зналъ, вопросъ этотъ, заданный г. Константиномъ Аксаковымъ, ясно показываетъ, что если онъ г. Константинъ Аксаковъ, и видитъ въ первой части „Мертвыхъ Душъ“ разницу съ „Иліадою“, налагаемую уже самимъ содержаніемъ,—то все-таки крѣпко надѣется, что въ двухъ послѣднихъ частяхъ „Мертвыхъ Душъ“ и эта разница сама собою уничтожится, и что, ergo, „Мертвыя Души“ — „Иліада“, а Гоголь—Гомеръ. Послѣдняго онъ не сказалъ, но мы въ правѣ опять вывести это комическое заключеніе...

Главное доказательство мнимой родственности гоголевскаго эпоса съ гомеровскимъ состоитъ у г. Константина Аксакова въ любви къ сравненіямъ, въ обиліи и сходствѣ этихъ сравненій у Гомера и у Гоголя. Странное и забавное доказательство! Объ этомъ сходствѣ упоминаетъ и еще другая критика — та самая, въ которой мы видимъ гораздо больше родственности и тожества съ брошюркою г. Константина Аксакова, нежели сколько между Гомеромъ и Гоголемъ; но въ той критикѣ находятъ сходство Гоголя, по отношенію къ сравненіямъ, не съ однимъ Гомеромъ, но и съ Дантэ; а мы, съ своей стороны, беремся найти его съ добрымъ десяткомъ новѣйшихъ поэтовъ. Изъ одного Пушкина можно выписать тысячу сравненій, такъ же напоминающихъ собою сравненія Гомера, какъ напоминаютъ ихъ сравненія Гоголя. Но вотъ одно, которое побольше всѣхъ гоголевскихъ сравненій напоминаетъ собою гомеровскія:

Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ, смиренный, величавый.
Такъ точно дьякъ, въ приказѣ посыдьлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости ни гнѣва.

Здѣсь также ни одно внѣшнее (какъ у Гоголя), но и вну-

тренное сходство съ Гомеромъ, заключающееся *въ наивной простотѣ, соединенной съ возвышенностью*; однако изъ этого еще не выходитъ никакого тождества между Гомеромъ и Пушкинымъ. Правда, „Борисъ Годуновъ“ въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ „Мертвыя Души“, напоминаетъ собою Гомера *тономъ* многихъ своихъ страницъ, *тономъ наивно-простымъ и вмѣстѣ возвышеннымъ*; но на это сходство Пушкинъ наведенъ былъ не особенностью его поэтической натуры, или ея родственностью съ Гомеромъ, а сущностью избранной имъ для своей трагедіи эпохи, гдѣ самые высокіе умы и сильные характеры мыслили и говорили простодушно, или простодушно и возвышенно вмѣстѣ. Тутъ есть еще и другая причина: не смотря на свою драматическую форму, „Борисъ Годуновъ“ Пушкина есть, въ сущности, эпическое произведеніе, а эпосъ съ эпосомъ всегда имѣетъ большее или меньшее, ближайшее или отдаленнѣйшее сходство, какъ одинъ и тотъ же родъ поэзіи. Но это сходство уничтожается въ „Мертвыхъ Душахъ“ уже тѣмъ, что онѣ проникнуты насквозь юморомъ. Если Гомеръ сравниваетъ тѣсняшаго въ битвѣ Троянами Аякса съ осломъ, — онъ сравниваетъ его *простодушно*, безъ всякаго юмора, какъ сравнивалъ бы его со львомъ. Для Гомера, какъ и для всѣхъ Грековъ его времени, оселъ былъ животное почтенное и не возбуждалъ, какъ въ насъ, смѣха однимъ своимъ появленіемъ, или однимъ своимъ именемъ. У Гоголя же, напротивъ, сравненіе, напр., франтовъ, извивающихся около красавицъ, съ мухами, летящими на сахаръ, все насквозь проникнуто юморомъ. Слѣдовательно, все сходство чисто внѣшнее, т. е. то, что и у Гомера есть сравненія и у Гоголя есть сравненія: но этакъ между Гомеромъ и Гоголемъ и еще можно найти большое сходство, именно то, что Гомеръ слагалъ свои возвышенно-наивныя созданія на греческомъ языкѣ, а Гоголь пишетъ по-русски; извѣстно же всѣмъ, что греческій и русскій языки происходятъ отъ одного корня, кромѣ уже того, что всѣ языки въ мірѣ, не смотря на ихъ различіе, основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ разума человѣческаго...

Не зная, *какъ, впрочемъ, раскроется содержаніе* „Мертвыхъ Душъ", въ двухъ послѣднихъ частяхъ, мы еще не понимаемъ ясно, почему Гоголь назвалъ „поэмою" свое произведеніе, и *пока* видимъ въ этомъ названіи тотъ же юморъ, какимъ растворено и проникнуто насквозь это произведеніе. Если же самъ поэтъ почитаетъ свое произведеніе „поэмою", содержаніе и герои котораго есть субстанція русскаго народа, — то мы, не обинуясь, скажемъ, что поэтъ сдѣлалъ великую ошибку: ибо, хотя эта „субстанція" глубока и сильна, и громадна (что уже ярко проблескиваетъ и въ комическомъ опредѣленіи общественности, въ которомъ она пока проявляется, и которое Гоголь такъ геніально схватываетъ и воспроизводитъ въ „Мертвыхъ Душахъ"), однако субстанція народа можетъ быть предметомъ поэмы только въ своемъ разумномъ опредѣленіи, когда она есть нѣчто положительное и дѣйствительное, а не гадательное и предположительное, когда она есть уже прошедшее и настоящее, а не будущее только... Въ творчествѣ великая для художника задача — выбирать предметъ и содержаніе для произведенія; этотъ предметъ и это содержаніе всегда должны быть осязательно-опредѣленны; иначе, художественное произведеніе будетъ не полно, несовершенно, то что Французы называютъ inachevé. И потому, великая ошибка для художника писать поэму, которая можетъ быть возможна въ будущемъ.

И такъ, чѣмъ болѣе разсматриваемъ дѣло г. Константина Аксакова, тѣмъ болѣе сходство между Гомеромъ и Гоголемъ становится... какъ бы сказать?— забавнѣе и смѣшнѣе... Смыслъ, содержаніе и форма „Мертвыхъ Душъ" есть— „созерцаніе данной сферы жизни сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы". Въ этомъ и заключается трагическое значеніе комическаго произведенія Гоголя: это и выводитъ его изъ ряда обыкновенныхъ сатирическихъ сочиненій, и этого-то не могутъ понять ограниченные люди, которые видятъ въ „Мертвыхъ Душахъ" много смѣшного, *юмористическаго*, говоря ихъ простонароднымъ жаргономъ, но мѣстами черезчуръ-перетрированъ-

наго. Всякое выстраданное произведеніе великаго таланта имѣетъ глубокое значеніе,—и мы первые признаемъ „Мертвыя Души" Гоголя великимъ по самому себѣ произведеніемъ въ мірѣ искусства, для иностранцевъ лишеннымъ всякаго общаго содержанія, но для насъ тѣмъ болѣе важнымъ и драгоцѣннымъ. Еще не было досель болѣе важнаго для русской общественности произведенія,—и только одинъ Гоголь можетъ дать другое, болѣе важное произведеніе, а дастъ ли въ самомъ дѣлѣ—кто, впрочемъ, знаетъ, судя по нѣкоторымъ основнымъ началамъ возрѣнія, которыя довольно непріятно промелькиваютъ въ „Мертвыхъ Душахъ" и относятся къ нимъ, какъ крапинки и пятнышки въ картинѣ великаго мастера, - о чемъ мы поговоримъ въ свое время и подробнѣе и отчетливѣе...

Такимъ образомъ, если г. Константинъ Аксаковъ хочетъ оправдаться, а не отдѣлаться только отъ неосторожно высказанныхъ имъ странностей,—онъ долженъ сказать и доказать:

1) Почему древній эпосъ *спизошелъ* (слѣд. унизился) до романовъ, и считаетъ ли онъ Сервантеса, Вальтера-Скотта, Купера, Байрона -исказителями эпоса, возстановленнаго и спасеннаго Гоголемъ? Послѣдняя недомолвка очень подозрительна: изъ нея видно, что г. Константинъ Аксаковъ самъ испугался своихъ смѣлыхъ положеній.

2) Почему мы солгали на него, говоря, что изъ его положеній прямо выводится то слѣдствіе, что „Мертвыя Души" „Иліада", а Гоголь —Гомеръ нашего времени?

3) Почему во французской повѣсти эпосъ дошелъ до своего крайняго униженія?

Но г. Константинъ Аксаковъ рѣшился ничего больше не говорить объ этомъ, послѣ своего ничего не объяснившаго „Объясненія": и хорошо сдѣлалъ—больше ему ничего и не остается; онъ высказалъ уже всю свою мудрость. За то, намъ еще много осталось кое-чего сказать.

Какъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ народовъ, есть еще исторія человѣчества,—точно такъ, кромѣ частныхъ исторій отдѣльныхъ литературъ (греческой, латин-

скои, французскои и пр.), есть еще исторія всемірной литературы, предметъ которой развитіе человѣчества въ сферѣ искусства и литературы. Само собою разумѣется, что въ этой исторіи должна быть живая, внутренняя связь, что она должна предыдущимъ объяснить послѣдующее, ибо иначе она будетъ лѣтописью или перечнемъ фактовъ, а не исторіею. И потому, напримѣръ, романы Шотландца XIX вѣка, Вальтера-Скотта, непремѣнно должны быть въ какой-нибудь связи съ поэмами Гомера. Эта связь именно состоитъ въ томъ, что романы В. Скотта суть необходимый моментъ дальнѣйшаго развитія эпоса, котораго первымъ моментомъ развитія могутъ быть поэмы индійскія, а послѣдующимъ моментомъ — поэмы Гомера. Въ исторіи нѣтъ скачковъ. Слѣдовательно, греческій эпосъ не *спрыгнулъ* до романовъ, какъ мудрствуетъ г. Константинъ Аксаковъ, *а развился* въ романъ: ибо нелѣпо было бы предполагать, въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ, пробѣлъ въ исторіи всемірной литературы, и отъ Гомера прыгнуть прямо къ Гоголю, который еще, въ добавокъ, и нисколько не принадлежитъ ко всемірно-историческимъ поэтамъ... Вотъ почему мы основательно, а не наобумъ, исторически, а не фантасмагорически думаемъ и убѣждены, что, напримѣръ, какой-нибудь *Донъ-Кихотъ*, въ дѣлѣ эпоса, побольше значитъ Гоголь, что тутъ имѣютъ свое значеніе и Аріостъ, и что не только Сервантесъ, Вальтеръ-Скоттъ, Купперъ, какъ художники по преимуществу, но и Свифтъ, Стернъ, Вольтеръ (философскіе романы и повѣсти), Руссо („Новая Элоиза"), имѣютъ несравненно и неизмѣримо высшее значеніе во всемірно-исторической литературѣ, чѣмъ Гоголь, ибо въ нихъ совершилось развитіе эпоса и со стороны содержанія, и со стороны искусства, и со стороны содержанія и искусства вмѣстѣ. Говорить же, что Гоголь прямо вышелъ изъ Гомера, или продолжалъ собою Гомера мимо всѣхъ прочихъ, и старинныхъ и современныхъ поэтовъ Европы, значитъ, вмѣсто похвалы, оскорблять его, значитъ выключать его изъ историческаго развитія, выставлять человѣкомъ, чуждымъ современности, чуждымъ знанія всего, что было до

него .. Что же касается до мысли о какой-то родственности гоголевскаго эпоса съ гомеровскимъ,—мы уже доказали, что эта мысль больше, чѣмъ неосновательна. При томъ же, если бъ и такъ было, надобно бъ было объяснить, въ чемъ тутъ заслуга со стороны Гоголя, тѣмъ болѣе, что авторъ брошюры говоритъ объ этомъ такимъ торжествующимъ тономъ, какъ будто ставитъ это въ величайшую заслугу Гоголю.

Теперь о крайнемъ искаженіи эпоса во французской повѣсти: это еще что за исторія? Г. Константинъ Аксаковъ видитъ во французской повѣсти—простой анекдотъ, родъ шарады, гдѣ все дѣло въ сюжетѣ, т. е. въ сплетеніи и расплетеніи событія (fable): да вольно же ему видѣть это, когда этого нѣтъ во французской повѣсти *), а есть совсѣмъ другое, именно: характеры, дивное, одному только французамъ сродное искусство разсказа, соціальные и нравственные вопросы, воли и страданія современности? Если кто-нибудь зажмуритъ глаза и станетъ доказывать, что нѣтъ на свѣтѣ солнца и свѣта,—что ему на это скажутъ?—конечно, не другое что, какъ „открой глаза"; но онъ слѣпъ отъ природы,—тогда что ему скажутъ?—все то же: „ты правъ, *для тебя* точно нѣтъ на свѣтѣ ни солнца ни свѣта"... А что, можетъ быть, г. Константинъ Аксаковъ не любитъ французскихъ повѣстей его воли, да только публикѣ-то что за дѣло, что любитъ и чего не любитъ Константинъ Аксаковъ? Французскія повѣсти читаются всѣмъ просвѣщеннымъ и образованнымъ міромъ, во всѣхъ пяти частяхъ земного шара, французская повѣсть есть плодъ французской литературы, а французская литература имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ своего „Объясненія", г. Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ, въ скобкахъ, мимоходомъ, что въ разрядъ великихъ писателей Жоржъ Зандъ не входитъ ни безусловно ни условно,—и думаетъ, что этими словами онъ рѣшилъ дѣло и все

*) Не всѣхъ, разумѣется, плохихъ повѣстей, которыя есть у всѣхъ народовъ, а иногда бываютъ у великихъ поэтовъ...

сказалъ; тогда какъ онъ этимъ сказалъ только, что онъ или совсѣмъ не читалъ Жоржа Занда, или читалъ, да не понялъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о Жоржѣ Зандѣ; скажемъ только, что Жоржъ Зандъ имѣетъ большое значеніе и во всемірно-исторической литературѣ, не въ одной французской, тогда какъ Гоголь, при всей неотъемлемой великости его таланта, не имѣетъ *рѣшительно никакого* значенія во всемірно-исторической литературѣ, и великъ только въ одной русской, что, слѣдовательно, имя Жоржа Занда безусловно можетъ входить въ реестръ именъ европейскихъ поэтовъ, тогда какъ помѣщеніе рядомъ именъ Гоголя, Гомера и Шекспира оскорбляетъ и приличіе и здравый смыслъ... Въ послѣднемъ, кромѣ г. Константина Аксакова, никто въ мірѣ не усомнится, а насчетъ перваго можно представить сильныя доказательства...

Вдобавокъ къ вопросу о повѣсти, какъ крайнемъ униженіи эпоса, скажемъ, что если уже вины̀ть это униженіе въ повѣсти, то, конечно, скорѣе въ нѣмецкой, чѣмъ во французской. Нѣмецкая повѣсть возникла и выросла на почвѣ отвлеченія, аскетизма, антиобщественности; она изображаетъ не общество, а отдѣльныя личности, которыхъ вся жизнь и вся повѣсть жизни состоитъ въ переливахъ внутреннихъ ощущеній, фантастическихъ и фантазерскихъ грезъ, и которыхъ все блаженство заключается не въ стремленіи къ идеалу дѣйствительной жизни и достиженіи его, а въ томъ, чтобъ любоваться собственною внутреннею глубокостію и пустою праздною жизнію ощущенія, вмѣсто дѣятія. Но и нѣмецкая повѣсть, какъ мы это замѣтили уже и въ рецензіи, даже какъ и уклоненіе отъ нормы имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе, объясняемое **изъ національнаго духа Нѣмцевъ.**

Теперь о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Г. Константинъ Аксаковъ говоритъ, будто мы взвели на него небылицу, приписывая ему изобрѣтеніе равенства Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Онъ не отпирается отъ изобрѣтенія этого удивительнаго равенства, но ставитъ намъ въ вину, что мы не замѣтили *съ какимъ отно-*

шенія разумѣетъ онъ это равенство; а разумѣетъ онъ его, изволите видѣть, *въ отношеніи къ акту творчества*. Подлинно, есть за что обвинять насъ: понимать г. Константина Аксакова такъ трудно, тѣмъ болѣе, что онъ, кажется, самъ себя не совсѣмъ понимаетъ. Брошюра его—это такая смѣсь несвязанныхъ между собою... не мысли, а скорѣе—*недомыслокъ*, что трудно разобрать, что онъ разумѣетъ тутъ, и какъ его понимать! Онъ говоритъ, что Гоголь равенъ Гомеру и Шекспиру по акту творчества, и что въ отношеніи къ акту творчества, только Гомеръ, Шекспиръ и Гоголь—величайшіе поэты: и въ то же время онъ, съ какою-то наивностію, увѣряетъ, что этимъ онъ нисколько не унижаетъ великихъ европейскихъ поэтовъ, думая, вѣроятно, что для Данте, Сервантеса, Вальтера-Скотта, Купера, Байрона, Шиллера, Гёте — большая честь стоять въ почтительномъ отдаленіи отъ Гоголя, пріятельски обнявшагося съ Гомеромъ и Шекспиромъ! Да, милостивый государь, съ чего вы взяли, что Гоголь, и по акту творчества родной братъ Гомеру и Шекспиру, и выше всѣхъ другихъ великихъ европейскихъ поэтовъ? Съ чего вы взяли, что вамъ стоило только выговорить эту, положимъ изъ вѣжливости мысль, чтобъ ее всѣ, подобно вамъ, нашли непреложною и истинною? Гдѣ на это доказательства, гдѣ ваши доводы? Ваше убѣжденіе!—да публикѣ-то какое дѣло до вашихъ убѣжденій?.. Употребивъ оговорку по отношенію къ акту творчества, а не содержанію, г. Константинъ Аксаковъ думаетъ, — что онъ совершенно оправдался и сдѣлалъ насъ кругомъ виноватыми... Какая милая наивность, какая буколическая невинность!.. Развивая свою мысль о равенствѣ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ (по отношенію къ акту творчества), г. Константинъ Аксаковъ говоритъ: „Мы далеки отъ того, чтобъ „унижать колоссальность другихъ поэтовъ, но въ отноше„ніи къ акту созданія, *они ниже Гоголя* (sic...). Развѣ „не можетъ быть такъ, напримѣръ: поэтъ, обладающій „полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ, „другой создаетъ великаго человѣка; велико будетъ дѣло

„послѣдняго, но оно будетъ ниже въ отношеніи къ тои „полнотѣ и живости, какую даетъ поэтъ, обладающій „тайною творчества“. Хорошо, но зачѣмъ брать ложныя сравненія, если не за тѣмъ, чтобъ оправдать натяжками ложныя мысли? Не лучше ли было бы сказать такъ, напримѣръ: „Поэтъ, обладающіи полнотою творчества, можетъ создать, положимъ, цвѣтокъ; другоі, обладающіи такою же полнотою, создаетъ великаго человѣка: ничтожно будетъ дѣло перваго передъ дѣломъ втораго, какъ ничтоженъ, въ ряду явленіи жизни, цвѣтокъ передъ великимъ человѣкомъ?“ Какъ вы думаете объ этомъ, г. Константинъ Аксаковъ? Это не совсѣмъ выгодно для вашего идолопоклонства, зато ближе къ истинѣ—повѣрьте намъ, въ этомъ случаѣ, на слово, или спросите у здраваго смысла—онъ за насъ!.. Но положимъ, что и такъ, положимъ, что вы ставите Гоголя выше колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ только по акту творчества, а не по содержанію; но зачѣмъ же вы прибавляете эти слова: „Но Боже насъ сохрани, чтобъ миніатюрное сравненіе съ цвѣткомъ было въ нашихъ глазахъ мѣриломъ для великихъ созданіи Гоголя!“ Какой смыслъ этихъ словъ—не этотъ ли: по акту творчества, Гоголь выше колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, кромѣ Гомера и Шекспира, съ которыми онъ равенъ, а по содержанію онъ не уступаетъ имъ, ergo съ Гомеромъ и Шекспиромъ онъ равенъ во всѣхъ отношеніяхъ, а съ другими европейскими поэтами онъ равенъ по содержанію и выше ихъ по акту творчества?.. Какъ вамъ угодно, а выходитъ такъ! Нашъ выводъ изъ вашихъ словъ, или вашихъ противорѣчіи все равно вѣренъ... Гдѣ же наши на васъ выдумки, лжи и клеветы?..

Актъ творчества дѣйствительно великая сила въ поэтѣ, какъ отвлеченная сообразительность въ математикѣ: противъ этого никто не споритъ и безъ ссылокъ на über die aestetische Erziehung Шиллера, которое г. Константинъ Аксаковъ совѣтуетъ намъ прочесть хоть *во французскомъ переводѣ*, тонко намекая этимъ, что онъ знаетъ по-нѣмецки, какъ будто для всякаго другого это рѣшитель-

ная невозможность. Безъ акта творчества нѣтъ поэта — это аксіома; но въ наше время мѣриломъ величія поэтовъ принимается не актъ творчества, а *идея*, общее... Многія стихотворенія Гейне такъ хороши, что ихъ можно принять за Гетевскія, но Гейне, не смотря на то, все-таки пигмей передъ колоссальнымъ Гёте. Въ чемъ же ихъ разница? — въ идеѣ, въ содержаніи... „Иванъ Осдоровичъ Шпонька и его тетушка", по отношенію акта творчества, дѣйствительно не ниже шекспировскаго „Гамлета"; но несмотря на то, въ сравненіи съ „Гамлетомъ" повѣсть Гоголя — абсолютное ничтожество, такъ, что даже есть что-то смѣшное въ какомъ бы то ни было сближеніи этихъ двухъ произведеній... Право такъ, г. Константинъ Аксаковъ!.. Почти такъ же комически забавно и сближеніе „Мертвыхъ Душъ" съ „Иліадою"... Дѣйствительно, Гоголь обладаетъ удивительною полнотою въ актѣ творчества, и эта полнота дѣйствительно можетъ служить ручательствомъ, что Гоголь могъ бы произвести колоссальныя созданія и со стороны содержанія, и несмотря на то, все-таки могъ бы не сравняться ни съ Гомеромъ ни съ Шекспиромъ, ни стать выше другихъ колоссальныхъ европейскихъ поэтовъ, если бъ современная русская жизнь могла дать ему необходимое для такихъ созданій содержаніе... Мы именно въ томъ-то и видимъ великость и геніальность Гоголя, что онъ, своимъ артистическимъ инстинктомъ, вѣренъ дѣйствительности, и лучше хочетъ ограничиться, впрочемъ, великою задачею — объектировать современную дѣйствительность, внеся свѣтъ въ мракъ ея, чѣмъ воспѣвать на досугѣ то, до чего никому, кромѣ художниковъ и диллетантовъ, нѣтъ никакого дѣла, или изображать русскую дѣйствительность такою, какой она никогда не бывала. *Впрочемъ, кто знаетъ какъ еще раскроется содержаніе* „Мертвыхъ Душъ"... Намъ обѣщаютъ мужей и дѣвъ неслыханныхъ, какихъ еще не было въ мірѣ, и въ сравненіи съ которыми великіе нѣмецкіе люди (т. е. западные европейцы) окажутся пустѣйшими людьми... Да; кто знаетъ, впрочемъ... можетъ быть, суда по этимъ обѣщаніямъ, г. Константинъ Аксаковъ и дождется

скоро оправданія нѣкоторыхъ изъ его фантазій... Тогда мы низко ему поклонимся и отъ души поздравимъ его... Но до тѣхъ поръ—повторяемъ: въ томъ, что художническая дѣятельность Гоголя вѣрна дѣйствительности, мы видимъ черту геніальности.

„Да, велика творческая сила фантазіи Гоголя — мы въ этомъ согласны съ г. Костантиномъ Аксаковымъ. Но почему она выше творческой силы фантазіи великихъ европейскихъ поэтовъ—этого мы не понимаемъ. Мы даже имѣемъ дерзость думать, что непосредственность творчества у Гоголя имѣетъ свои границы, и что она иногда измѣняетъ ему, особенно тамъ, гдѣ въ немъ поэтъ сталкивается съ мыслителемъ, т. е. гдѣ дѣло касается идеи... Кстати: вѣдь эти идеи, кромѣ огромнаго таланта, или пожалуй, и генія, кромѣ естественной силы непосредственнаго творчества, требуютъ эрудиціи, интеллектуальнаго развитія, основаннаго на неослабномъ преслѣдованіи быстро-несущейся умственной жизни современнаго міра — именно того, чѣмъ такъ сильны и велики, наприм., Байронъ, Шиллеръ, Гёте, — эти идеи, заклятые враги безвыходно-замкнутой внутри себя жизни, враги умственнаго аскетизма, который заставляетъ поэтовъ закрывать глаза на все въ мірѣ, кромѣ самихъ себя... Что непосредственность творчества нерѣдко измѣняетъ Гоголю, или что Гоголь нерѣдко измѣняетъ непосредственность творчества, это ясно доказывается его повѣстями еще въ „Вечерахъ на Хуторѣ"), „Вечеромъ наканунѣ Ивана Купала" и „Страшною Местью", изъ которыхъ ложное понятіе о народности въ искусствѣ сдѣлало какія-то уродливыя произведенія, за исключеніемъ нѣсколькихъ превосходныхъ частностей, касающихся до проникнутаго юморомъ изображенія дѣйствительности. Но особенно это ясно изъ вполнѣ неудачной повѣсти „Портретъ". Она была напечатана въ „Арабескахъ" еще въ 1835 году; но, должно быть, чувствуя ея недостатки, Гоголь недавно передѣлалъ ее совсѣмъ. И что же вышло изъ этой передѣлки? Первая часть повѣсти, за немногими исключеніями, стала несравненно лучше, именно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ изображе-

ніи дѣйствительности (одна сцена квартальнаго, разсуждающаго о картинахъ Чарткова, сама-по-себѣ, отдѣльно взятая, есть уже геніальный эскизъ); но вся остальная половина повѣсти невыносимо дурна и со стороны главной мысли и со стороны подробностей. И что за мысль, напр., благонамѣренный, умный и благородный вельможа, жаркій патріотъ, дѣятельный покровитель искусствъ и наукъ въ отечествѣ, вдругъ, ни съ того ни съ сего, дѣлается обскурантомъ, злодѣемъ, гонителемъ просвѣщенія, отъ чего же? Отъ того, что взялъ денегъ взаймы у страшнаго ростовщика, у таинственнаго Грека!.. Дѣло какъ будто бы въ томъ, что займи этотъ вельможа у другого кого-нибудь, только бы не у этого Грека, онъ остался бы прежнимъ благороднымъ человѣкомъ... Итакъ, вотъ отъ какого фатализма зависитъ нравственность человѣка!.. Да помилуйте, такія дѣтскія фантасмагоріи могли плѣнять и ужасать людей только въ невѣжественные средніе вѣка, а для насъ онѣ не занимательны и не страшны, просто смѣшны и скучны... И потомъ, что за подробности: на аукціонѣ художникъ Б. нашелъ мѣсто и время разсказывать исторію страшнаго портрета, и его всѣ заслушались, а портретъ между тѣмъ пропалъ... Нѣтъ, *такое* исполненіе повѣсти не сдѣлало бы особенной чести самому незначительному дарованію. А мысль повѣсти была бы прекрасна, если бъ поэтъ понялъ ее въ *современномъ* духѣ. Въ Чартковѣ онъ хотѣлъ изобразить даровитаго художника, погубившаго свои таланты, а слѣдовательно и самого себя, жадностію къ деньгамъ и обаяніемъ мелкой извѣстности. И выполненіе этой мысли должно было бы быть просто, безъ фантастическихъ затѣй, на почвѣ ежедневной дѣйствительности: тогда Гоголь, съ своимъ талантомъ, создалъ бы нѣчто великое. Не нужно было бы приплетать тутъ и страшнаго портрета съ страшносмотрящими живыми глазами (въ которомъ поэтъ, кажется, хотѣлъ выразить гибельныя слѣдствія копированія съ натуры, вмѣсто творческаго воспроизведенія съ натуры, и выразилъ черезчуръ затѣйливо, холодно и сухо-аллегорически); не нужно было бы ни ростовщика, ни аукціона,

ни многаго, что поэтъ почелъ столь нужнымъ, именно отъ того, что отдалился отъ современнаго взгляда на жизнь и искусство. Это же доказываетъ и недавно напечатанная въ „Москвитянинѣ“ статья „Римъ“, въ которой есть удивительно яркія и вѣрныя картины дѣйствительности, но въ которой есть и косые взгляды на Парижъ и близорукіе взгляды на Римъ, и — что всего непостижимѣе въ Гоголѣ — есть фразы, напоминающія своею вычурною изысканностію языкъ Марлинскаго. Отчего это? Думаемъ, отъ того, что при богатствѣ современнаго содержанія и обыкновенный талантъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпнетъ, а при одномъ актѣ творчества и геній наконецъ начинаетъ постепенно инспускаться... Въ „Мертвыхъ Душахъ“, гдѣ Гоголь снова очутился на русской, а не на европейской почвѣ, и въ дѣйствительной, а не въ фантастической сферѣ, въ „Мертвыхъ Душахъ“ также есть, по крайней мѣрѣ, обмолвки противъ непосредственности творчества, и весьма важныя, хотя и не весьма многочисленныя: на стр. 261—266 поэтъ весьма неосновательно заставляетъ Чичикова расфантазироваться о бытѣ простого русскаго народа, при разсматриваніи реестра скупленныхъ имъ мертвыхъ душъ. Правда, это „фантазированіе“ есть одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы: оно исполнено глубины мысли и силы чувства, безконечной поэзіи и вмѣстѣ поразительной дѣйствительности: но тѣмъ менѣе идетъ оно къ Чичикову, человѣку геніальному въ смыслѣ плута-пріобрѣтателя, но совершенно пустому и ничтожному во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Здѣсь поэтъ явно отдалъ ему свои собственныя благороднѣйшія и чистѣйшія слезы, незримыя и невѣдомыя міру, свой глубокій, исполненный грустною любовью юморъ, и заставилъ его высказать то, что долженъ былъ выговорить отъ своего лица. Равнымъ образомъ, также мало идутъ къ Чичикову и его размышленія о Собакевичѣ, когда тотъ писалъ расписку: эти размышленія слишкомъ умны, благородны и гуманны; ихъ слѣдовало бы автору сказать отъ своего лица... Характеристика Британца съ его сердцевѣдѣніемъ и мудростію, Француза съ его недолговѣч-

нымъ словомъ, также показываетъ только то, что авторъ не совсѣмъ хорошо знаетъ ни Британцевъ, ни Французовъ, ни Нѣмцевъ, и что незнанію не поможетъ никакой актъ творчества. И между тѣмъ, Гоголь все-таки обладаетъ удивительною силою непосредственнаго творчества (въ смыслѣ способности воспроизводить каждый предметъ во всей полнотѣ его жизни, со всѣми его тончайшими особенностями); только эта сила у него имѣетъ свои границы и иногда измѣняетъ ему (чего *такимъ образомъ, какъ у Гоголя*, не случилось ни съ Гомеромъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Байрономъ, ни съ Шиллеромъ, ни даже съ Пушкинымъ, и что очень часто, и еще хуже, случалось съ Гёте вслѣдствіе аскетическаго и антиобщественнаго духа этого поэта, съ которымъ все-таки нельзя смѣть равнять Гоголя). Но эта удивительная сила непосредственнаго творчества, которая составляетъ *пока еще* главную силу, высочайшее достоинство Гоголя, и посредствомъ которой, подобно волшебнику - властелину царства духовъ, вызывающему послушныя на голосъ его заклинанія безплотныя тѣни,—онъ неограниченный властелинъ царства прозрачной дѣйствительности самовластно вызываетъ передъ себя ея представителей, заставляя ихъ обнажить передъ нимъ такіе сокровенные изгибы ихъ натуръ, въ которыхъ они не сознались бы самимъ себѣ подъ страхомъ смертной казни,— эта то, говоримъ мы, удивительная сила непосредственнаго творчества, въ свою очередь, много вредитъ Гоголю. Она такъ сказать, *отводитъ ему глаза* отъ идей и нравственныхъ вопросовъ, которыми кишитъ современность, и заставляетъ его преимущественно устремлять вниманіе на факты и довольствоваться объективнымъ ихъ изображеніемъ. Въ „Отечеств. Запискахъ" уже было замѣчено, что къ числу особенныхъ достоинствъ „Мертвыхъ Душъ" принадлежитъ болѣе ощутительное, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ Гоголя, присутствіе субъективнаго начала, а слѣдовательно, и *рефлексіи*. Надо желать, чтобъ это преобладаніе рефлексіи постепенно въ немъ усиливалось, хотя бы насчетъ акта творчества, изъ котораго такъ хлопочетъ г. Констан-

тинъ Аксаковъ. Гоголь въ своей эстетикѣ, въ особенную заслугу поставляетъ Шиллеру преобладаніе, въ его произведеніяхъ, рефлектирующаго элемента, называя это преобладаніе выраженіемъ духа новѣйшаго времени. Совѣтуемъ г. Константину Аксакову прочесть это мѣсто въ подлинникѣ (мы вѣримъ его знанію нѣмецкаго языка) и поразмыслить о немъ. Безъ способности къ непосредственному творчеству, нѣтъ и быть не можетъ поэта—кто жъ этого не знаетъ? но когда человѣка называютъ поэтомъ, то уже необходимо предполагаютъ въ немъ эту способность, даже не говоря о ней, и обращая вниманіе на идею, на содержаніе. Если же эта способность въ поэтѣ слишкомъ сильна, то о ней тогда только толкуютъ и кричатъ, когда не видятъ въ немъ глубокаго содержанія. Говоря о Шекспирѣ, было бы странно восторгаться его умѣньемъ все представлять съ поразительною вѣрностью и истиною, вмѣсто того, чтобъ удивляться *значенію* и *смыслу*, которые его творческій разумъ даетъ образамъ его фантазіи. Въ живописцѣ, конечно, великое достоинство - умѣнье свободно владѣть кистью и повелѣвать красками, но это умѣнье еще не составляетъ великаго живописца. Идея, содержаніе, творческій разумъ—вотъ мѣрило для великихъ художниковъ.

Г. Константинъ Аксаковъ ставитъ въ великую заслугу Гоголю, что у него юморъ, выставляя субъектъ, не уничтожаетъ дѣйствительности: да что же бы это былъ за юморъ, если бъ онъ уничтожалъ дѣйствительность? стоило ли бы тогда говорить о немъ? Г. Константинъ Аксаковъ говоритъ еще, что такого юмора онъ не нашелъ ни у кого, кромѣ Гоголя: вольно же было не поискать—авось либо и можно было найти. Не говоря уже о Шекспирѣ, напримѣръ, въ романѣ Сервантеса Донъ-Кихотъ и Санчо Панса нисколько не искажены: это лица живыя, дѣйствительныя; но, Боже мой! сколько юмору, и веселаго, и грустнаго, и спокойнаго, и ѣдкаго, въ изображеніи этихъ лицъ! Такихъ примѣровъ можно найти довольно. Что у Гоголя свой юморъ, и что этотъ юморъ составляетъ

главную стихію его таланта, -это другое дѣло; противъ этого нельзя спорить.

Г. Константинъ Аксаковъ нашелъ, въ своей брошюрѣ, что Чичиковъ сливается съ субстанціею русскаго народа въ любви къ скорой ѣздѣ: мы надъ этимъ посмѣялись въ нашей рецензіи, и вотъ онъ опять упрекаетъ насъ въ искаженіи словъ его: онъ, видите, разумѣлъ не просто „скорую ѣзду", но ѣзду на телѣгѣ и на тройкѣ лошадей. Виноваты — просмотрѣли, въ чемъ дѣло; но все-таки субстанціи русскаго народа не видимъ ни въ тройкѣ, ни въ телѣгѣ. Коляску четверней всѣ образованные Русскіе лучше любятъ, чѣмъ трясскую телѣгу, на которой заставляетъ ѣздить только необходимость. Но желѣзную дорогу даже и необразованные Русскіе, т. е. мужички православные, теперь рѣшительно предпочитаютъ завѣтной телѣгѣ и тройкѣ: доказательство можно каждый день видѣть на царскосельской дорогѣ. Иначе и быть не можетъ: свѣтъ побѣдитъ тьму, просвѣщеніе побѣдитъ невѣжество, образованность побѣдитъ дикость, а желѣзными дорогами будутъ побѣждены телѣги и тройки. Пожалуй, иной субстанціею русскаго народа запрячетъ въ горшокъ со щами и кашею, или, вмѣсто бѣлужины, запечетъ ее въ кулебякѣ... Можно любить тяжелую, грубую, хотя и вкусную русскую кухню,— и однакожъ не въ ней ощущать себя въ лонѣ русской національности... Г. Константинъ Аксаковъ отсылаетъ насъ къ страницамъ „Мертвыхъ Душъ", гдѣ дѣйствительно, съ энтузіазмомъ описана тройка съ телѣгою: страницы эти мы читали не разъ; но онѣ намъ ничего не доказали, кромѣ ухарской, забубенной удали и какой-то беззаботности простого русскаго народа въ дѣлѣ улучшеній... Ссылка на „Мертвыя Души" еще не доказательство; мы сами глубоко уважаемъ, горячо любимъ великій талантъ Гоголя, но идолопоклонничать ни передъ кѣмъ не хотимъ; въ наше время идолопоклонство есть ребячество, г. Константинъ Аксаковъ!

Мы съ вами не ребяты:
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы!

Г. Константинъ Аксаковъ опять доказываетъ, что въ Маниловѣ есть своя сторона жизни: да кто же въ этомъ сомнѣвался, равно какъ и въ томъ, что и въ свиньѣ, которая, роясь на дворѣ Коробочки, съѣла мимоходомъ цыпленка, есть своя сторона жизни? Она ѣстъ и пьетъ—стало-быть живетъ; такъ можно ли думать, что не живетъ Маниловъ, который не только ѣстъ и пьетъ, но еще и куритъ табакъ, и не только куритъ табакъ, но еще и фантазируетъ...

Вообще, видно, что сбившись съ прямого пути названіемъ „поэмы", которое Гоголь далъ своему произведенію, г. Константинъ Аксаковъ готовъ находить прекрасными людьми всѣхъ изображенныхъ въ ней героевъ... Это, по его мнѣнію, значитъ понимать юморъ Гоголя... Что бы онъ ни говорилъ, но изъ тону и изо всего въ его брошюрѣ видно, что онъ въ „Мертвыхъ Душахъ" видитъ русскую „Иліаду". Это значитъ понять поэму Гоголя совершенно навыворотъ. Всѣ эти Маниловы и подобные имъ забавны только въ книгѣ; въ дѣйствительности же избави Боже съ ними встрѣчаться.—а не встрѣчаться съ ними нельзя, потому что ихъ такъ довольно въ дѣйствительности, слѣдовательно, они представители нѣкоторой ея части. Хороша же „Иліада", героемъ которой дѣйствительность, имѣющая такихъ представителей!.. „Иліаду" можетъ напоминать собою только такая поэма, содержаніемъ которой служитъ субстанціальная стихія національной жизни, со всѣмъ богатствомъ ея внутренняго содержанія, въ которой эта жизнь *полагается*, а не *отрицается*... Истинная критика „Мертвыхъ Душъ" должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о достоинствахъ Манилова, о непорченной русской натурѣ Селифана, о тройкѣ и телѣгѣ: нѣтъ, истинная критика должна раскрыть пафосъ поэмы, который состоитъ въ противорѣчіи общественныхъ формъ русской жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ, доселѣ еще таинственнымъ, доселѣ еще неоткрывшимся собственному сознанію и неуловимымъ ни для какого опредѣленія. Потомъ критика

должна войти въ основы и причины этихъ формъ, должна рѣшить множество, повидимому простыхъ, но въ сущности очень важныхъ вопросовъ, въ родѣ слѣдующихъ: Отчего прекрасную блондинку разбранили до слезъ, когда она даже не понимала, за что ее бранятъ? Отчего весь губернскій городъ N оказался и хорошо населеннымъ и люднымъ, когда сплетни насчетъ Чичикова получили свое начало отъ живого участія „пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамы" и „просто — пріятной дамы?" Отчего наружность Чичикова показалась „благонамѣренною" губернатору и всѣмъ сановникамъ города N? Что значитъ слово „благонамѣренный" на чиновническомъ нарѣчіи? Отчего авторъ поэмы необходимою принадлежностію длинной и скучной дороги почитаетъ не только холода (которые бываютъ на всякихъ дорогахъ), но и слякоть, грязь, починки, перебранки кузнецовъ и всякихъ дорожныхъ подлецовъ? Отчего Собакевичъ приписалъ Елизавету Воробья? Отчего прокурорскій кучеръ былъ малый опытный, потому что правилъ одною рукою, а другую, засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина? Отчего сольвычегодскіе угостили на пиру (а не въ лѣсу, при дорогѣ) устьсысольскихъ на смерть, а сами отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ-микитки, и все это назвали „пошалить немного?" Много такихъ вопросовъ можно выставить. Знаемъ, что большинство почтетъ ихъ мелочными. Тѣмъ-то и велико созданіе „Мертвыя Души", что въ немъ сокрыта и разанатомирована жизнь до мелочей, и мелочамъ этимъ придано общее значеніе. Конечно, какой-нибудь Иванъ Антоновичъ Кувшинное рыло, очень смѣшонъ въ книгѣ Гоголя и очень мелкое явленіе въ жизни, но если у васъ случится до него дѣло, такъ вы и смѣяться надъ нимъ потеряете охоту, да и мелкимъ его не найдете... Почему онъ такъ можетъ показаться важнымъ для васъ въ жизни — вотъ вопросъ!.. Гоголь геніально (пустяками и мелочами) поясниль тайну, отчего изъ Чичикова вышелъ такого рода „пріобрѣтатель"; это-то и составляетъ его поэтическое величіе, а не мнимое сходство съ Гомерами и Шекспирами...

Г. Константинъ Аксаковъ ставитъ намъ въ вину, что мы вовсе пропустили слѣдующія строки въ его брошюрѣ: „такіе тѣсные предѣлы не позволяютъ намъ сказать о многомъ, развить многое, и дать заранѣе полныя объясненія на недоумѣнія и вопросы, могущіе возникнуть при чтеніи нашей статьи. *Но надѣемся, что они разрѣшатся сами собою*“. Выписавъ эти строки, г. Константинъ Аксаковъ замѣчаетъ: „Но у рецензента не было ни недоумѣній, ни вопросовъ; онъ сейчасъ рѣшительно не понялъ, въ чемъ дѣло“. Неправда, рѣшительная неправда, г. Константинъ Аксаковъ: брошюра ваша возбудила въ рецензентѣ сильное недоумѣніе касательно того, что въ ней говорится, возбудила вопросъ, какъ въ наше время могутъ являться въ свѣтъ подобныя фантасмагоріи праздная воображенія и пустого философствованія; но онъ, рецензентъ, если не тотчасъ же, то очень скоро, понялъ въ чемъ дѣло, т. е., понялъ, что оно заключается только въ сильномъ желаніи отличиться чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ въ литературѣ... И такъ, надежда г. Константина Аксакова совершенно сбылась: дѣло его брошюры объяснилось само собою... А что тѣсные предѣлы статьи его не позволили ему много развить и заранѣе отвѣтить на вопросы (которые, видно, чуяло его сердце),—это уже не наша, а его вина, вольно же ему было избирать тѣсные предѣлы, вмѣсто обширныхъ...

Остальные пункты „объясненія“ г. Константина Аксакова состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Г. Константинъ Аксаковъ могъ бы доказать ясно, что „Отеч. Записки“ жестоко ошибаются, думая, что *пока* еще русскій поэтъ не можетъ быть міровымъ поэтомъ; но что онъ объ этомъ, *конечно*, съ петербургскими журналами говорить не будетъ; и что объ этомъ могутъ быть написаны цѣлыя сочиненія, книги, но тоже, *конечно*, ужъ не для петербургскихъ журналовъ...

2. Возраженіе его, г. Константина Аксакова, не полно, однако пространнѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ; кто же хочетъ узнать дѣло лучше, тотъ можетъ снова прочесть брошюру,

которую онъ г. Константинъ Аксаковъ, готовъ (храбрая готовность!..) вновь повторить слово-отъ-слова. Затѣмъ онъ оставляетъ всѣ дальнѣйшія объясненія, не предполагаетъ, чтобъ „Отечеств. Записки" стали ему возражать (увы, не сбывшееся предположеніе!), и во всякомъ случаѣ отвѣчать болѣе не будетъ...

3. „Отечественныя Записки", несмотря на ихъ несогласіе во мнѣніяхъ съ другими петербургскими журналами, въ сущности одно и то же съ ними...

Бѣдные петербургскіе журналы! погибли вы, погибли безвозвратно! Г. Константинъ Аксаковъ такъ глубоко презираетъ васъ, что и говорить съ вами не хочетъ... Великій Боже! за что же такая страшная кара на петербургскіе журналы?.. Развѣ нельзя было опредѣлить менѣе тяжкаго наказанія!.. Но, позвольте; кто жъ онъ самъ, этотъ страшный, неумолимый г. Константинъ Аксаковъ, одинъ своимъ „да" и „нѣтъ" рѣшающій всѣ вопросы, на все и всему изрекающій приговоры? Неужели это тотъ самый г. Константинъ Аксаковъ, который въ разныхъ журналахъ, а въ числѣ ихъ и въ „Отечеств. Запискахъ", напечаталъ нѣсколько переводовъ нѣмецкихъ стихотвореній, переводовъ частію довольно порядочныхъ, а частію и весьма плохихъ!.. Если такъ, то невольно спросишь: изъ какой же тучи этотъ громъ? да полно, изъ тучи ли еще онъ?..

Что же до нежеланія г. Константина Аксакова возражать далѣе, оно очень понятно: это ему теперь было бы и трудно, да и негдѣ (развѣ въ брошюрахъ): ибо какой же московскій журналъ захочетъ далѣе *принимать*, какъ говоритъ русская пословица, *въ чужомъ пиру похмѣлье*?..

Что же, наконецъ, до тождества „Отеч. Записокъ" съ другими петербургскими журналами: г. Константинъ Аксаковъ воленъ находить его. Можетъ быть, онъ это утверждаетъ и не съ досады, а по убѣжденію... Мы тоже, по глубокому убѣжденію, видимъ тождество между его брошюркою и знаменитою „критикою" по поводу „Мертвыхъ Душъ", въ которой Селифанъ сдѣланъ представителемъ неиспорченной русской натуры...

В. Бѣлинскій.

„Всѣ литературные интересы, всѣ журнальные вопросы сосредоточены теперь на Гоголѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что „Мертвыя Души" оживили погруженную въ апатію современную русскую литературу. Большая часть журналовъ, по весьма понятнымъ причинамъ *соревнованія* (ибо ихъ издатели сами романисты и повѣлисты, словомъ „сочинители"), большая часть журналовъ, справедливо и основательно испугавшаяся успѣховъ поэмы Гоголя, употребляетъ всѣ сродныя ей средства къ униженію перваго поэтическаго таланта въ современной русской литературѣ. Остальная часть журналовъ — или просто отдаетъ должную дань достоинству новаго творенія Гоголя, или, сверхъ того, принимаетъ на себя обязанность выводить на свѣжую воду нападателей. У насъ такъ немного журналовъ, что не нужно объяснять читателямъ, какой журналъ именно играетъ ту или другую роль въ отношеніи къ Гоголю, который, между тѣмъ, не читая русскихъ журналовъ, спокойно живетъ себѣ въ Римѣ, гдѣ была написана имъ первая часть „Мертвыхъ Душъ" и гдѣ, вѣроятно, будетъ написано имъ еще не одно твореніе, долженствующее привести многихъ сочинителей въ совершенное отчаяніе, заранѣе возбуждающее самыя живыя опасенія за ихъ умственное здоровье. Въ предыдущей книжкѣ „Отеч. Записокъ" мы говорили объ одной восторженной московской брошюрѣ, явившейся по поводу „Мертвыхъ Душъ": кто знаетъ, не явится ли и еще нѣсколько брошюръ pro и contra? Таково свойство всего великаго, далеко выдающагося изъ-подъ уровня обыкновенности: оно производитъ движеніе, возбуждая и обожаніе и ненависть, восторженныя рукоплесканія и ожесточенныя крики, преувеличенныя похвалы и брань. И если что-нибудь можетъ вредить такому великому явленію въ литературѣ, такъ уже конечно неполненное дѣтскаго энтузіазма и дѣтской добродушной искренности удивленіе, видящее въ твореніи не то великое, которое въ

[1] „Отечественныя Записки" 1842 г., т. 24, N. 9 „Библіографическое извѣстіе". Статья В. Бѣлинскаго.

немъ есть дѣйствительно, а то великое, котораго въ немъ совсѣмъ нѣтъ. Что же касается до ожесточенной брани, — чѣмъ несостоятельнѣе она, тѣмъ болѣе служитъ въ пользу и прославленію творенія, которое силится она унизить и загрязнить собою. „Герой Нашего Времени“ Лермонтова имѣлъ замѣчательный успѣхъ, какъ все что̀ ни появляется въ Россіи, ознаменованное печатью высшаго таланта; но успѣхъ этого превосходнаго творенія былъ бы безъ сомнѣнія еще блестящѣе и прочнѣе, если бъ не имѣлъ несчастія нигдѣ не встрѣтить себѣ ожесточенныхъ нападокъ и если бъ не имѣлъ несчастія встрѣтить написанную слогомъ афишъ похвалу въ одномъ захолустьѣ газетной литературы, откуда бы и должны были раздаться хулительные вопли оскорбленной самолюбивой посредственности. „Мертвыя Души“ избѣжали подобнаго несчастія, и зато успѣхъ ихъ напоминаетъ собою успѣхъ первыхъ произведеній Пушкина. Мы здѣсь разумѣемъ не матеріальный успѣхъ, хотя и достовѣрно знаемъ, что „Мертвыхъ Душъ“ скоро нельзя будетъ достать ни въ одной книжной лавкѣ, не смотря на то, что онѣ печатались въ большомъ числѣ экземпляровъ, — но успѣхъ нравственный, состоящій въ томъ, что „Мертвыя Души“ со дня на-день болѣе и болѣе раскрываются передъ глазами публики, во всей безконечности и глубокости ихъ идеальнаго значенія, со-дня на-день болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ себѣ почитателей приверженцевъ даже между людьми, не могшими оцѣнить ихъ сразу, при первомъ чтеніи и со-дня на-день болѣе и болѣе становятся живою новостію минуты, вмѣсто того, чтобъ постепенно отступать въ архивъ рѣшенныхъ дѣлъ и старыхъ, потерявшихъ свой интересъ новостей... Трудитесь же, почтенные сочинители, пишите новыя брани на „Мертвыя Души“ и ихъ знаменитаго творца, чтобъ выше и выше еще становились они, и безъ васъ уже высоко ставшіе!..

Между тѣмъ, какъ „сочинители“ бранятъ „Мертвыя Души“ и Гоголя, а литераторы хвалятъ ихъ и спорятъ о нихъ, — что же дѣлаетъ русская читающая публика? — То же самое, что и всегда дѣлала она съ сочиненіями

Гоголя. Несмотря на незрѣлость образованія нашего общества, допускающую его иногда обольщаться и увлекаться мишурными явленіями, въ немъ есть какое-то чутье, которое замѣняетъ ему недостатокъ развитія, и которое заставляетъ его окончательно становиться на сторонѣ только истинно-прекраснаго и великаго. „Вечеровъ на Хуторѣ“ разошлось два изданія; „Арабесокъ“ и „Миргорода“ уже нигдѣ нельзя достать; передъ выходомъ, весною нынѣшняго года, втораго изданія „Ревизора“, за экземпляръ перваго желавшіе имѣть его платили по 25-ти рублей ассигнаціями. И теперь, чтобъ собрать всѣ сочиненія Гоголя, даже если бъ можно было купить ихъ по объявленнымъ цѣнамъ, нужно заплатить *сорокъ три* рубля асс. („Вечера на Хуторѣ“, „Арабески“ и „Миргородъ“ — каждое сочиненіе по 12-ти рублей, и новое изданіе „Ревизора“ 7 рублей). Но и тутъ еще будете имѣть не все, если не пріобрѣли того года „Современника“, въ которомъ напечатаны повѣсти „Носъ“ и „Коляска“, и драматическая сцена „Утро дѣлового Человѣка“, да „Москвитянина“ за нынѣшній годъ, гдѣ напечатанъ „Римъ“. — Итакъ, спѣшимъ извѣстить русскую читающую публику, что это неудобство насчетъ пріобрѣтенія сочиненій ея любимаго писателя скоро будетъ устранено. Къ декабрю мѣсяцу текущаго года выйдетъ собраніе сочиненій Гоголя въ *четырехъ* томахъ, красиво и изящно изданныхъ. Въ *первый* томъ войдутъ „Вечера на Хуторѣ“ въ двухъ частяхъ, съ предисловіемъ къ каждой, какъ было при второмъ ихъ изданіи. *Второй* томъ будетъ состоять изъ „Миргорода“, въ которомъ повѣсти: „Старосвѣтскіе Помѣщики“ и „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ напечатаются безъ всякихъ поправокъ и измѣненій; повѣсть „Вій“ съ исправленіями, а „Тарасъ Бульба“ совершенно передѣланный, чуть не вдвое обширнѣе прежняго, ибо авторъ развилъ въ немъ многія подробности, о которыхъ въ первомъ изданіи только слегка было намекнуто, какъ, напримѣръ, любовь Андрея и прекрасной Польки и проч. Въ *третій* томъ, кромѣ повѣстей, помѣщенныхъ въ „Ара-

бескахъ“:—„Невскій Проспектъ“, „Записки Сумасшедшаго“ и „Портретъ“ (послѣднія совершенно передѣлана). — войдутъ помѣщенныя въ „Современникѣ“ 1836 года повѣсти „Носъ“ и „Коляска“, напечатанныя въ „Москвитянинѣ“ эпизодическій разсказъ „Римъ“ и новая еще нигдѣ ненапечатанная повѣсть „Шинель“, одно изъ глубочайшихъ созданій Гоголя. Въ *четвертомъ* томѣ помѣстятся: „Ревизоръ“, комедія въ пяти актахъ, съ новыми противъ втораго изданія поправками автора и съ письмомъ его о первомъ представленіи этой пьесы; „Женитьба“, *новая комедія* въ двухъ дѣйствіяхъ, нигдѣ ненапечатанная; драматическія сцены: „Утро Дѣлового Человѣка“ (напечатанная въ „Современникѣ“), „Тяжба“, „Лакейская Сцена“, „Разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи“, „Свѣтскія Сцены“, „Игроки“ (послѣднія шесть еще нигдѣ не были напечатаны).

Все изданіе заключитъ въ себѣ болѣе *ста* печатныхъ листовъ.

В. Бѣлинскій.

Въ статьѣ „Взглядъ на современную русскую литературу (статья 2-я, сторона свѣтлая)“ С. Шевыревъ между прочимъ говоритъ о Гоголѣ:

*) Во главѣ молодого поколѣнія прозаиковъ стоитъ *Гоголь*: также Малороссъ по происхожденію, носящій въ себѣ яркіе признаки южной природы, онъ отходитъ отъ всѣхъ другихъ писателей незаемною оригинальностію языка своего и становится рѣзкимъ особнякомъ между ними. У него тоже русская рѣчь прямо, не запинаясь, льется съ устъ на бумагу (видно, это особенный признакъ Малороссіянъ). Не ищите въ немъ качествъ отрицательныхъ слога. У него рѣчь слишкомъ покоряется могучей волѣ его воображенія, и не любитъ узды грамматической. Но онъ довелъ ее до высшей степени колорита: Гоголь — нашъ первый живописецъ въ слогѣ: его языкъ — кисть; его слова — безчисленныя яркія краски на палитрѣ, то, чего вы никогда не ви-

*) „Москвитянинъ“ 1842 г., ч. 2-я, № 3. „Критика“.

тали, онъ изобразитъ вамъ словами такъ, что вы это какъ будто глазами увидите, а слѣпой могъ бы ощупать и пальцами. Лицо ли человѣческое, одежда ли, ландшафтъ ли какого бы то ни было климата, небо ли съ его тысячеобразными оттѣнками, степь ли наша, тѣсная ли комнатка, цѣлый ли городъ, будь онъ нашъ вчерашній губернскій, будь щегольской Парижъ, будь Римъ многовѣковый, покрытый темною пылью, на все у него есть краски, все и мелкое и великое забираетъ его всеобъемлющая, его широкая кисть. Не ищите, какъ мы сказали, правильнаго рисунка въ его слогѣ и даже періодѣ: онъ рисуетъ прямо красками, какъ Венеціанецъ Тинторетто. Въ этой живописи Гоголева слога отзывается его природа южная. Не даромъ замѣчаютъ, что между живописцами нашими Малороссіяне особенно отличались колоритомъ. Не изъ этого ли свойства объясняется его неодолимое сочувствіе къ Италіи, которую полюбилъ онъ передъ всѣми другими странами? Подъ ея благосклоннымъ небомъ живѣе горитъ воображеніе, яснѣютъ въ прозрачномъ воздухѣ самые дальные образы, и кисть ярче схватываетъ всѣ оттѣнки предметовъ.

Мы изобразили главныя характеръ собственнаго Гоголева слога, но кромѣ того онъ владѣетъ еще чуднымъ даромъ подслушивать устную рѣчь говорящаго русскаго человѣка и мѣнять ее по характеру, свойствамъ, мгновенному чувству лицъ, имъ выводимыхъ. Въ Ревизорѣ нечистощима поэзія комическаго слога, вся эта яркая безсмыслица уѣздной рѣчи, рисующей намъ какой-то безыменный городъ, получившій право дѣйствительнаго существованія посредствомъ Гоголевой кисти; Гоголь разговоромъ такъ же рисуетъ характеръ лица, какъ своимъ слогомъ предметы внѣшніе. Незванные критики осмѣливаются до сихъ поръ называть Ревизора фарсомъ, а фарсамъ дѣйствительнымъ даютъ хитрое имя милой и умной шутки. Никакой фарсъ не удержится долго на сценѣ, а то, что называютъ они шутками умныхъ людей, не доживетъ и году существованія. Другіе критики, еще замысловатѣе, упрекаютъ Ревизора

въ неправильности слога: но, конечно, въ томъ виноватъ не Гоголь, что Городничій съ братіею не читалъ еще грамматики Греча.

С. Шевыревъ.

---

*) **Ревизоръ**. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Соч. *Н. Гоголя*. Изд. 2-е, исправленное, съ приложеніями. М. въ тип. П. Степанова. 1841 г. въ 8. 230 стран.

Сочинитель *Ревизора* представилъ намъ собою печальный примѣръ, какое зло могутъ причинить человѣку съ дарованіемъ духъ партій и хвалебные вопли друзей, корыстныхъ прислужниковъ и той безсмысленной толпы, которая является окрестъ людей съ дарованіемъ. Благодарить Бога надобно скорѣе за непріязнь, нежели за дружбу того народа, о которомъ говорилъ Пушкинъ:

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!

Забавна, но, право, понятна молитва мусульманина, который ежедневно молился: „О Магометъ! спаси меня отъ друзей моихъ, а съ непріятелями моими я и безъ тебя слажу!“

Никто не сомнѣвается въ дарованіи г. Гоголя и въ томъ, что у него есть свой безспорный участокъ въ области поэтическихъ созданій. Его участокъ — добродушная шутка; малороссійскій *жартъ*, похожій нѣсколько на дарованіе г. Основьяненки, но отдѣльный и самобытный, хотя также заключающійся въ свойствахъ малороссіянъ. Въ шуткѣ своего рода, въ добродушномъ разсказѣ о Малороссіи, въ хитрой простотѣ взгляда на міръ и людей г. Гоголь превосходенъ, неподражаемъ. Какая прелесть его описаніе ссоры Ивана Ивановича, его „Старосвѣтскіе Помѣщики“, его изображеніе запорожскаго казацкаго быта въ Тарасѣ Бульбѣ (исключая тѣ мѣста, гдѣ запорожцы являются героями и смѣшатъ каррикатурой на Донъ-Кихота), его исторія о носѣ, продажѣ коляски!

*) „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г., т. V, № 1, отд. III. „Критика“. Статья И. Полевого.

Такъ и *Ревизоръ* его: фарсъ, который правится именно тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни драмы, ни цѣли, ни завязки, ни развязки, ни опредѣленныхъ характеровъ. Языкъ въ немъ неправильный, лица уродливые гротески, характеры китайскія тѣни, происшествіе несбыточное и нелѣпое, но все вмѣстѣ уморительно смѣшно, какъ русская сказка о тяжбѣ ерша съ лещомъ, какъ повѣсть о Дурнѣ, какъ малороссійская пѣсня:

Танцовала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ постарнакомъ,
А цыбуля съ чеснокомъ...

Не подумайте, чтобы такія созданія было легко писать, чтобы всякій могъ писать ихъ. Для нихъ надобно дарованіе особенное, надобно родиться для нихъ, и притомъ еще часто то, что вамъ кажется произведеніемъ досуга, дѣломъ минуты, слѣдствіемъ веселаго расположенія духа, бываетъ трудомъ тяжелымъ, долговременнымъ, слѣдствіемъ грустнаго расположенія души, борьбою рѣзкихъ противоположностей.

Съ *Ревизоромъ* обошлись у насъ весьма несправедливо. Справедливо поступила только публика вообще, которая увлекается впечатлѣніемъ общимъ, безотчетнымъ, и почти никогда въ немъ не ошибается, но несправедливы были всѣ наши судьи и записные критики. Одни вздумали разбирать *Ревизора* по правиламъ драмы, чопорно оскорбились его шутками и языкомъ, и сравнили его съ грязью. Другіе, напротивъ, мнимые друзья автора, увидѣли въ *Ревизорѣ* что-то Шекспировское, превознесли его, прославили, и вышла та же исторія, какая была съ Озеровымъ. Досадно вспомнить, какія были при томъ побужденія къ неумѣреннымъ похваламъ, но если они были и некрепки, за то ошибочны, и посмотрите, какое зло онѣ причинили: видя осужденіе однихъ и похвалы другихъ, авторъ почелъ себя неузнаннымъ геніемъ, не понялъ направленія своего дарованія, и вмѣсто того чтобы не браться за то, чего ему не дано, усилить дѣятельность въ томъ направленіи, которое пріобрѣло ему общее уваженіе и славу, вспомнить слова Сумарокова:

Слагай, къ чему тебя влечетъ твоя природа,
Лишь просвѣщеніе, писатель, дай уму,—

началъ писать исторію, разсуждая о теоріи изящнаго, о художествахъ, принялся за фантастическіе, за патетическіе предметы, точно такъ, какъ Лафонтенъ нѣкогда доказывалъ, что онъ беретъ образцы у древнихъ классиковъ. Разумѣется, авторъ проигралъ свою тяжбу. Все, что здѣсь сказано, не выдумка наша и сказано не наобумъ: прочтите приложенное при новомъ изданіи *Ревизора* письмо автора, которое можно сохранить, какъ любопытную историческую черту и какъ матеріалъ для исторіи человѣческаго сердца. Развѣ Шекспиръ только могъ бы такъ писать о себѣ и о своихъ твореніяхъ, и такъ говорить о характерѣ своего Гамлета, какъ Гоголь говоритъ о характерѣ Хлестакова! И съ тѣмъ вмѣстѣ письмо это дышитъ такою добродушною поэтическою грустью...

Но скажутъ намъ, слѣдственно, чѣмъ же тутъ виноваты хвалители автора? Тѣмъ, что, не увлекли они самолюбія авторскаго въ ошибку, осужденія могли благодѣтельно подѣйствовать на автора и обратить его на прямой путь. Осужденія не погубятъ никогда, а выхваленія часто и почти всегда губятъ насъ. Таковъ человѣкъ.

И какъ не имѣть столько уваженія къ самимъ себѣ, что изъ мелкаго расчета корысти не стыдиться показать себя надувателями мыльныхъ пузырей! Если же хваленія происходятъ отъ безотчетнаго увлеченія, какъ до такой степени не отдавать себѣ отчета въ своихъ понятіяхъ, не научиться изъ опытовъ прошедшаго не повторять въ каждомъ поколѣніи одну и ту же *старую* сказку!

Н. Полевой.

* * *

*) Трагедія или комедія, какъ и всякое художественное произведеніе, должна представлять собою особый, замкну-

*) Настоящій разборъ „Ревизора", составляющій выдержку изъ критической статьи Бѣлинскаго: „Горе отъ ума" Комедіи въ 4 дѣйствіяхъ.

тый въ самомъ себѣ міръ, т. е. должна имѣть единство дѣйствія, вытекающее не изъ внѣшней формы, но изъ идеи, лежащей въ ея основаніи. Она не допускаетъ въ себя ни чуждыхъ своей идеѣ элементовъ, ни внѣшнихъ толчковъ, которые бы помогали ходу дѣйствія, но развивается имманентно, т. е. изнутри самой себя, какъ дерево развивается изъ зерна. Поэтому всякая пьеса въ драматической формѣ, вполнѣ выражающая и вполнѣ исчерпывающая свою идею, цѣлая и оконченная въ художественномъ значеніи, т. е. представляющая собой отдѣльный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ, есть или трагедія, или комедія, смотря по существу ея содержанія, но нисколько не смотря на ея объемъ и величину, хотя бы она простиралась не далѣе пяти страницъ. Такъ, напр., пьесы Пушкина: „Моцартъ и Сальери", „Скупой Рыцарь", „Русалка", „Борисъ Годуновъ" и „Каменный Гость"—суть трагедіи во всемъ смыслѣ этого слова, какъ выражающія въ драматической формѣ идею торжества нравственнаго закона и представляющія, каждая въ отдѣльности, совершенно особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ.

Теперь посмотримъ, какимъ образомъ комедія можетъ представлять собой особый замкнутый въ самомъ себѣ міръ, для чего бросимъ бѣглый взглядъ на высоко-художественное произведеніе въ этомъ родѣ, на комедію Гоголя „Ревизоръ".

Въ основаніи „Ревизора" лежитъ та же идея, что и въ „Сорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ": въ томъ и другомъ произведеніи поэтъ выразилъ идею отрицанія жизни, идею призрачности, получившую подъ его художническимъ рѣзцомъ свою объективную дѣйствитель-

Ст. А. С. Грибоѣдовъ, помѣщенная въ печати въ 1840 г. (см. „Отечеств. Записки" 1840 г., N. 1, стр. 1—56, отд. 5), и потому должна бы быть помѣщенною въ первой части нашего сборника критическихъ статей о П. В. Гоголѣ; но такъ какъ, при печатаніи первой части сборника, эта статья по недосмотру была пропущена, то, исправляя нашу оплошность, мы помѣщаемъ ее въ настоящемъ выпускѣ, хотя этимъ нѣсколько и нарушаемъ хронологическій порядокъ печатанія статей въ сборникѣ.

Примѣч. В. Зелинскаго.

ность. Разница между ними не въ основной идеѣ, а въ индивидуальностяхъ и положеніяхъ дѣйствующихъ лицъ. Во второмъ произведеніи мы видимъ пустоту, лишенную всякой дѣятельности: въ „Ревизорѣ" пустоту, наполненную дѣятельностью мелкихъ страстей и мелкаго эгоизма. Чтобы произведенія его были художественны, т. е. представляли собой особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, онъ взялъ изъ жизни своихъ героевъ такой моментъ, въ которомъ сосредоточивалась вся цѣлостность ихъ жизни, ея значенія, сущность, идея, начало и конецъ: въ первомъ ссору двухъ пріятелей, во второмъ—ожиданіе и пріемъ ревизора. Все чуждое этой ссорѣ и этому ожиданію и пріему ревизора не могло войти въ повѣсть и комедію, и та и другая начаты съ начала и кончены въ концѣ; намъ не нужно знать подробности дѣтства обоихъ друзей—враговъ, ни того, что было съ ними послѣ, какъ ихъ видѣлъ полъ: мы знаемъ это изъ повѣсти, потому что знаемъ этихъ героевъ съ головы до ногъ, знаемъ всю сущность ихъ жизни, вполнѣ исчерпанную поэтомъ въ описаніи ихъ ссоры. Такъ точно, на что намъ знать подробности жизни городничаго до начала комедіи? Ясно и безъ того, что онъ въ дѣтствѣ былъ ученъ на мѣдныя деньги, игралъ въ бабки, бѣгалъ по улицамъ, и какъ сталъ входить въ разумъ, то получилъ отъ отца уроки въ житейской мудрости, т. е. въ искусствѣ натрѣвать руки и хоронить концы въ воду. Лишенный въ юности всякаго религіознаго, нравственнаго и общественнаго образованія, онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца и отъ окружающаго его міра слѣдующее правило вѣры и жизни: въ жизни надо быть счастливымъ, а для этого нужны деньги и чины, а для пріобрѣтенія ихъ — взяточничество, казнокрадство, низкопоклонничество и подличанье передъ властями, знатностью и богатствомъ, ломанье и скотская грубость передъ низшими себя. Простая философія! Но замѣтьте, что въ немъ это не развратъ, а его нравственное развитіе, его высшее понятіе о своихъ объективныхъ обязанностяхъ: онъ мужъ, слѣдовательно обязанъ прилично содержать жену; онъ отецъ, слѣдовательно долженъ дать хо-

роднее приданое за дочерью, чтобы доставить ей хорошую партію и тѣмъ, устроивъ ея благосостояніе, выполнить священный долгъ отца. Онъ знаетъ, что средства его для достиженія этой цѣли грѣшны передъ Богомъ; но онъ знаетъ это отвлеченно, головой, а не сердцемъ, и онъ оправдываетъ себя простымъ правиломъ всѣхъ пошлыхъ людей: „не я первый, не я послѣдній, всѣ такъ дѣлаютъ". Это практическое правило жизни такъ глубоко вкоренено въ немъ, что обратилось въ правило нравственности; онъ почелъ бы себя выскочкой, самолюбивымъ горлецомъ, еслибы, хотя позабывшись, повелъ себя честно въ продолженіе недѣли. Да оно и страшно быть „выскочкой": всѣ пальцы уставятся на васъ, всѣ голоса подымутся противъ васъ; нужна большая сила души и глубокіе корни нравственности, чтобы бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. И не Сквозники-Дмухановскіе увлекаются могучимъ поворотомъ этой магической фразы „всѣ такъ дѣлаютъ" и, какъ Молоху, приносятъ ей въ жертву и таланты, и силы души, и внѣшнее благосостояніе. Нашъ городничій былъ не изъ бойкихъ отъ природы, и потому „всѣ такъ дѣлаютъ" было слишкомъ достаточнымъ аргументомъ для успокоенія его мозолистой совѣсти; къ этому аргументу присоединился другой, еще сильнѣйшій для грубой и низкой души: „жена, дѣти, казеннаго жалованья не станетъ на чаи и сахаръ". Вотъ вамъ и весь Сквозникъ-Дмухановскій до начала комедіи. Что касается до формъ, въ какихъ онъ выражался и проявлялся до того, онъ всѣ тѣ же, все его же, какъ и во время комедіи. Такъ же нетрудно понять, что съ нимъ было и по окончаніи комедіи, какъ онъ дожилъ свой вѣкъ. Художественная обрисовка характера въ томъ и состоитъ, что если онъ данъ вамъ поэтомъ въ извѣстный моментъ своей жизни, вы уже сами можете разсказать всю его жизнь и до и послѣ этого момента. Конецъ „Ревизора" сдѣланъ поэтомъ опять не произвольно, по вслѣдствіе самой разумной необходимости: онъ хотѣлъ показать намъ Сквозника-Дмухановскаго всего, какъ онъ есть, и мы видѣли его всего, какъ онъ есть. Но тутъ скрывается еще другая, не менѣе

важная и глубокая причина, выходящая изъ сущности пьесы. Въ комедіи, какъ выраженіи случайностей, все должно выходить изъ идеи случайностей и призраковъ, и только чрезъ это получать свою необходимость; почтенный нашъ городничій жилъ и вращался въ мірѣ призраковъ, но какъ у него необходимо были свои понятія о дѣйствительности, хотя и отвлеченныя, и сверхъ того самый основательный страхъ дѣйствительности, извѣстный подъ именемъ уголовнаго суда, то и должно было выйти комическое столкновеніе, какъ ошибка естественнаго влеченія сердца къ воровству и плутнямъ съ страхомъ наказанія за воровство и плутни, страхомъ, который увеличивался еще и нѣкоторымъ безпокойствомъ совѣсти. У страха глаза велики, говоритъ мудрая русская пословица: удивительно ли, что глупый мальчишка, промотавшійся въ дорогѣ, трактирный денди, былъ принятъ городничимъ за ревизора? Глубокая идея! Не грозная дѣйствительность, а призракъ, фантомъ или, лучше сказать, тѣнь отъ страха виновной совѣсти должны были наказать человѣка призраковъ. Городничій Гоголя не карикатура, не комическій фарсъ, не преувеличенная дѣйствительность и въ то же время нисколько не дуракъ, но по своему очень и очень умный человѣкъ, который въ своей сферѣ очень дѣйствителенъ, умѣетъ ловко взяться за дѣло—сворować и концы въ воду схоронить, подсунуть взятку и задобрить опаснаго ему человѣка. Его приступы къ Хлестакову во второмъ актѣ — образецъ подъяческой дипломатіи. Итакъ конецъ комедіи долженъ совершиться тамъ, гдѣ городничій узнаетъ, что онъ былъ наказанъ призракомъ, и что ему еще предстоитъ наказаніе со стороны дѣйствительности, или, по крайней мѣрѣ, новыя хлопоты и убытки, чтобы увернуться отъ наказанія со стороны дѣйствительности. И потому приходъ жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прекрасно оканчиваетъ пьесу и сообщаетъ ей всю полноту и всю самостоятельность особаго, замкнутаго въ самомъ себѣ міра. Въ художественномъ произведеніи нѣтъ ничего произвольнаго и случайнаго, но все необходимо и логически вытекаетъ изъ его идеи. Каждое

лицо въ немъ, способствуя развитію главной идеи, въ то же время есть и само себѣ цѣль, живетъ своей особой жизнью. Далѣе мы изъ „Ревизора" разовьемъ подробно эту идею, а пока замѣтимъ мимоходомъ, что, вслѣдствіе этого взгляда на искусство, Мольеръ—такой же художникъ, какъ Гомеровъ Терситъ красавецъ, и такъ же похожъ на Шекспира, какъ титулярный совѣтникъ Поприщинъ на Фердинанда VIII, короля испанскаго. Конечно, французы правы, что ставятъ Мольера выше Корнеля и Расина: онъ дѣйствительно былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ, съ неистощимой живостью и остротою французскаго ума; онъ истощилъ все богатство разговорнаго французскаго языка, воспользовался всею его граціозной игривостью для выраженія смѣшныхъ противорѣчій; онъ подмѣтилъ и вѣрно схватилъ многія черты своего времени. Но онъ великъ въ частностяхъ, а не въ цѣломъ: но его дѣйствующія лица не дѣйствительныя существа, а карикатуры, такъ же, какъ его произведенія сатиры, а не комедіи, такъ же, какъ самъ онъ поэтъ мѣстами, а не художникъ, который, потому художникъ, что творитъ цѣлое, стройное зданіе, выросшее изъ одной идеи. Напримѣръ, въ его „Скупомъ", Гарпагонъ конечно хорошъ, какъ мастерски-написанная карикатура, но всѣ другія лица—резонеры, холодныя сентенціи о томъ, что скупость есть порокъ; ни одно изъ нихъ не живетъ своей жизнью и для самого себя, но всѣ придуманы, чтобы лучше оттѣнить собой героя quasi-комедіи. То же и въ „Тартюфѣ": всѣ лица приточнены для главнаго, и самъ Тартюфъ такъ нехитеръ, что могъ обмануть только одного человѣка, и то потому, что этотъ одинъ пошлый дуракъ. Завязка и развязка многихъ комедій Мольера никогда не выходятъ изъ основной идеи и взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ лицъ, но всегда придумываются, какъ рама для картины, не создаются, какъ необходимая форма. Это оттого, что у него никогда не было идеи, и поэзія для него никогда не была сама себѣ цѣль, но средство исправлять общество осмѣяніемъ пороковъ. Какой это художникъ!

Многіе находятъ странной натяжкой и фарсомъ ошибку

городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора, тѣмъ болѣе, что городничій человѣкъ по своему очень умный, т. е. изъ перваго разряда... Страшное мнѣніе, или, лучше сказать, страшная слѣпота, не допускающая видѣть очевидность! Причина этого заключается въ томъ, что у каждаго человѣка есть два зрѣнія—физическое, которому доступна только внѣшняя очевидность, и духовное, проникающее внутреннюю очевидность, какъ необходимость, вытекающую изъ сущности идеи. Вотъ, когда у человѣка есть только физическое зрѣніе, а онъ смотритъ имъ на внутреннюю очевидность, то и естественно, что ошибка городничаго ему кажется натяжкой и фарсомъ. Представьте себѣ ворошку-чиновника такого, какимъ вы знаете почтеннаго Сквозника-Дмухановскаго: ему видѣлись во снѣ двѣ какія-то необыкновенныя крысы, какихъ онъ никогда не видывалъ, черныя, неестественной величины—пришли, понюхали и пошли прочь. Важность этого сна для послѣдующихъ событій была уже кѣмъ-то очень вѣрно замѣчена. Въ самомъ дѣлѣ, обратите на него все ваше вниманіе: имъ открывается цѣлый призраковъ, составляющихъ дѣйствительность комедіи. Для человѣка съ такимъ образованіемъ, какъ нашъ городничій, сны—мистическая сторона жизни, и чѣмъ они несвязнѣе и безсмысленнѣе, тѣмъ для него имѣютъ большее и таинственнѣйшее значеніе. Если бы послѣ этого сна ничего важнаго не случилось, онъ могъ бы и забыть его; но какъ нарочно на другой день онъ получаетъ отъ пріятеля увѣдомленіе, что „отправился инкогнито изъ Петербурга чиновникъ съ секретнымъ предписаніемъ обревизовать въ губерніи все, относящееся по части гражданскаго управленія“. Сонъ въ руку! Суевѣріе еще болѣе запугиваетъ и безъ того запуганную совѣсть; совѣсть усиливаетъ суевѣріе. Обратите особенное вниманіе на слова „инкогнито“ и „съ секретнымъ предписаніемъ“. Петербургъ есть таинственная страна для нашего городничаго, міръ фантастическій, котораго формъ онъ не можетъ и не умѣетъ себѣ представить. Нововведенія въ юридической сферѣ, грозящія уголовнымъ судомъ и ссылкою за взяточничество и казно-

краснѣе, еще болѣе усугубляютъ для него фантастическую сторону Петербурга. Онъ уже допытывается у своего воображенія, какъ пріѣдетъ ревизоръ, чѣмъ онъ прикинется и какія пули онъ будетъ отливать, чтобы развѣдать правду. Слѣдуютъ толки у честной компаніи объ этомъ предметѣ. Судья-собачникъ, который беретъ взятки борзыми щенками, и потому не боится суда, который на своемъ вѣку прочелъ пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодумецъ, находитъ причину присылки ревизора достойную своего глубокомыслія и начитанности, говоря, что „Россія хочетъ вести войну, и потому министерія нарочно отправляетъ чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны". Городничій понялъ нелѣпость этого предположенія и отвѣчаетъ: „Гдѣ нашему уѣздному городничему! Если бъ онъ былъ пограничнымъ, еще бы какъ-нибудь возможно предположить, а то стоитъ чортъ знаетъ гдѣ — въ глуши... Отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь". За симъ онъ даетъ совѣты своимъ сослуживцамъ быть поосторожнѣе и быть готовыми къ пріѣзду ревизора; вооружается противъ мысли о грѣшкахъ, т. е. взяткахъ, говоря, что „нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ за собой какихъ-нибудь грѣховъ", что „это уже такъ самимъ Богомъ устроено", и что „вольтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ"; слѣдуетъ маленькая перебранка съ судьей о значеніи взятокъ; продолженіе совѣтовъ; ропотъ противъ проклятаго инкогнито. „Вдругъ заглянетъ: а! вы здѣсь, голубчики! А кто скажетъ, здѣсь судья? — Тяпкинъ-Ляпкинъ. А подать сюда Тяпкина-Ляпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній? — Земляника. — А подать сюда Землянику! Вотъ что худо!"... Въ самомъ дѣлѣ, худо! Входитъ наивный почтмейстеръ, который любитъ распечатывать чужія письма, въ надеждѣ найти въ нихъ разные этакіе пассажи... назидательные даже... лучше, нежели въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Городничій даетъ ему плутовскіе совѣты „немножко распечатывать и прочитывать всякое письмо, чтобы узнать— не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, или просто перепишки". Какая глубина въ изображеніи! Вы ду-

маете, что фраза „или просто переписки" безсмыслица, или фарсъ со стороны поэта: нѣтъ, это неумѣніе городничаго выражаться, какъ скоро онъ хоть немного выходитъ изъ родныхъ сферъ своей жизни. И таковъ языкъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи! Наивный почтмейстеръ, не понимая въ чемъ дѣло, говоритъ, что онъ и такъ это дѣлаетъ. „Я радъ, что вы это дѣлаете", отвѣчаетъ плутъ-городничій простяку почтмейстеру: „это въ жизни хорошо", и видя, что съ нимъ обиняками немного возьмешь, напрямки проситъ его—всякое извѣстіе доставлять къ нему, а жалобу или донесеніе просто задерживать. Судья потчуетъ его собаченкой, но онъ отвѣчаетъ, что ему теперь не до собакъ и зайцевъ: „У меня въ ушахъ только и слышно, что никогшто проклятое; такъ и ожидаешь, что вдругъ отворятся двери и войдетъ"...

И въ самомъ дѣлѣ, двери отворяются съ шумомъ, и вбѣгаютъ Петры Ивановичи Бобчинскій и Добчинскій. Это городскіе шуты, уѣздные сплетники; ихъ всѣ знаютъ, какъ дураковъ, и обходятся съ ними или съ видомъ презрѣнія, или съ видомъ покровительства. Они безсознательно это чувствуютъ, и потому изо всей мочи передъ всѣми подличаютъ, и чтобы только ихъ терпѣли, какъ собакъ и кошекъ въ комнатѣ, всѣмъ подслуживаются новостями и сплетнями, составляющими субъективную, объективную и абсолютную жизнь уѣздныхъ городковъ. Вообще съ ними обращаются безъ чиновъ, какъ съ собаками и кошками: надоѣдятъ—выгоняютъ. Ихъ дни проходятъ въ шатаньи и собираньи новостей и сплетней. Обогатясь подобной находкой, они вдругъ вырастаютъ сознаніемъ своей важности и уже бѣгутъ къ знакомымъ смѣло, въ увѣренности хорошаго пріема.

„Чрезвычайное происшествіе!" кричитъ Бобчинскій. „Неожиданное извѣстіе!" восклицаетъ Добчинскій, вбѣгая въ комнату городничаго, гдѣ всѣ настроены на одинъ ладъ, а особливо самъ городничій весь сосредоточенъ на idée fixe. „Что такое?" - Приходитъ въ гостиницу — восклицаетъ Добчинскій. Приходимъ въ гостиницу — перебиваетъ его Бобчинскій. Начинается разсказъ самый обстоятельный,

самыя подробныя, отъ начала до конца: зачѣмъ пошли въ гостиницу, гдѣ, какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, словомъ, по всѣмъ правиламъ топиковъ или общихъ мѣстъ старинныхъ реторикъ. Чудаки перебиваютъ другъ друга: каждому хочется насладиться своей важностью, быть центромъ общаго вниманія, а вмѣстѣ и занять себя, наполнить свою пустоту пустымъ содержаніемъ. Забавнѣе всего то, что имъ самимъ хочется какъ можно скорѣе добраться до эффектнаго конца, а между тѣмъ и хочется продолжить свое торжество и разсказать все сначала и подробнѣе. Бобчинскій овладѣваетъ разсказомъ, говоря, что у Добчинскаго „и зубъ со свистомъ, и слога такого нѣту", и Добчинскому осталось только помогать жестами разсказу счастливаго Бобчинскаго, вмѣшка обѣлать его нѣкоторыми фразами, которыя тотъ снова перехватываетъ и продолжаетъ свой разсказъ. Наконецъ дошли до „молодого человѣка петуриной наружности въ партикулярномъ платьѣ." Представьте себѣ, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ „молодой человѣкъ петуриной наружности въ партикулярномъ платьѣ" на воображеніе городничаго, уже безъ того настроенное ожиданіемъ проклятаго „инкогнито"! И вотъ, наконецъ, Бобчинскій передаетъ донесеніе трактирщика Власа: „Молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга—Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и денегъ хоть бы копѣйку заплатилъ". Слѣдуетъ остроумная смѣтка проницательнаго Бобчинскаго: съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда ему дорога лежитъ Богъ знаетъ куда—въ Саратовскую губернію? Это вѣрно не кто другой, какъ самый тотъ чиновникъ". Не естественъ ли послѣ этого ужасъ городничаго?

Городничій. Что вы говорите? не можетъ быть! Да нѣтъ, это имъ такъ показалось. Это кто-нибудь другой.

Бобчинскій. Помилуйте, какъ не онъ! И денегъ не платитъ, и не ѣдетъ—кому же быть, какъ не ему? И съ какой стати жилъ бы онъ здѣсь, когда ему прописана подорожная въ Саратовъ.

Понимаете-ли вы хотя въ возможности эту чудную логику, эти резоны, эти доводы? на какихъ законахъ разума основаны они? Вотъ онъ — вотъ источникъ комическаго и смѣшного! Видите-ли вы, какая драма, какое столкновеніе противоположныхъ интересовъ, проистекающихъ изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній, выразилось въ этихъ двухъ монологахъ! Городничій уже вѣритъ страшному извѣстію, и какъ утопающій хватается за соломинку, такъ онъ пустымъ вопросомъ хочетъ какъ бы отдалить на время сознаніе горькой истины, чтобы дать себѣ время опомниться; Бобчинскій, напротивъ, всѣми силами старается поддержать и въ другихъ и въ самомъ себѣ увѣренность въ справедливости извѣстія, которое вдругъ придало ему такую важность. „Да, въ этой комедіи нѣтъ ни одного слова, строгой и непреложной необходимости котораго нельзя бы было доказать изъ самой сущности идеи и дѣйствительности характеровъ. Но вотъ Бобчинскій, по тѣмъ же причинамъ, какъ и его достойный другъ, и съ такой же основательностью и очевидностью подаетъ голосъ о несомнѣнности факта:

„Онъ, онъ!.. ей-Богу, онъ!.. Я ставлю Богъ знаетъ что... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ и по угламъ везъ, и даже заглянулъ въ тарелки наши полюбопытствовать, что̀ тамъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани“...

Послѣ такого довода нѣтъ больше сомнѣнія! Такой наблюдательный, что даже въ тарелки заглядываль! Боже мой, да еслибы въ эту минуту бѣдному городничему сказали о наблюдательности его кучера, онъ принялъ бы его за ревизора, отличительнымъ признакомъ котораго въ его испуганномъ воображеніи непремѣнно должна быть наблюдательность...

Видите ли, съ какимъ искусствомъ поэтъ умѣлъ завязать эту драматическую интригу въ душѣ человѣка, съ какой поразительной очевидностью умѣлъ онъ представить необходимость ошибки городничаго? Если и теперь не видите — перечтите комедію или, что еще лучше — посмотрите ее на сценѣ; если и тутъ не увидите — такъ это уже вина

вашего зрѣнія, а мы не беремъ на себя трудной обязанности научить слѣпого безошибочно судить о цвѣтахъ. Если нужны еще доказательства, не изъ сущности идеи произведенія почерпнутыя, а внѣшнія, практическія, разсудочныя и резонерскія, безъ которыхъ многіе люди ничего не понимаютъ, замѣтимъ имъ, что подобные случаи часто бываютъ въ жизни: сосредоточьтесь на плѣ, отъ которой зависитъ ваша участь, —вы начнете говорить о ней съ первымъ встрѣчнымъ на улицѣ, принявъ его за своего пріятеля, къ которому вы шли говорить о ней. По крайней мѣрѣ, это очень возможно.

Пропускаемъ остальную половину перваго акта—отчаяніе городничаго при мысли, что ревизоръ въ полторы недѣли могъ узнать о невинно-высѣченной имъ унтеръ-офицерской женѣ, о покражѣ у арестантовъ провизіи, о нечистотѣ на улицахъ; его радость при мысли, что ревизоръ—молодой человѣкъ; его распоряженія; сцену съ квартальными; просьбу „Добчинскаго взять его съ собой или хоть позволить „бѣжать за дрожками пѣтушкомъ, пѣтушкомъ", чтобы только посмотрѣть въ щелочку: „такъ, знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ .. больше сущность и поступки его, а я ничего"; замѣчаніе городничаго квартальному, что онъ „не по чину береть"; сцену съ частнымъ приставомъ, доносящимъ о квартальномъ „Держимордѣ, который поѣхалъ, по случаю драки, для порядка, и воротился пьянъ; дальнѣйшія распоряженія городничаго; его животныя переходы отъ раскаянія къ ругательствамъ на купцовъ, не догадавшихся подарить ему новой шпаги, хотя и видѣли, что старая уже не годится; его обѣщаніе поставить такую свѣчу, какой никто еще не ставилъ, и угрозу „на каждаго бестію-купца наложить по три пуда воска", когда бѣда минетъ; сцену Анны Андреевны, распрашивающей мужа за дверью о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; брань ея на дочь, которая своей кокетливостью при туалетѣ лишила ее возможности поскорѣе разузнать о ревизорѣ; эту пикировку съ дочерью, въ которой поблеклая кокетка уѣзднаго города представляется какъ бы видящей въ молодой

дочери свою соперницу: скажемъ коротко, что во всемъ этомъ, какъ и въ предшествовавшемъ, поэтъ остался вѣренъ своей идеѣ, не измѣнилъ ей ни словомъ ни чертою; что все это больше нежели портретъ или зеркало дѣйствительности, но болѣе похоже на дѣйствительность, нежели дѣйствительность похожа сама на себя, ибо все это художественная дѣйствительность, замыкающая въ себѣ всѣ частныя явленія подобной дѣйствительности...

Передъ вами Осипъ — герой лакейской природы, представитель цѣлаго рода безчисленныхъ явленій, изъ которыхъ онъ ни на одно не похожъ, какъ двѣ капли воды, но изъ которыхъ каждое похоже на него, какъ двѣ капли воды. Въ своемъ большомъ монологѣ, гдѣ между прочимъ читаетъ онъ нравоученіе самому себѣ для своего барина, онъ высказываетъ всего себя, свои отношенія къ барину и наконецъ самого барина. Вы видите деревенскаго слугу, который, пожившъ въ Петербургѣ, постигъ достоинство столичной жизни и галантерейнаго обращенія, но, по пословицѣ „сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ", предпочитаетъ мирную деревенскую жизнь треволненіямъ столицы, въ которой хуже безъ денегъ, иной разъ славно наѣшься, а въ другой — чуть не лопнешь съ голода. Въ истинно-художественномъ произведеніи всегда видно, какъ взаимныя отношенія персонажей дѣйствуютъ на самыя ихъ характеры, и потому вамъ тотчасъ станетъ ясно, что Осипъ — грубіянъ столько же по натурѣ, сколько и по презрѣнію къ своему барину, котораго глупость онъ понимаетъ по своему. Этотъ баринъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Онъ — франтъ и щеголь, потому что дуракъ и столичный житель; глупцы скорѣе всего перенимаютъ внѣшнія стороны высшей ихъ жизни. Отецъ содержитъ его прилично, но онъ мотаетъ батюшкины денежки, чтобы наполнить свою пустоту, занять свою праздность и удовлетворить мелкому тщеславію, а потомъ спускаетъ платье на рынкѣ до новой присылки денегъ. „Онъ дѣйствуетъ и говоритъ безъ всякаго соображенія: не въ состояніи остановить постояннаго вниманія

на какой-нибудь мысли; рѣчь его отрывиста, и слова вылетаютъ совершенно неожиданно“. Онъ слышалъ, что есть на свѣтѣ вещь, которая называется литературой, и въ его пустой головѣ въ безпорядкѣ улеглись имена сочиненій и названіе журналовъ и сочинителей: Брамбеусъ и Смирдинъ, „Библіотека для Чтенія“ и „Сумбека“, „Юрій Милославскій“ и „Фанелла“. Онъ —денди не по одному модному платью, но и по манерамъ, денди трактирный, одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя красуются на вывѣскахъ московскихъ трактировъ, цирюленъ и портныхъ. Въ Пензѣ его обыграли начистую нѣхотный капитанъ: онъ за это досадуетъ на случай и несчастье, но не на капитана, къ которому онъ благоговѣетъ, какъ диллетантъ къ художнику, потому что, „что ни говори, а удивительно, бестія, штосы срѣзываетъ: всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ и все обобралъ—славно играетъ!“ Великое достоинство въ его глазахъ!

Посмотрите, какъ робко и какими косвенными вопросами хочетъ онъ узнать отъ Осипа, есть ли у нихъ табакъ: о, онъ боится его нравоученій и его грубости! Посмотрите, какъ онъ подличаетъ передъ трактирнымъ прислужникомъ, справляясь о его здоровьи и о числѣ пріѣзжающихъ въ ихъ трактиръ, и какъ ласково проситъ его поторопиться принести обѣдать! Какая сцена, какія положенія, какой языкъ! Гдѣ подсмотрѣлъ, гдѣ подслушалъ поэтъ сцены и этотъ языкъ? И почему только одинъ онъ такъ подсмотрѣлъ и такъ подслушалъ? Можетъ быть потому, что онъ подсматривалъ и подслушивалъ какъ и всѣ, то есть, не подсматривая и не подслушивая, да въ фантазіи то его это отразилось не такъ, какъ у всѣхъ. А вѣдь и эти всѣ— тоже поэты и художники, и какъ блины пекутъ и трагедіи, и драмы, и оперы, и комедіи, и водевили...

Входитъ Осипъ и говоритъ барину, что „тамъ чего-то пріѣхалъ городничій, освѣдомляется и спрашиваетъ о васъ“,— новое комическое столкновеніе! У Хлестакова воображеніе настроено на мысли о жалобѣ трактирщика, о тюрьмѣ... Онъ испугался тюрьмы, но утѣшился мыслью, что если

поведутъ его туда благороднымъ образомъ, то ничего; но мысль о двухъ купеческихъ дочеряхъ и офицерахъ, которыхъ онъ видѣлъ на улицѣ, снова приводитъ его въ отчаяніе... Можете представить, въ какомъ настроеніи его воображенія входитъ къ нему городничій... Въ высшей степени комическое положеніе!.. Но мы пропускаемъ эту превосходную сцену—она говоритъ сама за себя, а для кого она нѣма, тѣмъ немного помогутъ наши толкованія. Скажемъ только, что въ этой сценѣ городничій является во всемъ своемъ блескѣ: съ одной стороны, какъ чуждый фантастическому для него понятію петербургскаго чиновника и весь сосредоточенный на мысли о „проклятомъ инкогнито", онъ всѣ глупости Хлестакова принимаетъ за тонкія штуки, а съ другой — преловко и прехитро выкидываетъ свои тонкія штуки и улаживаетъ дѣло.

Третье дѣйствіе, а Анна Андреевна все еще у окна съ своею дочерью, въ высшей степени комическая черта! Тутъ не одно праздное любопытство пустой женщины: ревизоръ молодъ, а она кокетка, если не больше... Дочь говоритъ, что кто-то идетъ—мать сердится: „Гдѣ идетъ? у тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи; ну, да, идетъ". Потомъ вопросъ, кто идетъ: дочь говоритъ, что это Добчинскій — мать опять не соглашается и опять упрекаетъ дочь ни въ чемъ: „Какой Добчинскій? тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое! совсѣмъ не Добчинскій. Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!" Наконецъ объ разглядываютъ; дочь говоритъ: „А что? а что, маменька? Видите, что Добчинскій!" Мать отвѣчаетъ: „Ну, да, Добчинскій. теперь я вижу изъ чего же ты споришь!" Можно ли лучше поддержать достоинство матери, какъ не быть всегда правой передъ дочерью и не дѣлая всегда дочь виноватой предъ собой? Какая сложность элементовъ выражена въ этой сценѣ: уѣздная барыня, устарѣлая кокетка, смѣшная мать! Сколько оттѣнковъ въ каждомъ ея словѣ, какъ значительно, необходимо каждое ея слово! Вотъ что значитъ проникать въ таинственную глубину организаціи предмета, и во внѣшность выводить то, что кроется въ самыхъ недоступныхъ для зрѣнія тка-

нялъ и первахъ внутренней организаціи! Поэтъ заставляетъ насквозь видѣть эти характеры и внутри находитъ причины всего внѣшняго, являющагося. Сцена Анны Андреевны съ Добчинскимъ: та и другой является тутъ во всей своей прелестности. Она спрашиваетъ его, тотъ ли это ревизоръ, о которомъ увѣдомляли ея мужа. „Настоящій; я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ“. Потомъ онъ пересказываетъ свиданіе городничаго съ Хлестаковымъ такъ, какъ оно отразилось въ его понятіи и какъ должно было отразиться въ понятіи городничаго, и заключаетъ, что онъ тоже „перетрухнулъ немножко“. „Да вамъ то чего бояться — вѣдь вы не служите?“ спрашиваетъ она его. „Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, то чувствуешь страхъ“, отвѣчалъ простакъ. На вопросъ городничихи о наружности ревизора, онъ его описываетъ такъ, какъ онъ отразился въ его узкой головѣ: Молодой, молодой человѣкъ: лѣтъ двадцати-трехъ; а говоритъ совершенно какъ старикъ. Извольте, говоритъ, я пойду и туда, и туда . (размахиваетъ руками) такъ это все славно“. Видите ли въ этихъ безсмысленныхъ словахъ немножко-идіотское неумѣніе отдать себѣ отчетъ въ собственномъ впечатлѣніи и выразить его словомъ? Далѣе: „Я, говоритъ, и написать, и почитать люблю, но мѣшаетъ, что въ комнатѣ, говоритъ, немножко темно“. Видите ли изъ этого, что чѣмъ Хлестаковъ былъ пошлѣе, безсвязнѣе въ своихъ фразахъ, тактичнѣе въ своихъ манерахъ, тѣмъ больше приставалъ онъ себѣ значеніе не только въ глазахъ Добчинскаго, но и самого городничаго? Есть ли люди, которые почитаютъ въ книгахъ глубокимъ и мудрымъ все, чего они не понимаютъ; приведите къ нимъ какого нибудь глупца или ловкаго мистификатора, какъ автора этой умной книжки: чѣмъ нелѣпѣе онъ будетъ выражаться, тѣмъ больше они будутъ ему удивляться. Для городничаго ревизоръ былъ слишкомъ премудрой книгой, потому уже только, что онъ ревизоръ съ этой точки зрѣнія его трудно было сдвинуть, и потому все, что Хлестаковъ ни вралъ послѣ къ ясной своей невыгодѣ, только еще

болѣе поддерживало городничаго въ его заблужденіи, вмѣсто того чтобы вывести изъ него и открыть ему глаза.

Сцена матери и дочери, совѣтующихся о туалетѣ, чтобы ихъ не осмѣяла какая-нибудь „столичная штучка“, и споръ о палевомъ платьѣ, которое, по мнѣнію матери, къ лицу ей, такъ какъ у ней самые темные глаза, потому что „она и гадаетъ всегда на трефовую даму“, и возраженіе дочери, „что къ ней не идетъ цвѣтное платье, потому что она больше червонная дама“—эта сцена и этотъ споръ окончательно и рѣзкими чертами обрисовываетъ сущность, характеры и взаимныя отношенія матери и дочери, такъ что послѣдующее уже нисколько не удивляетъ въ нихъ васъ, какъ не удивляетъ сумма четырехъ, вышедшая изъ умноженія двухъ на два. Вотъ въ этомъ-то состоитъ типизмъ изображенія: поэтъ беретъ самыя рѣзкія, самыя характеристическія черты живописуемыхъ имъ лицъ, выпуская всѣ случайныя, которыя не способствуютъ къ оттѣненію ихъ индивидуальности. Но онъ выбираетъ не по сортировкѣ, не по соображенію и сличенію болѣе годныхъ съ менѣе годными, онъ даже и не думаетъ, не заботится объ этомъ, но все это выходитъ у него само собою, потому что изображаемыя имъ на бумагѣ лица прежде всего изобразились у него въ фантазіи, и изобразились во всей полнотѣ своей и цѣлости, со всѣми родовыми примѣтами, отъ цвѣта волосъ до родимаго пятнышка на лицѣ, отъ звука голоса до покроя платья. Положить ихъ на бумагу — для него уже актъ второстепенный, почти механическій трудъ. И посмотрите, какъ легко у него все выходитъ: въ этой коротенькой, какъ бы слегка и небрежно наброшенной сценѣ вы видите прошедшее, настоящее и будущее, всю исторію двухъ женщинъ, а между тѣмъ она вся состоитъ изъ спора о платьѣ, и вся какъ бы мимоходомъ и нечаянно вырвалась изъ-подъ пера поэта!..

Сценка явленія Хлестакова въ домѣ городничаго въ сопровожденіи свиты изъ городского чиновничества и самого Сквозника-Дмухановскаго, представленіе Анны Андреевны и Марьи Антоновны, любезничанье и вранье Хлестакова -

каждое слово, каждая черта во всемъ этомъ, общность и характеръ всего этого—торжество искусства, чудная картина, написанная великимъ мастеромъ, никогда не жданное, никѣмъ не подозрѣвавшееся изображеніе всѣми видѣннаго, всѣмъ знакомаго, и, несмотря на то, всѣхъ удивившаго и поразившаго своей новостью и небывалостью!.. Здѣсь характеръ Хлестакова—этого втораго лица комедіи развертывается вполнѣ, раскрывается до послѣдней видимости своей микроскопической мелкости и гигантской пошлости. Къ сожалѣнію, это лицо понятно меньше прочихъ лицъ, и еще не нашло для себя достойнаго артиста на театрахъ обѣихъ столицъ. Многимъ характеръ Хлестакова кажется рѣзокъ, утрированъ, если можно такъ выразится, его болтовня, напоминающая не любо, не слушай—врать не мѣшай, изысканно-неправдоподобна Но это потому, что всякій хочетъ видѣть, и слѣдовательно видитъ въ Хлестаковѣ свое понятіе о немъ, а не то, которое существенно заключается въ немъ. Хлестаковъ является къ городничему въ домъ послѣ внезапной перемѣны его судьбы: не забудьте, что онъ готовился идти въ тюрьму, а между тѣмъ нашелъ деньги, почетъ, угощеніе, что онъ, послѣ невольнаго и мучительнаго голода, наѣлся досыта, отчего и безъ вина можно прійти въ какое-то полупьяное разслабленіе, а онъ еще и попилъ. Какъ и отчего произошла эта внезапная перемѣна въ его положеніи, отчего передъ нимъ стоятъ всѣ навытяжку—ему до этого нѣтъ дѣла: чтобы понять это, надо думать, а онъ не умѣлъ думать, онъ влечется, куда и какъ толкаютъ его обстоятельства. Въ его полупьяной головѣ, при обремененномъ желудкѣ, все перепуталось, все перемѣстилось и Смирнинъ съ Брамбеусомъ, и „Библіотека“ съ „Сумбекою“ и Маврушка съ посланниками. Слова выпаливаетъ у него вдохновенно: оканчивая послѣднее слово фразы, онъ не помнитъ ея перваго слова. Когда онъ говорилъ о своей значительности, о связяхъ съ посланниками, онъ не зналъ, что онъ врётъ, и нисколько не думалъ обманывать: сказавъ первую фразу, онъ продолжалъ, какъ бы противъ воли, какъ камень, толкнутый съ горы,

катится уже не посредствомъ силы, а собственной тяжестью. „Меня даже хотѣли сдѣлать вице-канцлеромъ (зѣваетъ во всю глотку). О чемъ, бишь, я говорилъ?“ Если бы ему сказали, что онъ говорилъ о томъ, какъ отецъ сѣкалъ его розгами, онъ навѣрное уцѣпился бы за эту мысль и началъ бы не говорить, а какъ будто продолжать, что это очень больно, что онъ всегда кричалъ, но что „при нынѣшнемъ образованіи этимъ ничего не возьмешь“.

Многіе почитаютъ Хлестакова героемъ комедіи, главнымъ ея лицомъ. Это несправедливо. Хлестаковъ является въ комедіи не самъ собою, а совершенно случайно, мимоходомъ, и притомъ не самимъ собою, а ревизоромъ. Но кто его сдѣлалъ ревизоромъ? страхъ городничаго, слѣдовательно онъ—созданіе испуганнаго воображенія городничаго, призракъ, тѣнь его совѣсти. Поэтому онъ является во второмъ дѣйствіи и исчезаетъ въ четвертомъ,—и никому нѣтъ нужды знать, куда онъ поѣхалъ и что съ нимъ стало: интересъ зрителя сосредоточенъ на тѣхъ, которыхъ страхъ создалъ этотъ фантомъ, и комедія была бы не кончена, еслибы окончилась четвертымъ актомъ. Герои комедіи—городничій, какъ представитель этого міра призраковъ.

Въ „Ревизорѣ“ нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно-образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣшнею формою, и потому представляющее собою особенный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ. Скрѣпя сердце, пропускаемъ VII, VIII, IX и X явленія третьяго акта и остановимся только на оцѣпенѣніи городничаго, какъ бы кто ударилъ его обухомъ по головѣ: „такъ совсѣмъ ошеломило! страхъ такой напалъ: еще такого важнаго человѣка никогда не видалъ (задумывается); съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ... такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь... чертъ его знаетъ, не знаешь, что и дѣлается въ головѣ, какъ будто стоишь на какой-нибудь колокольнѣ или тебя хотятъ повѣсить...“ Это говоритъ уѣздный чиновникъ, служака, начавшій службу по старинному, что называлось „тянуть лямку“:

а вотъ голосъ чиновницы новаго времени, которая всегда образованіе своего мужа: „А я никакой совершенно не ощутила робости, я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка, а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ". Безподобна и эта выходка философствующаго городничаго: „Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: народъ все тоненькій, поджаристый такой. Никакъ не узнаешь, что онъ важная особа". Это голосъ стараго чиновника, врасплохъ застигнутаго новымъ временемъ: онъ уже и прежде слышалъ, а теперь собственными глазами удостовѣрился, что нынче-де уже по головѣ, а не по брюху дѣлаются важными особами.

Въ первыхъ сценахъ четвертаго акта Хлестаковъ бесѣдуетъ съ самимъ собой и является все тѣмъ же, все самимъ же собой, и не измѣняетъ себѣ ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ. Послѣ дивныхъ сценъ съ чиновниками города, у которыхъ онъ набралъ денегъ, онъ еще въ первый разъ догадывается, что его принимаютъ не за то, что онъ есть, а за великаго государственнаго человѣка. Причина этого явленія и могущія выйти изъ него слѣдствія не въ силахъ остановить на себѣ его вниманія. Это одна изъ тѣхъ головъ, которыя не въ состояніи переварить самаго простого понятія и глотаютъ не жевавши. Онъ очень радъ, что его приняли за важную особу: „Я это люблю. Мнѣ нравится, если меня почитаютъ за важнаго человѣка. Въ моей физіономіи точно есть что-то такое внушающее"... и не докончилъ, сколько потому, что эта фраза слышанная, а не своя, столько потому, что вдругъ перепрыгнулъ къ другому предмету... „Это съ ихъ стороны тоже благородная черта, что они готовы дать взаймы денегъ". Видите ли: его приняли за важную особу—оттого, что „у него въ физіономіи есть что-то внушающее"; это должная дань его личнымъ достоинствамъ, а не другая, болѣе важная для чиновниковъ причина; что ему надавали денегъ, это не взятки, а заемъ, и онъ на ту минуту, какъ говоритъ, вполнѣ убѣжденъ, что возвратитъ имъ свой долгъ. Но Осипъ умнѣе своего барина: онъ все понимаетъ и ласково тоже, какъ

будто мимоходомъ, совѣтуетъ ему уѣхать, говоря: „Погуляли здѣсь два денька, ну и довольно; что съ ними связываться! плюньте на нихъ! неровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ", и обольщаетъ его тройкой лихихъ лошадей съ колокольчикомъ. Эта приманка, ровно какъ и мимоходомъ сказанное предостереженіе, что „батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣшкались", и рѣшила Хлестакова послѣдовать благоразумному совѣту. Слѣдуетъ сцена съ купцами, въ которой вы видите, какъ на ладони, это купечество уѣзднаго городка, которое выучилось кое-какъ зашибать деньгу, а еще не обрилось и не умылось, чтобы отъ его бородки не пахло капустой; которое плохо знаетъ грамоту и живетъ на „авось", т. е. гдѣ выторговалъ, а гдѣ надулъ, и съ которымъ по всему этому городничій обходился безъ чиновъ: „схватитъ за бороду, говоритъ, ахъ ты, татаринъ"; которое наконецъ любитъ коли давать, такъ давать—возьми и подносикъ, и головку сахара, и кулечекъ съ винами, и не триста,—что триста!—пятьсотъ, только дѣло сдѣлай. Языкъ неподражаемо вѣренъ. Хлестаковъ опять не измѣняетъ себѣ: беретъ взаимы, о взяткахъ слышать не хочетъ, и если гдѣ приходитъ въ маленькое недоумѣніе, тамъ толкаетъ его Осипъ и заставляетъ не быть безъ дѣйствія. Но вотъ входитъ Марья Антоновна: она въ комнатѣ чужого молодого человѣка ищетъ маменьки... Ея приходъ толкаетъ Хлестакова, т. е. заставляетъ дѣлать то, чего онъ не думалъ дѣлать. Онъ—франтъ, она—„барышня": слѣдовательно ему должно волочиться за нею. Что изъ этого выйдетъ -такая мысль не можетъ прійти въ его пустую и легкую голову, которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ внѣшняго обстоятельства, подъ впечатлѣніемъ настоящей минуты. „Барышня" глупа, пуста и пошла, но она уже прочла нѣсколько романовъ, и у нея есть альбомъ, въ который Хлестаковъ долженъ написать какіе-нибудь этакіе новенькіе „стишки". О, ему это ничего не стоитъ—онъ много знаетъ наизусть стиховъ, напр.: „О ты, что въ горести напрасно", и пр. И вотъ онъ на колѣняхъ передъ нею. Увидя она—онъ черезъ минуту забылъ бы объ этой сценѣ, какъ со-

всѣмъ не бывалой; но входитъ мать и толкаетъ его „просить руки“ Марьи Антоновны. Онъ уѣзжаетъ въ полной увѣренности, что онъ—женихъ и что все сдѣлалось какъ должно; но извозчикъ крикнулъ, колокольчикъ залился—и Хлестаковъ готовъ спросить себя: „На чемъ, бишь, я остановился?“

Первыя сцены пятаго акта представляютъ намъ городничаго въ полнотѣ его грубаго блаженства животной натуры. Здѣсь поэтъ является глубокимъ анатомикомъ души человѣческой, проникаетъ въ самые недоступные тайники ея и выводитъ наружу все скрывшееся въ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ пятомъ актѣ городничій является въ своемъ апотеозѣ, полнымъ опредѣленіемъ своей сущности, вполнѣ опредѣлившейся возможностью: все темное, грязное, низкое и грубое, что крылось въ его природѣ, развивалось воспитаніемъ и обстоятельствами, все это всплыло со дна наверхъ, извнутри явилось наружу, и явилось такъ добродушно, такъ комически, что вы невольно смѣетесь тамъ, гдѣ бы должны были ужасаться. „Что, говоритъ онъ женѣ, тебѣ и во снѣ не видѣлось: просто изъ какой-нибудь городничихи, и вдругъ... фу ты, канальство! Съ какимъ дьяволомъ породнилась!“—„Какія мы съ тобой теперь птицы сдѣлались! А, Анна Андреевна! высокаго полета, чортъ побери!“ Изъ труса онъ дѣлается нахаломъ, мѣщаниномъ, который вдругъ попалъ въ знатные люди: страхъ Сибири прошелъ—онъ уже не обѣщаетъ Богу иудовой свѣчи, и грозится еще жить и обирать купцовъ; велитъ кричать о своемъ счастьи всему городу, „валять въ колокола: коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!“ его дочь выходитъ замужъ за такого человѣка, „что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ“. Боже мои! къ лицу ли ему генеральство! А онъ въ пѣнистовомъ восторгѣ, въ бѣшеной комической страсти отъ мысли, что будетъ генераломъ... „Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь, фельъегери и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ: лошадей! и тамъ, на станціяхъ никому не дадутъ, все до-

жидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ: стой городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!“

Такъ проявляются грубыя страсти животной натуры! Это страсть — и страсть бѣшеная: у нашего городничаго сверкаютъ глаза, въ голосѣ тонъ изступленія, движенія порывисты. Если не вѣрите — посмотрите на Щепкина въ этой роли. Въ комедіи есть свои страсти, источникъ которыхъ смѣшонъ, но результаты могутъ быть ужасны. По понятію нашего городничаго, быть генераломъ—значитъ видѣть предъ собою униженіе и подлость отъ низшихъ, гнести всѣхъ негенераловъ своимъ чванствомъ и надменностью; отнять лошадей у человѣка нечиновнаго или меньшаго чиномъ, по своей подорожной имѣющаго равное на нихъ право; говорить „братецъ“ и „ты“ тому, кто говоритъ ему „ваше превосходительство“ и „вы“, и проч. Сдѣлайся нашъ городничій генераломъ — и когда онъ живетъ въ уѣздномъ городѣ, горе маленькому человѣку, если онъ, считая себя „не имѣющимъ чести быть знакомымъ съ генераломъ“, не поклонится ему, или на балу не уступитъ мѣста, хотя бы этотъ маленькій человѣкъ готовился быть великимъ человѣкомъ!.. тогда изъ комедіи могла бы выйти трагедія для „маленькаго человѣка“...

Приходъ купцовъ усиливаетъ волненіе грубыхъ страстей городничаго; изъ животной радости онъ переходитъ въ животную злобу. Сначала хочетъ говорить тихо, съ сосредоточенной яростью и злобной иронiей: но животная натура не даетъ ему выдержать этой роли: власть надъ собой принадлежитъ только образованнымъ людямъ: онъ постепенно приходитъ въ бо́льшую и бо́льшую ярость и разражается ругательствами. Онъ пересчитываетъ Абдулину свои благодѣянія, т. е. напоминаетъ случаи, гдѣ они вмѣстѣ казну обкрадывали... Купцы являются тѣми же купцами: они низко кланяются, низко подличаютъ. Великодушный городничій смягчается, но на условіи, чтобы „засуленыя бороды, аршинники, самоварники, протоканалiи и архибестiи“ не думали

„отбояриться отъ него какимъ-нибудь балычкомъ или головой сахара“, ибо-де „онъ выдастъ дочку свою не за какого-нибудь дворянина“...

Начинаютъ собираться гости. Городничій снова въ своемъ нѣтушьемъ величіи. Передъ нимъ всѣ подличаютъ, какъ передъ знатной особой; поздравляютъ вслухъ „съ необыкновеннымъ благополучіемъ“ и ругаютъ вполголоса. Городничиха, какъ и съ самаго начала пятаго акта, играетъ роль случайной дамы, которая однако нисколько не удивлена своимъ счастьемъ, какъ по праву принадлежащимъ ея достоинствамъ и какъ давно привычнымъ ей. Она показываетъ, что равнодушна къ нему. Но устарѣлая кокетка беретъ верхъ надъ знатной дамой: она почти оспариваетъ жениха у своей дочери. Входитъ простодушный почтмейстеръ и преданно открываетъ всѣмъ глаза насчетъ мнимаго ревизора, доказавъ очевидно, что онъ „и не уполномоченный, и не особа“. Сцена чтенія письма Хлестакова— въ высшей степени комическая. Но что же нашъ городничій? Вы думаете, ему стыдно, мучительно-стыдно видѣть себя такъ жестоко одураченнымъ собственной ошибкой, такъ тяжко наказаннымъ за свои грѣхи? Какъ бы не такъ! Бездарность, посредственность или даже обыкновенный талантъ тотчасъ бы воспользовались случаемъ заставить городничаго раскаяться и исправиться; но талантъ необыкновенный глубже понимаетъ натуру вещей и творитъ не по своему произволу, а по закону разумной необходимости. Городничій пришелъ въ бѣшенство, что допустилъ обмануть себя мальчишкѣ, вертопраху, у котораго молоко на губахъ не обсохло, онъ, который „тридцать лѣтъ жилъ на службѣ“, котораго „ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ: проныхъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, подцѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!“— Вы думаете, ему совѣстно, мучительно-совѣстно смотрѣть на тѣхъ людей, передъ которыми онъ сейчасъ только такъ ломался, которые унижались и подличали передъ его мнимой знатностью? Ничего не бывало! Когда дражайшая его

половина обнаруживаетъ всю свою глупость наивнымъ вопросомъ: „Какъ же?.. вѣдь это не можетъ быть... онъ совсѣмъ вѣдь обручился съ нашей Машенькой?" онъ не только не старается замять позорнаго для нихъ обоихъ объясненія, но еще съ досадой на ея недогадливость очень ясно толкуетъ ей, въ чемъ дѣло: „А развѣ ты не видишь, что у него все это фу-фу? Пустѣйшій человѣкъ, чортъ бы побралъ его! Вотъ подлинно, если Богъ захочетъ наказать, такъ отнимаетъ разумъ. Ну, что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка, или вельможу? Пусть бы онъ имѣлъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то чортъ знаетъ что? дрянь, сосулька! Тоньше сѣрной спички!" Затѣмъ обманутые чудаки бросаются съ ругательствомъ на Петровъ Ивановичей, какъ первыхъ вѣстовщиковъ о пріѣздѣ ревизора. Брань сыплется на нихъ градомъ; они сваливаютъ вину другъ на друга, какъ вдругъ явленіе жандарма съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора прерываетъ эту комическую сцену и, какъ громъ, разразившійся у нихъ подъ ногъ, заставляетъ ихъ окаменѣть отъ ужаса, и такимъ образомъ превосходно замыкаетъ собою цѣлость пьесы.

Все, сказанное нами о „Ревизорѣ", отнюдь не есть разборъ этого превосходнаго произведенія искусства. Подробный разборъ хода пьесы, характеровъ ея дѣйствующихъ лицъ, ихъ взаимныя отношенія и ихъ взаимнодѣйствія другъ на друга завели бы насъ далеко и отвлекли бы отъ главнаго предмета „Горе отъ ума", а наша статья и безъ того вышла слишкомъ велика. Скрѣпя сердце и обузлывая руку, мы не показали подробно развитія дѣйствія, а наскоро пробѣжали его, не останавливались на отдѣльныхъ лицахъ, но, такъ сказать, зацѣплялись за нихъ. Наша цѣль была— намекнуть на то, чѣмъ должна быть комедія, художественно-созданная. Для этого мы старались намекнуть на идею „Ревизора", а вслѣдствіе ея не только на естественность, но и на необходимость ошибки городничаго, принявшаго Хлестакова за ревизора,—ошибки, составляющей завязку, интригу и развязку комедіи, а чрезъ все это указать по возможности

на цѣлость (Totalität) пьесы, какъ особаго, въ самомъ себѣ замкнутаго міра.

Не намъ судить, до какой степени выполнили мы все это; по крайней мѣрѣ теперь читатели могутъ ясно видѣть наши требованія отъ искусства и нашъ критеріумъ для сужденія о комедіи.

В. Бѣлинскій

Алфавитный указатель

литературныхъ именъ и предметовъ, встрѣчающихся на страницахъ второй части „Русской критической литературы о произведеніяхъ Н. В. Гоголя".

Аксаковъ, К. 128—138, 140—148, 150, 152—160, 164—168, 169.
„Александріада". 144.
„Альфъ и Альдона". 117.
„Арабески". 29, 160, 172, 173.
Аріостъ. 15, 18, 67, 73, 154.
Байронъ. 67, 97, 123, 125, 126, 128, 145—147, 153, 157, 160, 163.
Беранже. 123, 147.
„Библіотека для Чтенія". 67, 99—101, 103—105, 113, 116—118, 139, 140, 190, 194.
„Большой выходъ сатаны". 117.
„Борисъ Годуновъ", Пушкина. 151, 178.
Бочаровъ. 101.
„Боярынъ Орша", Лермонтова. 125, 146.
Брамбеусъ, бар. (псевд. Сенковскаго). 113, 116, 117, 190, 194.
Бѣлинскій. 99—128, 138—173, 177—202.
Вальтеръ-Скоттъ. 13, 19, 121—123, 126, 145—148, 153, 154, 157.
„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки". 14, 160, 172.
„Вечеръ наканунѣ Ивана Купала". 160.
„Взглядъ на современную русскую литературу (статьи 2-я, сторона свѣтлая)", С. Шевырева. 173.
Виргилій. 73.
„Вій". 29, 172.
Вольтеръ. 2, 113. 154.
„Галубъ", Пушкина. 146.
„Гамлетъ". 159.
Гейне. 159.
„Генріада". 144.
„Герой нашего времени". Лермонтова. 117, 171.
Гёте. 29, 67, 123, 125, 126, 157, 159, 160.
Гомеръ. 15, 16, 67, 73, 83, 97, 98, 120—124, 126—134, 136, 139, 142, 143, 146—154, 156—159, 163, 166, 167, 182.
„Гонзаловъ Кордуанскій", Флоріана. 144.
„Горе отъ ума", Грибоѣдова. 201.
„Горе отъ ума", ст. Бѣлинскаго. 177.
Гофманъ. 29.
Гречъ, Н. 33—40, 103, 104, 175.
Грибоѣдовъ, А. С. 178.

Дантъ. 15, 17, 18, 123, 144, 150, 154, 157.
„Два Призрака". 117.
„Демонъ", Лермонтова. 146.
Державинъ. 99.
„Divina Comedia", Данта. 144.
„Дѣва Чудная". 116, 117.
„Евгеній Онѣгинъ", Пушкина. 67, 123.
Жаненъ. 100.
Жанъ-Поль. 6, 29.
„Жанъ". 98.
„Женитьба". 173.
Жоржъ-Зандъ. 123, 132, 155, 156.
Жуковскій. 67.
Загоскинъ, М. Н. 49.
„Записки Сумасшедшаго". 173.
„Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка". 159.
„Игроки". 173.
„Иліада", Гомера. 98, 120—122, 127, 129, 130, 135, 139, 142—145, 147—150, 153, 159, 166.
„Кадмъ и Гармонія", Хераскова. 144.
„Каменный Гость", Пушкина. 178.
„Капитанская Дочка", Пушкина. 117.
„Коляска". 172, 173.
Корнель. 182.
Крыловъ. 20, 110, 111, 147.
Кукольникъ. 117.
Куперъ. 122, 123, 145, 147, 153, 154, 157.
„Лакейская Сцена". 173.
Ланкастеръ. 47.
Лафонтенъ. 111, 177.
Лермонтовъ. 117, 125, 146, 171.
Листъ. 41.
„Мазепа". 115.
Марлинскій. 162.
„Мертвыя Души". 1—175.
„Мессіада". 144.
Мильтонъ. 73.
„Миргородъ". 172.
Мольеръ. 111, 182.
„Москвитянинъ". 1, 128, 140, 162, 172, 173.
„Московскія Вѣдомости". 184.
„Моцартъ и Сальери", Пушкина. 178.
„Мцыри", Лермонтова. 146.
„Невскій Проспектъ". 173.
„Недоросль", Фонвизина. 34.
„Новая Элоиза", Руссо. 154.
„Новоселье". 116.
„Носъ". 29, 172, 173.
„Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: Похожденія Чичикова, или Мертвыя Души", ст. Бѣлинскаго. 119, 128, 139, 140.
„Объясненіе", ст. К. Аксакова. 128, 141, 146, 148, 155.
„Объясненіе на объясненіе по поводу поэмы Гоголя „Мертвыя Души". 138.
„Одиссея", Гомера. 67, 143, 145.
Озеровъ. 176.
Орловскій. 2.
„Освобожденный Іерусалимъ". 144.
Основьяненко. 175.
„Отечественныя Записки". 99, 119, 128, 129, 131, 132, 135—141, 163, 168—170, 178.
Перуджино. 15.
„Петріада". 144.
Петръ Великій. 111.
Плетневъ. 40—67.
Полевой, Н. 175—177.
„Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи", Хераскова. 144.
Поль-де Кокъ. 40, 95—98, 105, 113, 116.
„Портретъ". 160, 173.
„Потерянный Рай". 144.

„Похожденія одной ревизской души". 117.
Пушкинъ. 27, 67, 117, 123, 126, 127, 140, 146, 150, 151, 163, 171, 175, 178.
„Прометей", Гёте. 125.
„Разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи". 173.
Распинъ. 182.
Рафаэль. 15.
„Ревизоръ". 4, 6, 7, 12, 33, 94, 117, 172—202.
„Римъ". 162, 172, 173.
„Россіада". 144.
„Русалка", Пушкина. 178.
„Русскій Вѣстникъ". 175.
Руссо, 125, 154.
Свифтъ, 154.
„Свѣтскія Сцены". 173.
Сенковскій, О. 67, 98.
Сервантесъ. 123, 145, 147, 153, 154, 157, 164.
„Скупой", Мольера. 182.
„Скупой рыцарь", Пушкина. 178.
„Словарь Россійской академіи". 37.
Смирдинъ, 190, 194.
„Современникъ". 29, 40, 67, 139, 140, 172, 173.
„Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ". 12, 117, 172, 175, 178.
„Старосвѣтскіе Помѣщики". 12, 14, 172, 175.
Стернъ. 154.
„Страшная месть". 160.
Сумароковъ. 176.
„Сумбека" 190, 194.
„Сѣверная Пчела". 33, 40.
„Тарасъ Бульба". 12—14, 172, 175.
„Тартюфъ" 182.
Тассъ. 73.
„Телемакъ", Фенелона. 144.
Теньеръ. 2.
Тимоѳеевъ. 117.
Тинторентто. 174.
„Тяжба". 173.
„Утро дѣлового человѣка". 172, 173.
„Фанелла". 190.
„Фантастическія Путешествія", бар. Брамбеуса. 113, 116.
„Фаустъ", Гёте. 67, 125.
Фенелонъ. 144.
Флоріанъ. 144.
Фонвизинъ, 49, 111.
Херасковъ. 144.
„Цыгане", Пушкина. 146.
„Чайльдъ-Гарольдъ", Байрона. 67.
Шевыревъ, С. 1—32, 173—175.
Шекспиръ. 13, 19, 21, 27, 123, 124, 126—128, 130—132, 136, 139, 147, 156—159, 163, 164, 166, 167, 177, 182.
Шиллеръ. 123, 125, 126, 133, 157, 158, 160, 163, 164.
„Шинель". 173.
Щепкинъ (актеръ). 199.
„Эвелина де-Вальероль". 117.
„Энеида". 144.
„Юная Словесность", бар. Брамбеуса. 114.
„Юрій Милославскій". 190.

СПИСОКЪ КНИГЪ, СОСТАВЛЕННЫХЪ И ИЗДАННЫХЪ В. А. ЗЕЛИНСКИМЪ.

1. Пособія по изученію русскаго языка:

1. **Справочникъ по русскому правописанію**, съ приложеніемъ орѳографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква Ѣ. Составленъ по „Руководству“ Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 9-е. Ц. 50 к.

2. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

3. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 3-е. Ц 50 к.

4. **Справочникъ по русскому правописанію**. Выпускъ IV. Правописаніе, словопроизведеніе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

5. **Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку**. Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 6-е. Ц. 25 к.

6. **Вступительный курсъ зрительнаго диктанта**. Книга для элементарныхъ орѳографическихъ упражненій. (Готовится къ печати).

7. **Зрительный диктантъ**. Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія по методѣ списыванія и разрѣшенія орѳографическихъ задачъ. Часть первая. Изд. 17-е. Ц. 50 к.

8. **Зрительный диктантъ**. Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 9-е. Ц. 40 к.

9. **Подробный орѳографическій словарь**, заключающій въ себѣ: правильное начертаніе словъ, указаніе ударенія и раздѣленіе каждаго слова на части, для правильнаго переноса ихъ изъ одной строки въ другую. Приложеніе къ „Зрительному диктанту“. Ц. 2 р.

10. **Справочный словарь буквы Ѣ**. Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ Ѣ. Изд. 4-е. Ц. 25 к.

11. **Таблицы** для письменнаго грамматическаго разбора № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголъ. (Печатаются новымъ изданіемъ).

12. Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ: „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію". Изд. 2-е. Ц. 25 к.

13. Краткій алфавитный справочникъ по русскому правописанію. Опытъ группировки орѳографическихъ правилъ въ порядкѣ русскаго алфавита. Ц. 25 к.

II. Руководства по преподаванію русскаго языка:

(Методическая хрестоматія для обученія русскому языку).

14. а) Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній, пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ по обученію грамотѣ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изданіе 5-е. Цѣна 1 р.

15. б) Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 6-е. Ц. 1 р. Вмѣстѣ съ Хрестоматіей—1 р. 25 к.

16. в) Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ грамматическихъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными русскими педагогами. Изд. 5-е. Ц. 1 р.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія всѣ три предыдущія книги допущены въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

III. Пособія по исторіи русской литературы:

17. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Три выпуска. Изд. 6-е. Цѣна каждому выпуску 2 р.

18. Критическій комментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критическихъ статей. Четыре части. Первыя три части изданіе 4-е, а четвертая часть изданіе 3-е. Цѣна каждой части 2 р.

19. Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Три части. Первая часть изд. 3-е, а 2-я и 3-я—изд. 2-е. Ц. по 1 р. за часть.

20. Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Семь частей. Ц. по 1 р. за часть (1-я, 2-я, 3-я и 5-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а всѣ прочія части—2-мъ изданіемъ).

21. Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Восемь частей. Ц. по 1 р. за часть. (1-я, 2-я, 3-я и 4-я части вышли 3-мъ изданіемъ, а 5-я, 6-я и 7-я части вышли 2-мъ изданіемъ).

22. **Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя.** Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Три части. Первая и вторая части изданіе 4-ое, а третья часть изд. 3-е. Ц. по 1 р. за часть.

23. Критическіе разборы романа **Тургенева: „Отцы и Дѣти“.** Изд. 3-е. Ц. 50 к.

24. Критическіе разборы романа **Л. Н. Толстого: „Война и Миръ“.** Ц. 3 р. (Оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ Л. Н. Толстого“).

25. **Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго.** Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Пять частей. 1-я часть изд. 3-е, а остальн. части—2-е. Ц. по 1 р. за часть.

26. Критическіе разборы **„Дворянскаго Гнѣзда“ и „Наканунѣ“—Тургенева.** Перепечатано безъ измѣненій изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. Изд. 4-е. Ц. 80 к.

27. **Сборникъ критическихъ статей о сочиненіяхъ М. Ю. Лермонтова.** 2 части. Изд. 2-е. Каждая часть по 1 р.

28. **А. С. Пушкинъ въ разборѣ В. Г. Бѣлинскаго.** Отдѣльный оттискъ изъ „Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина“. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

29. Критическіе разборы **„Записокъ Охотника“—Тургенева.** Изданіе 3-е. Ц. 50 к.

30. Критическіе разборы романа **„Новь“—Тургенева.** Ц. 70 к.

31. Критическіе разборы повѣсти **„Рудинъ“—Тургенева.** Изданіе 2-е. Ц. 40 к.

32. Критическіе разборы романа **„Дымъ“—Тургенева.** Изданіе 2-е. Ц. 40 к.

33. Критическіе разборы романа **Ѳ. М. Достоевскаго „Преступленіе и Наказаніе“.** Ц. 1 р.

34. Критическіе разборы **„Записокъ изъ Мертваго Дома“—Достоевскаго.** Ц. 40 к.

35. Критическіе разборы **„Мертвыхъ Душъ“—Гоголя.** Ц. 1 р.

36. **И. С. Тургеневъ.** Біографія, ходъ развитія его таланта и общая оцѣнка его литературной дѣятельности. Оттискъ изъ „Собранія критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Ц. 50 к.

Складъ изданій В. ЗЕЛИНСКАГО: Москва, Патріаршіе пруды, д. Михайлова.

Цѣны книгамъ показаны безъ пересылки. Пересылка по дѣйствительной почтовой таксѣ. Выписывающіе книгъ на сумму отъ трехъ рублей за пересылку не платятъ, исключая плату за переводъ денегъ при наложеніи платежа.

БИБЛІОТЕКА ИМЕНСКАГО ПРИКАЗЧИЧЬЯГО